

В. Л. Бартоломей

ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ

ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

КНИГА I

РУССКАЯ
АКАДЕМИЯ

Annotation

Васильевский Василий Григорьевич (1838-99), историк, академик Петербургской АН (1890). Инициатор создания журнала "Византийский временник" (1894). Труды по социально-экономической истории Византии, истории русско-византийских отношений.

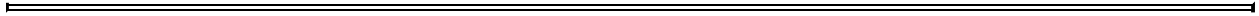

- [Василий Григорьевич Васильевский](#)
  -
  - [I. Положение вопроса о Византийских Варангах и источники для его решения](#)
  - [II. Варяги, отправленные в Константинополь Владимиром, и первые свидетельства исландских саг о Норманнах, вступивших в варяжскую дружину](#)
  - [III. Шеститысячный русский корпус в Константинополе в 988 года](#)
  - [IV. Византийские Варанги 1034 года](#)
  - [V. Варяжские баснословные рассказы. \[35\]](#)
  - [VI. Песни скальдов, как единственный исторический материал в сагах для вопроса о Варягах](#)
  - [VII. Действительная история Гаральда и его Вэрингов в Константинополе](#)
  - [VIII. Норманны, Русские и Варяги в Сицилии и Апулии \(1038–1042\)](#)
  - [IX. Нашествие Русских на Константинополь и Варяги 1047 года](#)
  - [Прибавление к гл. IX](#)
  - [X. Варяги и Франки во второй половине XI века](#)
  - [XI. Прямые доказательства существования Варяго-Руси в XI веке](#)
  - [XII. Англичане на византийской службе в виде Варягов](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)

- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)

- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)

Василий Григорьевич Васильевский

**Варяго-русская и варяго-английская
дружина в Константинополе XI и XII
веков**

Первая публикация: Журнал Министерства Народного Просвещения.
Часть 176 (1874 г.), Отд. II, 105–144.

Часть 177 (1875 г.), Отд. II, стр. 394–451.

Часть 178 (1875 г.), Отд. II, стр. 76-152.

/106/ — начало страницы первой публикации (с точностью ± полстроки).

Оцифровано по изданию:

Труды В.Г. Васильевского, Том I, СПб., 1908 г.

[177] — начало страницы переиздания (об изменениях в переиздании см. предисловие).

Орфография частично осовременена.

Постраничная (звездочками) нумерация сносок заменена сквозной.

OCR Сергей Трофимов.

Сканы предоставил Wewerr. К рецензии Д.И. Иловайского.

I. Положение вопроса о Византийских Варангах и источники для его решения

Один из главных борцов-противников норманской теории, С. А. Гедеонов^[1] первый обратил внимание на то чрезвычайно важное обстоятельство, что имя Варягов появляется в византийских источниках очень поздно, не ранее 1034 года. С большим остроумием он сопоставил появление в Византии новой по имени дружины Варягов с известием русской летописи, относящимся к 980 году: в этом «году Владимир, недовольный требованиями своих норманских Варягов-союзников, отправляет их в Грецию; его посольство к императору доказывает, что дело идет о новом, до того времени небывалом случае, то есть, о появлении в Константинополе целой массы Норманнов, вместо отдельных, в русской дружине исчезавших лиц». Прежде, то есть, до 971 года, до эпохи разрыва Святослава с Греками, наемное войско греческих императоров состояло главным образом из Руссов (по теории г. Гедеонова, исконных славянских жителей южной России); [177] только некоторые, немногие Норманны вступали в это русское отделение греческого войска и служили под тем же именем Ῥῶς. Со времени прибытия Варягов, отправленных Владимиром, становятся известными в Греции два отдельных корпуса: во-первых — Руссов, уже чисто-славянский корпус без всякой норманнской примеси, и, во-вторых — Варягов-Норманнов. О постоянном отличии обоих свидетельствуют все писатели того времени.

Д. И. Иловайский^[2] пишет: «Норманисты много и убедительно доказывали, что Варанги Византийские были Норманны и означали то же, что у нас Варяги. О чем мы совершенно /106/ согласны; только и в этом случае скандинавоманы слишком упирают на Скандинавию. Относительно отечества Варангов византийские известия указывают иногда на Германию, иногда на далекий остров, находящийся на океане, который они называют Туле, а чаще всего причисляют их к Англичанам. Под островом Туле у Византийцев разумеется вообще крайний северный остров, так что, смотря по обстоятельствам, под ним можно разуметь острова Британские, Исландию, острова и полуострова Скандинавские. Но что ж из этого? Мы все-таки не видим главного: тождества с Русью, и не только нет никакого тождества, напротив, Византийцы ясно различают Русь и Варягов; — для нас, повторяю, важно то обстоятельство, что Византийцы, близко, воочию

видевшие пред собою в одно и то же время и Варангов и Русь, нигде их не смешивают и нигде не говорят об их племенном родстве».

И в другом месте: «Византийцы нигде не смешивают Русь с Варягами. О Варягах они упоминают только с XI века; а о народе Рось, под этим ее именем, говорят преимущественно со времени нападения ее на Константинополь в 865 году. Но и после того они продолжают именовать Руссов Скифами, Тавроскифами, Сарматами и т. д.».^[3] [178]

На страницах Журнала Министерства Народного Просвещения мы еще недавно читали: Византийское Βάραυοι произошло не прямо от Vering (тогда было бы Βάριυοι), а чрез посредство славянского «Варязи», которое впервые пришло к Грекам из Киева, вероятно, в письменном сообщении. По свидетельству нашей летописи, это было именно в 980 году, когда наемники «Варязи», озаботившие было Владимира своими притязаниями, отпущены были им на службу к императору, и притом с рекомендацией, не слишком для них лестною. Эти-то «Варязи» и были, стало быть, первыми Варангами в Греции, где до их появления имя Βάραυοι было совершенно неизвестно, что вполне доказано уже г. Гедеоновым».

Тот же автор, объясняя вставные, по его мнению, слова летописи «сице бо тии звахуся Варязи Русь» и проч., — пишет: «Толкование это вставлено после, и никак не ранее XI века, когда Варягов, называвшихся Русью, нигде уже не было, когда пришедшие к нам Варяги-Русь уже ославянились /107/ и, утратив свое отдельное существование, слились с массою туземного славянского населения, которому сообщили свое имя, и когда вследствие этого слияния самое имя Русь получило уже совершенно другое значение, — стало означать уже нашу славянскую, православную Русь, народ Русский».^[4]

Итак, в настоящее время и норманистами, и противниками их признаются несомненными два следующие положения:

1) Имя Варангов появляется в Византии в XI веке, и появление этого имени объясняется прибытием туда варяжской дружины, о которой говорится в русской летописи.

2) С XI века Византийцы различали Русь и Варягов и никогда не смешивали этих двух названий.

Мы намерены проверить оба положения полным разбором всех византийских известий XI века, где говорится о Варягах. Нам уже давно казалось, что второе положение высказано и принято без достаточного изучения именно того [179] византийского писателя, который в этом случае был важнее других. Мы разумеем Атталиата или Атталиоту, который жил и

писал действительно в XI веке и не был компилятором, как Зонара и Кедрин, писатели более поздние. Летом нынешнего года издан, наконец, и другой самостоятельный и оригинальный источник для византийской истории XI века. В *Bibliotheca graeca medii aevi* (t. IV) напечатана история Михаила Пселла. Все ученые, занимающиеся византийскою или русскою историей, должны будут принести глубокую благодарность ученому греку Сафе (Sathas), неожиданно подарившему их таким дорогим и ценным сюрпризом. Пселл, как известно, был не только первым ученым своего времени, но и играл первостепенную политическую роль при Византийском дворе Константина Мономаха и его преемников. Он описывает то, чему сам был свидетелем, в чем сам был главным деятелем. Из его истории мы узнаем, что вместе с императором Константином Мономахом он следил своими глазами за ходом морского сражения Византийцев с Русскими в 1043 году. Рассказ его о походе Владимира Ярославича, представляющий некоторые особенности против других ранее известных источников, мы приводим в конце статьи в виде приложения, и оставляем за собою право поговорить впоследствии подробнее обо всем IV томе «Греческой средневековой Библиотеки», где, кроме истории, находятся и некоторые другие мелкие сочинения того же Пселла. В настоящее время мы воспользуемся теми данными, какие можно извлечь из истории Пселла относительно значения слова Βάραυροι у Византийцев, и /108/ относительно состава варяжской дружины в XI веке. Любопытно то обстоятельство, что Пселл, окончивший свою историю около 1088 года, ни однажды не употребляет выражения «Варанги», хотя, несомненно, говорит о самом предмете и даже описывает одну сцену, в которой сам он был главным действующим лицом, а Варяги представляли грозную обстановку. Кроме Пселла и Агталиоты, мы должны будем приводить места, относящиеся к XI столетию, еще из четырех писателей: Иоанна Скилицы или Иоанна Фракисийского, Никифора Вриенния, Кедрина и Зонары. Но, из всех этих писателей [180], только первый может быть почитаем сколько-нибудь самостоятельным писателем. Иоанн Фракисийский, сановник императора Алексея Комнина (1081–1118 гг.), написал *Ἐπιτομή ἱστοριῶν* от 811–1057 гг., и это сочинение было так основательно обокрадено Кедриним, что по справедливости во всех местах, где будет называться Кедрин, следовало бы писать и читать Иоанн Скилица. Иоанн Скилица и сам поступал в отношении других не лучше, чем Кедрин в отношении к нему. Он написал, несколько позже, продолжение своего первоначального труда, обнимающее время от 1057 года по 1081, и здесь довольно бесцеремонно воспользовался сочинением

Атталиоты. Эта именно часть труда и напечатана в Боннском издании под собственным именем Скилицы, тогда как первая пропала в компиляции Кедрина. Никифор Вриенний и Зонара жили в XII веке, точно так же, как и Кедрин, и подобно ему не имеют ничего своего самостоятельного. Это все нужно знать и иметь в виду при решении всякого частного вопроса, заставляющего обращаться к названным источникам. Тем более это нужно, что в конце XI века, как мы будем доказывать, состав варяжской дружины в Константинополе совершенно изменился, а, между тем, этого как будто не хотели знать писатели-компиляторы XII века (Вриенний и Кедрин). В суетном и тщетном желании придать себе некоторый вид самостоятельности, они прибегали нередко к легким стилистическим изменениям подлинника и вносили при этом в источник XI века воззрения своего времени. Это, с полной очевидностью, может быть доказано относительно Вриенния и того объяснительного замечания, которое он счел за нужное сделать относительно Варягов. Но, с другой стороны, такие стилистические изменения и легкие добавления помогают нам узнавать Варангов в таких местах у писателей XI века, в которых без этого мы /109/ должны были бы ограничиваться одними догадками, не для всех убедительными. Невизантийскими источниками мы пользуемся на столько, на сколько это необходимо для объяснения византийских.

Еще одно предварительное замечание. Мы не считаем себя компетентными в вопросах русской истории настолько, чтобы [181] вмешиваться в спор, снова поднятый уважаемым Д. И. Иловайским. Небольшое исследование, которое мы посвящаем Византийским Варягам, несколько не касается существа норманской теории, и выводы, которые из него позволительно будет сделать, могут быть обращены в свою пользу как норманистами, так и с таким же правом противниками их. Мы совсем не касаемся вопроса о том, что такое была Русь, о которой говорится в беседах патриарха Фотия и в договорах Русских князей с Греками, — равно как и вопроса о том, кто была та служебная Русь в Византии, о которой упоминается в сочинениях Константина Багрянородного, — и отправляемся от того положения, в настоящее время признаваемого, кажется, обеими сторонами, что в XI веке Русь есть не иная, какая Русь, как славянская, православная.

II. Варяги, отправленные в Константинополь Владимиром, и первые свидетельства исландских саг о Норманнах, вступивших в варяжскую дружину

Первый из двух вышеозначенных пунктов, подлежащих здесь исследованию, состоит в том, что появление на страницах византийской истории имени Варангов объясняется прибытием в Царьград дружины, находившейся до тех пор на службе Киевских князей, в частности — Киевского князя Владимира; или, другими словами: первые Варанги в Константинополе суть те Варяги, которые были приведены Владимиром из-за моря, а потом, недовольные им, ушли в Царьград. Положение это основывается на сопоставлении двух явлений, связь между которыми открыта только комбинирующею силой ума известного и замечательного русского исследователя. В 980 году отправились из Киева в Византию Варяги; в 1034 году у византийских историков в первый раз упоминаются Варанги, до сих пор им неизвестные; следовательно, Византийцы узнали Варангов незадолго до 1034 года и всего скорее познакомились с ними в лице тех Варягов, о [182] прибытии которых в Константинополь мы имеем положительные /110/ сведения. Законность такого вывода и вообще такого приема в историческом исследовании не может быть отрицаема. Но к нему нужно прибегать только в том случае, когда нет никаких других прямых указаний, объясняющих вопрос более положительным образом, и особенно — когда ничего не противоречит выводу. Мы оставляем в стороне довольно насильственное понимание г. Гедеоновым первоначальной летописи. Услышав, что Ярополк убил Олега, Владимир бежал за море, то есть, по объяснению г. Гедеонова, не к Шведам, а, без сомнения, к своим западным однокровникам (на Балтийском поморье), быть может, в Юмну. Через два года он пришел с Варягами к Новугороду, при помощи их взял Киев; в его войске преобладал вендо-варяжский элемент (Отрывки, стр. 162). А между тем Варяги, отправившиеся в Константинополь, были Скандинавы. Такое довольно натянутое толкование находится в связи с теорией г. Гедеонова о призвании князей с Балтийского поморья, которая не подлежит здесь

обсуждению. Наш вопрос состоит в том, существует ли действительно связь между рассказом первоначальной русской летописи, помещенным под 980 годом, и первым упоминанием Варангов у византийского писателя. В летописи мы читаем:

«Варязи (при помощи которых Владимир одержал верх над Ярополком и овладел Киевом) реша Володимеру: «се град наш; мы прияхом и, да хотим имати окуп на них по две гривне от человека». И рече им Володимер: «пождете, даже вы куны сберуть, за месяц». И ждаша месяц, и не дасть им, и реша Варязи: «сольстил еси нами, да покажи ны путь в Греки»; он же рече им: «идете». И избра от них мужи добры, смыслены и храбры, и раздая им грады; прочии же идоша Царюграду в Греки. И посла пред ними слы, глаголя сице царю: «се идут к тебе Варязи, не мози их держати в граде, оли то створять ти зло, якоже и сде, но расточи я разно, а семо не пущай ни единого».

Сопоставляя это свидетельство с толкованием г. Гедеонова, заметим: **[183]**

Во-первых, на каком основании мы будем думать, что Византийский император не послушал данного ему совета? Само собою понятно, что летописец, кто бы он ни был, никак не имел в виду рассказывать о каких-либо бесплодных дипломатических сношениях Киева с Константинополем. Совет Владимира предполагает исполнение или даже есть только живая летописная (эпическая) форма для передачи факта, /111/ совершившегося в действительности. Варяги, отправившиеся из Киева в Византию, не остались в городе, не остались при дворе императора, следовательно, не сделались его телохранителями или лейб-гвардией, то есть, тем, чем, по общепринятому мнению, были Варанги в Византии. Они были рассеяны, расточены розно; следовательно, не могли образовать какого-либо отдельного военного корпуса.^[5] Мы знаем, что действительно в Византии не всегда благосклонно принимали вооруженную толпу, приходившую из Киева. Пример Хрисохира известен и будет приведен ниже.

Во-вторых, мы можем обратить внимание и на то обстоятельство, что между 980 и 1034 годами приходится все-таки слишком значительный промежуток. С той поры, как Варанги в первый раз были упомянуты в византийской истории, они являются в ней непрерывно, постоянно и довольно часто. Отчего нет никаких следов их существования в первые пятьдесят четыре, или, принимая в расчет и невизантийские источники, в первые тридцать лет их предполагаемого пребывания в Константинополе? Правда, византийские источники очень скудны именно за последние годы X столетия. Но они восполняются летописями армянскими, грузинскими, а

потом южно-итальянскими, наконец, — исландскими сагами, обильным источником именно для истории Варягов и Варангов. ^[6] [184]

В-третьих, эти же самые исландские саги и опровергают окончательно мысль, пущенную в оборот г. Гедеоновым. Спешим, однако, заметить, что свидетельства исландских саг опровергают не только теорию г. Гедеонова о происхождении Византийских Варангов, но точно также и все возражения, сделанные на нее из противного лагеря, именно на основании исландских саг.

А. А. Куник, с некоторою резигнацией принявший многие из ударов (часто действительных, иногда мнимых), нанесенных норманнской теории автором «Отрывков о Варяжском вопросе», делает следующие замечания относительно византийских «гвардейских секироносцев»: «Относительно поездок в Византию надобно различать Шведов и Норвежцев строже, чем это делает г. Гедеонов. Первое известие о Шведах, явившихся в Византию, относится к 838 году, и даже г. Гедеонов допускает это, хотя и старается этот неудобный для него факт всячески перевернуть и перетолковать. А когда в первый раз прибыли в Византию Норвежцы? Едва ли раньше 934 года, когда Норвежец Эгиль титуловал себя предикатом *foldväringi*, а вернее 40 или 50 лет спустя. Северные саги, которые, по их содержанию, конечно, должно разделить на мифические, /112/ романические и более или менее исторические, толкуют об этом довольно определенно. Как известно, они почти никогда не показывают годов, а представляют только не прямые хронологические данные. Зато в них — мы имеем здесь в виду саги исторические — называется по имени множество Норвежцев и Исландцев с их родословными, которых древние Исландцы собрали огромную массу. Иной раз установить хронологию известий помогают также введенные в саги события нескандинавских стран. Таким путем можно дойти до того, что первые Норвежцы и Исландцы отправились в Византию для поступления в военную службу, *по всей исторической вероятности* (курсив подлинника), лишь по смерти Святослава (ум. 972). Первый император, упоминаемый в сагах, [185] есть Јоп (то есть, Иоанн Цимисхий, ум. 10-го января 976 года) победитель Святослава. Чаше же стали такие поездки лишь с начала XI столетия, как прямо дает понять одна сага. Этим подрывается положение г. Гедеонова о вступлении (норвежских) *Väringjar* в лейб-гвардию императоров». (Отрывки, стр. 223).

Но для того, чтобы сделаться Варангом, мало было приехать в Грецию, а нужно было вступить в военную службу, или даже, по общепринятому воззрению, в число телохранителей императора, в состав его лейб-гвардии. Известие Бертинских летописей о людях, посланных императором

Феофилом к Людовику Благочестивому, которые называли себя Рос, а по расследовании оказались Шведами, совершенно не относится к вопросу о Византийских Варангах, ибо нигде не сказано, что это были Варанги. Далее, то, что Норвежец Эгиль титуловал себя в 934 году *foldväringi*, также нисколько не служит к опровержению г. Гедеонова. Это слово объяснено самим А. А. Куником на одной из предыдущих страниц его замечаний (стр. 219) и значит защитник наследственной земли (против несправедливого приговора суда), *juris defensor, vindex*. Если скандинавское название Варягов и происходит от корня, означающего на северном языке защищать, оберегать, то это не значит, что для получения названия защитник (чего бы то ни было) необходимо было съездить в Византию. А, главное, зачем делать гадательные предположения, когда в сагах есть совершенно определенные указания о том, кто именно и когда именно был первым Норманном, вступившим в варяжскую дружину. Мы удивляемся, каким образом никто до сих пор не обратил внимания на следующее в высшей степени важное место в одной из /113/ древнейших и наиболее достоверных исторических саг:

«Когда Болле провел одну зиму в Дании, он решил отправиться в более отдаленные страны, и не прежде остановился в своем путешествии, чем прибыл в Миклагард (Византию); он провел там короткое время, как вступил в общество Вэрингов (= Варангов). У нас нет предания (нам не передано), чтобы кто-нибудь из Норманнов служил у Константинопольского императора прежде, [186] чем Болле, сын Болле. Он провел там много зим и во всех опасностях являлся храбрейшим и всегда между первыми; подлинно, Вэринги много ценили Болле, когда он жил в Константинополе». (*Quumque Bollius in Dania transegisset, ad remotiores regiones adire paravit, hand itinere desistebat prius quam Miklagardum pervenisset; brevi ibi fuerat moratus, quum Vaeringiorum inivit societatem. Nec nobis quidem relatum est, Normannorum aliquem sub Constantinopolitano rege meruisse prius, quam Bollium Bollii filium. Multas ibi degit hyemes ac in omnibus periculis fortissimus est habitus, ac semper inter principes, ac magni sane Vaeringi Bollium existimavere, dum Constantinopoli moraretur*).

Это читается в Лаксдэльской саге (*Laxdaela-Saga. Historia de rebus gestis Laxdølensium. Ex mss. leg. Arn. Magn. cum interpretatione latina et cet. Hafniae, 1827*), стр. 315. Лаксдэльская сага записана, как полагают, в начале XIII столетия; следовательно, по времени записания она не принадлежит к самым древним, но события, в ней описываемые, оканчиваются около половины XI века.^[7] Таким образом, она, подобно всем другим сагам, довольно долго сохранялась в устном предании. Вопрос о том, в какой

степени первая письменная редакция сохранила подлинный устный текст саги, для нас пока не имеет никакой важности. Если замечание о том, что Болле Боллесон был первым Норманном, вступившим в военную службу к Византийскому императору, сделано только при письменной редакции, то это будет значить, что в начале XIII века, то есть, во времена Снорри Стурлесона — когда последний кульминационный пункт своеобразного исторического /114/ творчества в Исландии уже завершился — не было известно ни [187] одной саги, которая говорила бы о более ранней службе Норманнов-Скандинавов в Византии.

К какому же времени относится вступление Болле Боллесона в общество Варангов? Решить этот вопрос не трудно, потому что лица, действующие в Лаксдэльской саге, не только встречаются в других исторических сагах, но упоминаются также у Аре Фроди, первого исландского летописца, то есть, суть лица вполне исторические. Отец первого Византийского Варанга из Норманнов, по имени Болле, есть одно из таких лиц, упоминаемых в летописи; другой герой саги, Киартан, не только появляется во всех рассказах о стремлениях короля Олафа Тригвасона обратить Исландию в христианство, но даже его гробница с рунической надписью сохранилась до нашего времени. Болле отец, по летописи, был убит в 1007 году, а только после его смерти родился его сын, Болле младший или Боллесон. Двенадцати лет, по саге, он предпринимает исполнить долг мести за своего отца (1018 г.), но потерпел неудачу. Потом он женился и только после этого отправился в далекие страны, сначала в Данию, а потом в Константинополь. Итак, первый Норманн явился в числе Варангов никак не ранее 1020 года, а, по-видимому, после 1023 или даже 1026 года. О путешествии Болле Боллесона говорится после рассказа о гибели Торкеля Ейольфсона, что относится к одному из сейчас означенных годов. [8] [188]

Такому заключению, по-видимому, противоречит упоминание Вэрингов в двух других исторических сагах, считаемых самыми древними — как на основании их содержания, так и по времени письменной редакции, относящейся к первой половине XII-го века. [9] Это суть: 1) сага о Вига-Стире и 2) сага о битве на поле (auf der Heide) или Heidharvíga-Saga. В первой является на сцену Гест, сын Торгалла (Thórhall); убив Стира (1007 г.), одного из старшин или князьков Исландских, он удаляется из опасения мести сначала в Норвегию, а потом в Миклагард, где поступает в число Вэрингов. Здесь находит его сын Стира, Торстейн (Thorstein), застаёт его во время игр среди Вэрингов и бросается на /115/ него с мечом в руках,

и т. д. ^[10] Событие должно относиться **[189]** к 1011 году, и, следовательно, сказание о Стире противоречит прямому свидетельству Лаксдэльской саги о первом Норманне в Византийской гвардии. Но весьма легко решить, на которой стороне находится большая достоверность. Подлинная первоначальная рукопись Вига-Стировой саги и единственный список с нее, сделанный для Арна Магнусона (Ami Magnusson), сгорели при Копенгагенском пожаре 1728 года. В нынешнем своем виде сага восстановлена по памяти переписчиком Арна Магнусона. ^[11] Понятно, что при этом не могли вполне удержаться все подлинные выражения саги, и легко могли явиться прибавки, особенно под влиянием знакомства с другими сагами. Путешествие в Царьград и вступление в варяжскую дружину Византийского царя самая обычная черта в позднейших сагах; она легко могла попасть из них чрез посредство такого позднего редактора и в Вига-Стирову сагу. Между тем не всегда нужно было ездить в Византию, чтобы сделаться Варангом: в начале XI века для этого можно было ограничиться Киевом или вообще Русскою землей.

Не совсем верно утверждают, что Норманны, служившие у Русских князей, никогда в северных сагах не называются Вэрингами. В Гейдар Вига — саге, которая составляет продолжение Вига-Стировой, но по времени записания даже древнее ее и сохранилась в очень хорошей рукописи до нашего времени, ^[12] рассказывается о Вига-Барди, что он, изгнанный судом из своей родины, т. е. Исландии, после нескольких скитаний, прибыл с женою в Галогаланд (Halogaland), то есть, в северо-западную приморскую окраину Норвегии. Здесь он поссорился с женой и опять пустился путешествовать. «Он не /116/[190] оставил своего пути, пока не прибыл в Гардарики; и сделался там наемником, и был там с Вэрингами, и все Норманны высоко чтили его и вошли с ним в дружбу» (Islendinga Sogur II, 394: Kom í Gardaríki, ok gekk thar á mála ok var thar medh Vaeringium, ok thótti öllum Nordhmonnum mikils um hann vert, ok höfdhu hann í kaerleikum medh ser). ^[13]

Ясное дело, что здесь идет речь о Русских Варягах, о Варягах, находящихся в Гардарике; напрасно, стало быть, помещают (Гопф и сам Конрад Маурер) Вига-Стира в число Византийских Варангов. Но если б это и было основательно, то и тогда прямое свидетельство Лаксдэльской саги не потеряет своего значения. События, рассказываемые Гейдар Вига — сагой, относятся к началу XI-го столетия; эпоха битвы, от которой произошло самое название саги, определяется летописными показаниями 1013 годом, а по другим сагам битва произошла в 1014 или даже в 1015

году.^[14] Между сражением и судебным приговором, произнесенным против Вига-Барди, находится значительный промежуток времени, так что варяжская служба нашего героя падает к 1020 годам, а с точностью не может быть определена хронологически. По свидетельству ученых издателей подлинной саги, она кончается 1025 годом, а последнее событие, в ней рассказанное, есть именно смерть Барди, павшего в битве после трехлетней службы в Вэрингах.

Третья сага, упоминающая о Вэрингах, есть Ньялова сага (Njala или Njals-Saga). По Мюллеру и Росселету, она записана в первой половине XII века, и события, составляющие ее содержание, относятся к началу XI века и оканчиваются приблизительно 1017 годом. Нужно, однако, думать, что мы имеем сагу не в том виде, как она была первоначально записана, а переработке гораздо более позднего времени.^[15] Здесь идет [191] речь о Норманне (Исландце) Колскегге: «Он отправился в Данию и поступил на службу к королю Дании Свену Двойнобородому (tjuguskegg, fursibarbus) и здесь пользовался большим /117/ почетом. В Дании Колскегг принял крещение, но не поселился там окончательно, а пошел на восток, в Московию (sic), и провел там одну зиму. Вскоре он отправился отсюда в Константинополь и начал там служить наемником. Последний слух, принесенный о нем, был тот, что он там соединился браком и, поставленный во главе стражей царства, остался там до последнего дня: и здесь упоминание о нем заключается». (Jam de Kolskeggo memorandum est — Daniam orientem versus profectum se regi Danorum Sveini fursibarbo commendasse... Moscoviam ad orientem versus petiit... mox inde Constantinopolim profectus ibi stipendia coepit facere. Novissima de illo fama tulerat, illic matrimonio junctum et custodibus regni praefectum, ad supremam diem permansisse: atque hic mentio ejus clauditur. — Historia Niali et filiorum latine reddita. Hafniae, 1809, p. 256 sq.).

Мы можем принять рассказ о Колскегге за вполне достоверный, предполагая, что в оригинале вместо Московии читалось Гардарика,^[16] и что указание на последний слух о судьбе Колскегга принадлежит не иначе как современнику. Но на первый взгляд, очевидно, что таким образом известие о службе Колскегга среди Варангов (ибо они, конечно, понимаются под custodes regni) несколько выходит из рамки повествования, ограничиваемого 1017 годом, и будет относиться, по крайней мере, к двадцатым годам XI столетия.^[17] [192]

В Hallfredhar-Saga мы читаем о Грисе Сэмिंगссоне (Griss Saemingsson): «Есть человек, называемый Грис, сын Сэминга, мой приятель

и живет в Гейтаскарде в Длинной долине (Langadal); он был в Миклагарде и собрал там большие почести; он — богатый человек и у него много друзей» (Fornsögur изд. Vigfusson и Möbius, Leipzig 1860, стр. 88).

Грис Сэмунгссон жил также в начале XI столетия, подобно Болле Боллесону и Колскеггу; потому нет никакой нужды пускаться в хронологические соображения о том, не поступил ли он в Варанги ранее Боллесона.^[18] Сверх того, в саге даже и не утверждается прямо, что он служил в наемной византийской дружине.

Что же касается Греттировой саги (Grettis-saga, Grettla по имени Скальда Греттира) и до Вэрингов, в ней упоминаемых, то здесь пока не время говорить о них. Торбиорн Онгул и его товарищи суть уже современники Гаральда Гардраде, в одно с ним время служат византийскому царю или царице: /118/ следовательно, они вступили в число Варангов позднее вышеозначенных Исландцев ^[19] В саге прямо сказано, что Онгул (Aungul) и Дромунд пришли в Миклагард тогда, когда уже был большой прилив туда северных людей, и именно при Михаиле Католаке (то есть, Калафате). (См. Grettla-saga ved S. Magnussen, Kjobenh. 185 2. «Критический текст дал Boer 1900 (Altnord. Sagabibl. VII), гл. 86 p. 294 sq.» Ср. Müller-Lachmann I, 189).

После этого мы имеем полное право утверждать, что исландские саги не подтверждают предположение, высказанное г. [193] Гедеоновым и потом принятое другими. Первые Норманны, служащие в византийской гвардии и носящие имя Варягов, не были Варяги — Скандинавы, ушедшие в 980 году из Киева, а другие, отправившиеся туда позднее и нам известные поименно.^[20]

Нельзя, однако, оставить без внимания следующего соображения, подсказываемого некоторыми выражениями в приведенных выше отрывках. Норманны, приходящие из Норвегии и Исландии, как будто отличаются от других Варягов или Варангов. Варяжская дружина, как на Руси, так и в Миклагарде существует ранее их, ранее Болле Боллесона и ранее Вига-Стира. И. Олафсон, вышеупомянутый переписчик и воссоздатель Вига-Стировой саги, отметил старинные выражения и обороты, в ней встречавшиеся. В его эксцерптах прямо замечено, что в подлинной саге Норманны часто отличались от Вэрингов (Saerpius eru Nordhmenn distingueradir frá Vaeringjum. Islendinga Sögur, II, 481).

Из кого же состояла варяжская дружина в Цареграде по вступлении в нее Норвежцев, и кто составлял варяжскую дружину на Руси помимо Норманнов?

Ответ на это может быть двоякий. Норманисты должны сказать, что и здесь и там это были Шведы, то есть, что когда исландская сага говорит о первом Норманне, вступившем в общество Варягов, и когда она отличает в русской варяжской дружине, как особую составную часть, Норманнов, то при этом под Норманнами она понимает только Норвежцев, живущих на самом полуострове и в Исландии, [194] выключая отсюда Шведов. Шведы, следовательно, могли и ранее быть Варангами в Константинополе, точно так, как на Руси они были долго первыми и единственными Варягами. Мы думаем, что такое положение будет очень трудно доказать. Выражение «Нордманны, Nordmenn» в сагах употребляется в двояком значении. В первом, обширном значении оно обнимает не только всех жителей Скандинавского полуострова, но /119/ также Датчан и, само собою, понимается, Исландцев. Когда нужно, несомненно, и ясно отличить между Норманнами Норвежца, тогда в сагах употребляются выражения: Austraenn или Noregsmenn. Второе, более тесное значение слова Норманн, или, собственно, nordhmadhur, norgaenn, действительно, исключает Датчан, Шведов и Готов, но оно исключает также и всех людей Норвежского племени, поселившихся вне Норвегии, то есть, между прочим, Исландцев [а означает одних жителей Норвегии]. [21] Ясно, что в этом втором значении слово Норманн не могли быть приложено к Болле Боллесону, родившемуся в Исландии и отправившемуся в Византию из Дании. Следовательно, выражение Норманны в Лаксдэльской саге мы должны принимать в широком значении. Болле был первый скандинавский Норманн, вступивший в варяжскую дружину. Притом с предполагаемым нами нормано-шведским толкованием мы все-таки недалеко уйдем в византийской истории варяжского военного корпуса. Все-таки останется несомненным, что этот корпус является в Константинополе очень поздно, на глазах вполне ясной истории, которая и отмечает Шведов в составе Варангов, как скоро они в нем оказались (Шведы упоминаются в числе Варангов, но только несколько позднее и на ряду с другими — в саге об Олафе Святом и о Гаральде). [22] [195]

После этого нам понятно будет, почему даже в /120/ исландских сагах Норманны XI столетия, приходящие на службу Русского князя, «отличаются» от прочих Варягов.

Обращаясь к Византийским Варангам, мы заранее можем высказать ожидание, что и там нас встретит такое же явление, то есть, что и византийский военный корпус Варангов вовсе не состоял из одних только Норманнов — Скандинавов, даже, быть может, Норманны составляли

небольшую его долю. Теперь для нас всего важнее то, что Норманны, то есть, Исландцы, Норвежцы, а потом Шведы, вступают в Константинополь уже в готовое «Варяжское общество». Вопрос, поставленный в начале главы, остается пока не решенным. Мы не приняли сопоставления, сделанного г. Гедеоновым, между Варягами, отправившимися из Киева в 980 году, и Византийскими Варангами 1034 года, — на том преимущественно основании, что этих Варягов г. Гедеонов считает Норманнами, а Норманны появились в составе византийской варяжской дружины гораздо позднее 980 года: мы определенно знаем, когда именно. Но если Варяги существуют в Константинополе ранее 1020 года, ранее первого появления среди них Норманнов, то, во-первых, кто-же они были? — а во-вторых, и это для нас теперь главное, когда-же был сформирован знаменитый варяжский корпус в Византии? Можно, конечно, оставить объяснение г. Гедеонова, подвергнув оное небольшому видоизменению. Варяги, отправившиеся в 980 году из Киева в Царьград, не были Норманны, а или те самые Венды-Славяне, которые, /121/ по теории г. Гедеонова, в сущности, и были настоящими и основными Варягами, или просто Русские — Славяне, без сомнения, также вступавшие в Киевскую варяжскую дружину. Но мы уже указали трудности, какие встретит такое толкование. Нужно будет предполагать, что Василий II не послушался совета, поданного Киевским князем. Нужно будет доказывать, что именно Варяги — пришельцы, которые все-таки были в Киевской варяжской дружине и, по-видимому, только что приведены были Владимиром из-за моря, остались на Руси, а ушли свои Русские, которым приходилось расстаться с родиной. Можно здесь прибавить и еще одно соображение, помимо других, которые пусть [196] лучше подразумеваются. В 988 году Русский князь Владимир находился в открытой вражде с Византийской империей; взятие в этом году Херсона известно как из русской летописи, так равно из византийских источников (Лев Диакон). [23] Что же в этом году сделалось с отрядом Варангов, находившимся в Византии и состоявшим исключительно из Русских? После, при подобных случаях, отправляли Варангов подальше из Константинополя: но мы не видим, чтобы в 988 году была принята такая мера. Правда, можно заметить, что в 988 году Русские не угрожали самому Константинополю, как это было в том нашествии, которое мы подразумеваем. Но, во всяком случае, есть очень ясные указания, что зимой 987–988 годов не было в Цареграде Русских, а если они здесь явились в продолжение года, то это были не прежние и старые пришельцы, а новые. Именно после взятия Херсона и после женитьбы Владимира на греческой царевне Анне Русские в Византии являются вновь,

после перерыва, бывшего следствием Болгарской войны Святослава. Наши русские историки и ученые разыскатели, гонясь иногда за призраками, пропустили и пропускают без внимания факт громаднейшей важности в истории не только русской, но и всего севера. Этот факт мы выражаем надписанием следующей главы нашего исследования.

III. Шеститысячный русский корпус в Константинополе в 988 года

На первых страницах истории Михаила Пселла, начинающейся со смерти Цимисхия и, таким образом, служащей прямым /122/ продолжением Льва Диакона, рассказывается о возмущении Варды Фоки против Василия II: неприятели дошли до самой Пропонтиды и расположились лагерем на другой стороне моря, в виду Константинополя. Тогда: «Император Василий убедился в [197] нерасположении к нему Греков, и так как незадолго пред тем к нему пришел от Тавроскифов значительный военный отряд, то он, соединив их вместе и устроив другую наемную силу, выслал (их) против расположенной на другой стороне фаланги» (Ὁ δὲ βασιλεὺς Βασίλειος τῆς τῶν Ῥωμαίων ἀγνωμοσύνης κατεγνώκως, ἐπειδήτερ οὐ πρὸ πολλοῦ ἀπὸ τῶν ἐν τῷ Ταύρῳ Σκυθῶν λογὰς πρὸς αὐτὸν ἐφοίτησεν ἀξιόμαχος, τοὺτους δὴ συγκροτήσας καὶ ξενικὴν ἐτέραν ξυλλοχισάμενος δύναμιν, κατὰ τῆς ἀντικειμένης ἐκλέμπει φάλαγγος). [24]

Что под Тавроскифами здесь разумеется Русь, это не требует никаких доказательств. В таком смысле это слово употребляется у Льва Диакона, к последним страницам которого примыкает, как продолжение, труд Михаила Пселла. У других позднейших историков мы сейчас увидим именно Русь при рассказе о том же самом факте. Приведенное нами место представляет неопределенность и неясность не относительно национальности «значительного военного отряда», а совершенно в других отношениях. Возмущение Варды Фоки падает на 987–989 годы; военные действия, в которых участвуют Русские, не многим предшествуют апрелю 989 года, когда Фока умер, а его армия рассеялась. [25] Итак, куда должно быть отодвинуто «не задолго пред тем», определяющее время прибытия русского отряда? На основании неопределенных выражений Пселла можно было предположить, что здесь идет речь о тех Варягах, которые отправились из Киева в 980 году. По прямому смыслу вышеприведенного отрывка, к 989 году относится не прибытие Русских военных людей в Константинополь, а их организация в особый отряд, внушающий более доверия, чем местные силы. Слово συγκροτήσας [198] (соединив, собрав в одно место) могло бы быть принято, как /123/ намек на то, что значительное количество русских людей хотя и находилось (с 980 года) в Византии, но было рассеяно в разных местах (как советовал поступить Владимир). Все это оказалось бы,

однако, напрасными и неосновательными догадками. Не совсем удовлетворительны для нашей пытливости, которой, конечно, Пселл не мог иметь в виду, и последние фразы выписанного нами отрывка. Слова $\xi\epsilon\nu\kappa\eta\eta\nu \acute{\epsilon}\tau\epsilon\rho\alpha\nu \delta\acute{\upsilon}\nu\alpha\mu\iota\nu$ могут быть понимаемыми в смысле противоположения ненадежным Грекам, служившим не по найму, или же в смысле сопоставления с русским отрядом; так что в первом случае именно Русские и будут составлять наемную другую силу, а во втором нужно будет допустить существование или учреждение еще какой-то иной, помимо Русских, военной наемной силы. Гораздо естественнее первое объяснение, потому, во-первых, что образование новой силы выше мотивируется только прибытием одних русских людей; во-вторых, потому, что два глагола $\sigma\upsilon\kappa\rho\tau\eta\sigma\alpha\varsigma$ и $\xi\upsilon\lambda\lambda\omicron\chi\iota\sigma\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ в сущности представляют естественную градацию двух действий, относящихся к одному объекту: первое значит стянуть, собрать в одно место массу военных людей, а второе — разделить их на отряды, дать надлежащую организацию; в-третьих, потому, что другие источники все говорят об одних Русских.

То, что неясно в рассказе Пселла, объясняется параллельными местами двух византийских писателей XII века, почерпавших свои известия из одного источника, то есть, рабски копировавших хронику Иоанна Фракийского. Иоанн Фракийский, как уже было замечено, жил в конце XII столетия. Мы имеем одну докладную записку ($\acute{\upsilon}\lambda\omicron\mu\nu\eta\sigma\iota\varsigma$), представленную им Алексею Комнину в 1092 году (Zachariae, *Ius graecoromanum*, III p. 376). Но есть очень много признаков, что известия, относящиеся к первой половине XI века и вошедшие первоначально в его хронику, были записаны современно самым событиям, именно в Малой Азии. Во всяком случае, с первого взгляда, очевидно, что в данном, нас интересующем, месте Кедрин и Зонара независимы от Пселла.

Рассказывая историю возмущения Варды Фоки, Кедрин (II, [199] 444) пишет, что когда один отряд Варды явился в виду Хрисополя (теперь Скутари), то Василий II «приготовил ночью корабли и посадил на них Русь, так как, кстате, он призвал к себе из них союзную (военную) силу и сделал зятем князя их Владимира по своей сестре Анне; переправившись с ними, он неожиданно нападает на врагов и легко захватывает в свои руки»: $\pi\lambda\omicron\iota\alpha \pi\alpha\phi\alpha\sigma\kappa\epsilon\upsilon\acute{\alpha}\sigma\alpha\varsigma \nu\iota\kappa\tau\omicron\varsigma \kappa\alpha\iota /124/ \tau\omicron\upsilon\tau\omicron\iota\varsigma \acute{\epsilon}\mu\beta\acute{\iota}\beta\acute{\alpha}\sigma\alpha\varsigma \text{ '}\rho\acute{\omega}\varsigma$ ($\acute{\epsilon}\tau\upsilon\chi\epsilon \gamma\acute{\alpha}\rho \sigma\upsilon\mu\mu\alpha\chi\acute{\iota}\alpha\nu \pi\rho\omicron\sigma\kappa\alpha\lambda\epsilon\sigma\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma \acute{\epsilon}\xi \alpha\upsilon\tau\acute{\omega}\nu, \kappa\alpha\iota \kappa\eta\delta\epsilon\sigma\tau\eta\nu \pi\omicron\iota\eta\sigma\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma \tau\omicron\nu \acute{\alpha}\rho\chi\omicron\nu\tau\alpha \tau\omicron\upsilon\tau\omega\nu \text{ }\nu\lambda\alpha\delta\iota\mu\eta\rho\omicron\nu \acute{\epsilon}\pi\iota \tau\eta \acute{\epsilon}\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon \acute{\alpha}\delta\epsilon\lambda\phi\eta \text{ '}\text{A}\nu\eta\eta$), $\pi\epsilon\rho\alpha\iota\omega\theta\epsilon\iota\varsigma \mu\epsilon\tau' \alpha\upsilon\tau\acute{\omega}\nu \acute{\alpha}\nu\omicron\eta\tau\omega\varsigma \acute{\epsilon}\pi\iota\tau\acute{\iota}\theta\epsilon\tau\alpha\iota \tau\omicron\iota\varsigma \acute{\epsilon}\chi\theta\rho\iota\varsigma \kappa\alpha\iota \rho\acute{\alpha}\nu \chi\epsilon\iota\rho\omicron\upsilon\tau\alpha\iota$.

В подобных же выражениях описывается событие у Зонары (vol. II p. 221 В Paris.): «Когда Дельфина (сторонник Фоки) расположился лагерем

против Хрисополя, император напал на них с Русским народом, потому что он, устроив родственный союз с князем их Владимиром чрез сестру свою Анну, получил оттуда вспомогательный военный отряд: он одержал верх над противниками»: αἰφνίδιον ἐπῆλθεν ὁ βασιλεὺς μετὰ λαοῦ Ῥωσικοῦ (κῆδος γὰρ πρὸς Βλαδιμηρὸν τὸν ἄρχοντα τούτων ἐπὶ Ἄννη τῇ ἀδελφῇ αὐτοῦ θέμενος συμμαχικὸν ἐκεῖθεν ἐδέξατο), καὶ ῥᾶον τῶν ἐναντίων ἐκράτησε.

Не останавливаясь на том, что здесь вместо Тавроскифов является Русь, Русский народ, состоящий под властью князя Владимира, мы получаем совершенно новое, более яркое освещение факта и объяснение причины, вследствие которой явился в Византию «значительный военный отряд» Пселла. Эта причина есть брак Киевского князя на сестре императора Василия, а по русской летописи — соединенное с ним крещение Владимира, относимое к 988 году. Следовательно, вспомогательный русский корпус отправлен был в Византию только в 988 году, пред самым приближением малоазиатских инсургентов к Царьграду, на что и указывают выражения Кедрина (ἔτοχε). Очевидно, все это вместе бросает несколько новых лучей света на одно из важнейших событий русской истории; с одной стороны, должно быть оценено затруднительное положение Василия II в 988 году, а с другой — должно быть признано, что не одно желание обратить Киевского князя в христианство [200] заставило царевну Анну отправиться в Корсунь; что, наконец, условия брачного союза не ограничивались одним принятием крещения и возвращением Херсона. Обращаемся, однако, к своему предмету.

Помимо Византийцев, об отправлении Владимиром вспомогательного союзного отряда в Византию свидетельствуют два армянских историка. Один из них, Степанос Таронский, по прозванию Асохик, есть ближайший современник Владимира Киевского и Василия II. Он предпринял свой труд по приглашению владыки Саргиса, о котором известно, что он вступил на патриарший престол армянской церкви в 992 году (см. введение /125/ Эмина к Всеобщей истории Асохика, Москва 1864, стр. VII). «Асохик», по словам его русского переводчика, «занимает одно из почетных и видных мест между писателями своего отечества. Не говоря о правдивости, которою он по справедливости может гордиться наравне со всеми армянскими историками, у которых она составляет характеристическую черту и одно из главных достоинств, он имеет перед ними еще то огромное преимущество, что с необыкновенной тщательностью относится к хронологии» (стр. XII). То и другое качество, действительно, должно быть признано за Степаносом Таронским; на точность его хронологии мы сами обратили внимание ранее, чем прочитали предисловие почтенного

переводчика.

В конце своего сочинения Асохик рассказывает о приходе греческого царя в Восточную землю, то есть, в Армению. Событие, которое случилось при этом, имело своим ближайшим театром местность, соседнюю с Таронским округом (теперь Муш, между Диарбекиром и Эрзерумом), то есть, именно совершилось на родине Степаноса Таронского. Оно относится к 1000 году. В Таикской провинции, в городе Хавтчитче Византийский император был встречен Багаратом, царем Абхазским, и отцом его Гургеном, царем Иверийским. Василий, сделав великолепный прием обоим царям, отпустил их в их земли.

«В самый день отъезда последнего (то есть, Грузинского царя) в греческом лагере произошла сильная схватка из-за [201] ничтожной причины. Князя и вассалы куропалата Давида (властитель Карталинский и царь Армяно-грузинской провинции Даика, на северо-востоке верхней Армении), прибывшие туда, стояли недалеко от греческого лагеря. Из пехотного отряда Рузов какой-то воин нес сено для своей лошади. Подошел к нему один из Иверийцев и отнял у него сено. Тогда прибежал к Рузу на помощь другой Руз. Ивериец кликнул к своим, которые прибежав, убили первого Руза. Тогда весь народ Рузов, бывший там, поднялся на бой: их было 6000 человек пеших, вооруженных копьями и щитами, которых просил царь Василий у царя Рузов в то время, когда он выдал сестру свою замуж за последнего. — В это же самое время Рузы уверовали во Христа. Все князя и вассалы Тайк'ские выступили против них и были побеждены. Тут погибли: великий князь князей, по имени Петриарх (Патрикий? имя искажено в рукописях), два сына Очопентре — Габриель и Иоаннес, Чортванел внук Абу-Харба /126/ и многие другие; ибо гнев Божий тяготел над ними за их высокомерие» (стр. 200–201).

Рассказ в высокой степени ясный, простой и естественный; ни одна малейшая подробность не возбуждает сомнения. Что русский человек способен был подражаться с Грузином из-за сенца, приготовленного для лошади, этому всякий поверит, и уже никто, надеемся, не скажет, что это чисто норманское качество. Критика, которая захочет быть строгою, может напасть только на лошадь, которую имеет пехотинец. На этот случай можно сделать уступку. В другом переводе лошади именно и нет. Там читается: «Les princes et les nobles de Daïk avaient établi leur camp auprès de celui des Grecs. Or, un fantassin russe, étant sorti du camp, y rentra apportant une botte de foin. Un soldat georgien, s'approchant de lui, la lui enleva» и т. д. (отрывок переведен в примечании к тому месту другого армянского писателя, которым мы сейчас займемся). Но мы верим и в лошадь; она могла быть

как в списке г. Эмина, так и у русского пехотинца — в виде военной добычи или для перевоза добычи. Поход, из которого возвращались Русские, был также не близкий: Василий II шел из Сирии и Киликии. Очень [202] может быть, наконец, что имеющий лошадь Русский служил пехотинцем, потому что это было выше и почетнее, то есть, это была русская пехотная гвардия. Что касается шеститысячного числа русских военных людей, то оно, конечно, неожиданно. Но зато оно напоминает шеститысячную гвардию, около этого-же времени учрежденную в Англии, знаменитый корпус Housecarls — на другом конце Европы. Неожиданные, но также не подлежащие сомнению цифры мы встретим и далее. Утверждают, например, что варяжская гвардия в Константинополе едва достигала пятисотенного числа (г. Гедеонов), а окажется, что ее надобно считать тысячами. Но мы забегаем вперед.

О схватке Русских с Грузинами упоминает и продолжатель Асохика, Аристаке Ластивертский, живший в первой половине XI века. В самом начале своей «Истории Армении» он повествует о посещении Василием II армянских областей: «Воины благородного отряда провинции Даик вышли ему навстречу. Они были почтены большими дарами, каждый по своему достоинству, своему титулу или своей степени, и это исполнило их великою радостью. Но тотчас исполнилось над ними пророчество, внушенное Духом Святым Давиду: «Утром они /127/ произрастут из земли, будут блистать и цвести как трава, а вечером они увянут, засохнут и упадут». Вследствие не знаю каких причин, поднялась ссора между западными воинами, называемыми Русскими, и благородным отрядом; тридцать человек самых знатных из этого последнего умерли на этом месте. В этот день не ускользнул ни один благородный Даика; все заплатили немедленную смертью за свое преступление» (Une rixe s'étant élevée, je ne sais pour quels motifs, entre les soldats occidentaux appeles Russes et la legion noble, trente hommes des plus honorables de cette dernière moururent en cet endroit и т. д. — Histoire d'Arménie par Arisdaguès de Lasdiverd, traduite par M. Evariste Prud' homme. Paris, 1864, p. 9).

Преступление, совершенное благородным легионом грузинским, вас не касается. Но если позволительно искать причины кровавой ссоры между Русскими и Грузинами помимо клочка сена, упомянутого Асохиком, то мы должны обратиться назад к [203] событиям 989 года. Варда Фока, как мы узнаем от Пселла (стр. 11) и от самого Асохика, кроме греческих сил опирался, главным образом, на сочувствие к нему Грузин; в сражении, которое решило его участь, грузинская пехота составляла лучшую часть его войска (Пселл). Асохик (стр. 178) прямо утверждает, что Фока начал войну

против царственного города Константинополя во главе греческих и иверийских войск. Когда Дельфина укрепился насупротив царственного города, «Василий привел на противоположный берег все войска, бывшие в городе, равно и войска западных стран». Мы сейчас видели, что Аристакес называет Русских западными воинами. Таким образом, сверх вышеприведенных источников, и армянский историк, по крайней мере, намекает на то, что Грузины Варды Фоки в 989 году пострадали, главным образом, от вновь организованного русского корпуса. Память об этом тяжелом посрамлении народной чести могла оставаться тем более, что, по-видимому, Русские заняли место Грузин в Византийской армии; после эти самые предикаты придаются Тавроскифам.

Итак, факт присутствия в Византийской империи с 988 года до первых годов XI столетия большого русского военного корпуса — по крайней мере, шеститысячного, — не подлежит ни малейшему сомнению. Мы только мимоходом отмечаем теперь то, конечно, не лишнее значения обстоятельство, что Тавроскифы (= Русские), упомянутые Михаилом Пселлом при /128/ повествовании о Василии II Болгаробойце, встречаются потом несколько раз на страницах его истории и притом прямо в виде Варягов. Это будет видно в дальнейшем ходе нашего исследования. Теперь, оставляя пока Пселла в стороне, мы обращаемся к другим источникам, у которых находим целый ряд свидетельств о значимости и многочисленности русского элемента в Византийской армии. Мы находим в них продолжение истории все того же русского корпуса.

Но известное место Льва Остийского (MG. SS. VII, 652), в котором норманисты и даже их противники совершенно напрасно находили Варягов наряду с Русью, мы, по строгой справедливости, должны признать не имеющим для нас пока [204] никакого значения. Лев Остийский, рассказывая о южно-итальянских событиях 1110 года, упоминает о восстании Мело, прибавляя, что это был самый деятельный и умный из всех граждан города Бари и даже целой Италии. Когда Апулийцы не могли более переносить высокомерия и наглости Греков, незадолго пред тем, то есть, во время Оттона I, при помощи союзных Датчан, Русских и Гуаланов, присвоивших себе Апулию и Калабрию, то Мело стал во главе возмущения (*Grecorum, qui non multo ante, a tempore scilicet primi Ottonis Apuliam sibi Calabriamque sociatis in auxilium suum Danis, Russis, et Gualanis vendicaverant*).

Во-первых, Лев Остийский писал свою хронику Монте-Кассинского монастыря в самом конце XI столетия и относительно южно-итальянской, греко-норманской истории пользовался сочинением своего старшего по

времени собрата, именно «Норманской историей» Кассинского монаха Амата. Амаат служил для него главным источником. Из этого следует, что даже в том случае, если бы событие, совершившееся будто бы при помощи Датчан, Русских и, положим, Варягов (хотя в Gualani скорее скрываются Аланы или Вандалы Барийской летописи), относилось к началу XI столетия, то Лев Остийский сам по себе далеко не был бы таким свидетелем, на точность которого, особенно в подробностях, следовало бы полагаться. Между тем, именно этой вставочной исторической реминисценции и нет у Амата, тогда как изложение главного события в хронике Льва несомненно находится в самой близкой зависимости от его *L'ystoire de li Normant*. «*Sequentia Amatus non habet*», замечено пред вышеприведенным отрывком в лучшем издании Льва Остийского (MG. VII, p. 652, adn. 63). /129/ Во-вторых, событие, в котором участвовали Датчане, Русские и (предполагаемые) Варяги, должно относиться даже не к XI столетию, а к 60 годам X века, ко времени Оттона I, которое еще менее было известно Монте-Кассинскому монаху, писавшему около 1098 года, чем первая половина XI века. Не только подробности, но и самая сущность, и основа сообщаемого мимоходом известия — ошибочны. Апулию и Калабрию Греки присвоили себе вовсе не при Оттоне I. Итак, если Русские [205] и Варяги сколько-нибудь различаются у Льва Остийского, то это может иметь значение лишь для определения тех воззрений и той действительности, которые существовали в конце XI века, а не в начале его.

Через двадцать пять лет после появления русской наемной дружины в Константинополе, мы встречаем Русских среди византийской армии в разных местах, где только шли военные действия. Положим, что тот родственник князя Владимира, который содействовал покорению Византийцами Хазарии, не был на службе Василия II, а был отправлен на помощь из Киева, либо сам пришел из какого-нибудь русского княжества. Зато Русские, действовавшие под греческими знаменами в южной Италии и Болгарии, несомненно, входили в состав домашних военных сил императора Византийского. В 1016 году, в походе на Болгар, Василий II в равнинах Пелагонии захватил множество пленников. Он разделил добычу на три части и одну часть предоставил союзной Руси, другую грекам, а третью взял себе: *καὶ τριχῆ τοὺς ἀλόντας μερισάμενος, καὶ μίαν μὲν μερίδα τοῖς συμμαχοῦσα παρειαρχικῶς Ῥῶς ἐτέραν δὲ Ῥωμαίοις, καὶ ἄλλην ἑαυτῷ παρακατασχών, ἐχώρει προσώτερῳ* (Cedren. II, 465). Нужно думать, что число Русских, служивших в Греческой армии, было весьма значительно, если они получают целую половину добычи, доставшейся на долю войска. В 1019 году французские Норманны, явившиеся в южной Италии на помощь

апулийским инсургентам и вышеупомянутому Барийцу Мело, были разбиты греческим катапаном в сражении при Каннах. Помимо классических воспоминаний, пробуждаемых названием места битвы, сражение замечательно тем, что здесь против Норманнов действовали Русские, и что они-то были главными виновниками победы: «Когда император услышал, что смелые рыцари напали на его землю, он против Норманнов отправил самых храбрых людей, каких только он мог найти» (L'ystoire de li Normant, I, 21). «В первых трех сражениях Норманны остались победителями, но в /130/ четвертой битве, где им пришлось бороться с народом Русским, они были побеждены, обращены вничто и в бесчисленном количестве отведены в Константинополь, где до конца жизни [206] были истязуемы в темницах. Отсюда вышла пословица «Грек на телеге ловит зайца» (Congressione bis et ter facta, victores Normanni existunt Quarto congressu cum gente Russorum victi et prostrati sunt et ad nichilum redacti, et innumeri ducti Constantinopolim и т. д. — Ademari historiarum libri III, MG. SS. IV, 140. Ср. Leo Ostiens. MG. SS. VII, 652). Автор известия, писавший в южной Франции, кончил свою историю в 1028 году, когда, вероятно, умер; он вообще обнаруживает знакомство с делами иерусалимскими и Константинопольскими (см. предисловие Вайца). Выражение gens Russorum напоминает λαὸν Ῥωσικὸν Зонары. Пословица на счет Греков: Graecus cum carrucalero gem caput, напоминает галицкую пословицу: «Волом заяца не догонишь» (Ср. Гедеонов, Отрывки из исследований о Варяжском вопросе, стр. 165).

Одно византийское известие, которое относится или к последним годам правления св. Владимира, или же к первым годам правления Ярослава (1011–1025 гг.), указывает на постоянный прилив русских военных людей в Константинополь, так что византийское правительство стало уже смотреть на них подозрительно и принимать меры осторожности. Время события, о котором должна идти речь, византийским историком определено так, что оно случилось после того, как умерла в России сестра императора Василия Анна и еще прежде нее муж ее Владимир. Между тем, смерть Анны в первоначальной русской летописи отмечена под 1011 г., ранее смерти Владимира. Впрочем, так как указание на смерть Владимира повторено два раза, то от него и нужно отправляться в определении хронологии. С другой стороны, греческая компилятивная хроника ставит сейчас приводимый рассказ пред самую смерть Василия II, которая случилась в декабре — после событий 1023 и 1025 годов, что, по-видимому, может служить более надежным путем для восстановления истинного года события. Итак: «Когда умерла на Руси сестра императора, а

ранее ее муж ее Владимир, то Хрисохир, какой-то сородич умершего, привлекая к себе 800 человек и посадив их на суда, пришел в Константинополь, как будто желая вступить в наемную службу. Но когда император требовал, чтоб он [207] сложил оружие и только в таком виде представился на /131/ свидание, то он не захотел этого и ушел через Пропонтиду. Прибыв в Абидос и столкнувшись со стратигом оной (Пропонтиды), наблюдающим за морским берегом, он легко его поборо и спустился к Лемносу. Здесь (он и его спутники) были обмануты притворными обещаниями, данными начальником флота Кивирриотов и Давидом из Охриды, стратигом Самоса, да Никифором Кавасилой, дукою Солувским, и все были перебиты» (Cedren. II, 478–479: Χρυσόχεφ — ἄνδρας ὀκτακόσιους προσεταιρισάμενος — ἦλθεν — ὡς τάχα μίσθοφορησων. τοῦ δὲ βασιλέως καταθεῖναι τὰ ὄπλα κελεύοντος καὶ οὕτω ποιήσασθαι τὴν ἐντυχίαν, μὴ θελήσας διῆλθε τὴν Προποντίδα — ἐκεῖσε δὲ-παρασπονδηθέντες ἄπαντες κατεσφάγησαν). — Норманисты придумывают Gullhand'a или Gullmund'a (Kunik, Berufung II, 170), чтоб из Хрисохира сделать Норманна, переводя обратно на норманский греческое, по их мнению, переводное наименование. Противники скандинавской теории ссылаются на то, что у Норманнов прозвища без имени не употребляются, тогда как в русских летописях есть и Волчий хвост, и Положи шило (Гедеонов, Отрывки, стр. 262), следовательно, возможна была и Золотая рука. Но пред нами находится прозвище греческое, а не норманское: византийскому писателю не было нужды следовать строго законам скандинавской ономастологии. Трудно сказать что-нибудь бесспорно убедительное по этому вопросу: очень может быть, что в основе греческого «Хрисохир» лежит не перевод, а искажение созвучного русского имени. Мы можем остановиться на следующем соображении: так как Хрисохир был сородич Владимира — συγγενής τις τοῦ τελευτήσαντος, то он, бесспорно, был такой же Русский Славянин, как и князь Владимир, и если он был Варяг, то во всяком случае не Норманн. Норманские Варяги, действительно, были в Киеве в 1024 году; но Якун с золотою лудою, их предводитель, после сражения при Листвене, ушел не в Греки, а назад к себе за море, то есть, за Варяжское море. Было бы большим произволом предполагать, что именно его Варяги пробрались в Малую Азию. [208] Зато нет никакой причины сомневаться в том, что Русские, снова действующие около этого времени в южной Италии, суть те же самые наемные союзники, которые отличались на месте, прославленном победой Аннибала над Римлянами. В 1024 (или в 1025) году знаменитый Болгаробойца собирался завершить свои подвиги восстановлением греческой власти на /132/ Итальянском полуострове; один из его верных

слуг, постельничий (китонит — κιτωνίτης) Орест, отправился вперед для завоевания Сицилии, находившейся в руках неверных. В одной из Барийских летописей описывается состав войска, приведенного Орестом в Италию. Тут были на первом месте Русские, далее загадочные Вандалы, может быть, одно и то же с Гуаланами Льва Остийского, и тогда всего скорее Аланы, то есть, Грузины [\[A.V.1\]](#), давно служившие в греческих войсках, [\[26\]](#) далее Турки, Болгары, Волохи, Македоняне и другие (Annales Baresnes, MG. SS. V, 53). Год (1027) поставлен неверно: Hoc anno descendit Ispo chitoniti in Italiam cum exercitu magno, id est Russorum, Guandalorum, Turcorum, Burgarorum, Vlachorum, Macedonian aliorumque, ut caperet Siciliam (Ср. относительно года Cedren. II, 479 и Chronic. Anonym. Baresnes, Murator. V, 149).

Приведенные свидетельства достаточно убеждают нас в важности, многочисленности и прочном, постоянном существовании русского элемента в войсках Византийского императора. Едва ли кто решится думать, что и в Болгарии, и в южной Италии все действует Русь норманская, а не славянская. **[209]** Византийцы твердят о Руси, Русских, а что значит страна и народ Русь на их языке? Это страна, где царствует князь Владимир, и где умирает греческая царица Анна. Это — народ, находящийся под властью зятя страшного и славного Болгаробойцы; это народ, которого князья именуются Ярославом, Ростиславом, Звениславом (Cedren. II, 515: οἱ τῶν Ῥῶς ἄρχοντες Νοσισθλάβος καὶ Γεροσθλάβος καὶ — Ζηνισ ἀνρ;λάβος). Это, наконец, народ, которого архипастырь именовался митрополитом Руси, нередко бывал в Константинополе и участвовал своими вкладами в византийской церковной литературе /133/ (например, Леонтий). Имя Руси, Русских не было, притом, для Византийцев одним из тех унаследованных от классической древности терминов, которые были обязательны для порядочного писателя, и которые, несмотря на свое первоначальное этнографическое значение, продолжали в течение веков прикладываться к известной стране, несмотря на многократную смену населения. Оно означало больше народ, чем страну, а теперь, в XI веке — народ очень хорошо известный. Не тот, кто пришел с севера, из страны, называемой Русью, был Русский, а тот, кто принадлежал к этому известному народу, и говорил известным языком. Но положим, что Византийцы имели какие-нибудь причины называть в XI веке Скандинавов Русскими. Остается все-таки вопрос, почему современный армянский свидетель говорит, что 6000 Русских — народ Рузов, крестившийся в 988 году. Остается вопрос, почему Адемар, описывающий современные ему

события — на основании известий, полученных, вероятно, от самых участников в южно-итальянских битвах, — употребляет выражение «gens Russorum», племя или народ Русский. Разве он мог не знать настоящего имени Датчан, Шведов и Норвежцев во времена Канута и святого Олафа?

Мы предоставляем норманистам доказывать, что в 988 году в Киеве крестилась Русь скандинавская, а не славянская, и что эта Русь в XI столетии была большим народом, хорошо известный и на Западе, и на Востоке, но после как-то затерявшийся. Нас можно упрекнуть в том, что мы ставим вопросы там, где нет никакого вопроса. Скажут, что в [210] настоящее время никто не думает утверждать, будто в XI веке под Русью и Русскими разумелись скандинавские Норманны, и что опровергать такое мнение значит воевать с призраками.

Но если Русские, Русь, 'Рѡс, Тавроскифы в XI веке суть православные славянские люди, то и Варанги XI века были такие же православные славянские люди, другими словами: варяжская дружина в Византии состояла первоначально из Русских; название Варангов, прежде всего, принадлежало тому наемному русскому корпусу, который существовал с 988 года; если скандинавские Норманны входили в состав этого корпуса, то они вступали в готовую уже организацию и составляли здесь незаметное меньшинство, так что византийские источники могли совершенно умолчать о них и называть варяжскую дружину по преобладающему национальному составу русской или тавроскифской. /134/

IV. Византийские Варанги 1034 года

В 1034 году в Малой Азии, во Фракисийском округе (теме), обнимавшем часть Фригии, Карию и Лидию, зимовали Варанги. Византийский писатель, который сообщает этот факт, не нашел необходимым объяснить нам, откуда явились эти военные люди, и какой они были национальности, хотя именно здесь, при первом упоминании о Варангах, следовало бы это сделать. Само собою, разумеется, что не внезапно явились эти Варанги, что они уже прежде были в византийской армии. Мы сами должны поискать, какие именно войска и какой национальности могли зимовать в 1034 году в Малой Азии. Если мы будем читать византийского автора, у которого встречается первый помин о варяжском корпусе, в связи и со вниманием, — чего, кажется, до сих пор никто не догадался сделать, — то обнаружится, что ему и не нужно было объяснять, кого следует разуметь под Варангами, — так как это было ясно из общего хода рассказа.

Легко догадаться, что мы будем искать в Малой Азии [211] Русских, то есть, следить за переходами того большого русского корпуса, о котором шла речь в предшествующей главе, и доказывать, что в 1034 году он весь или часть его могли стоять на зимних квартирах в Малой Азии. Мы не скрываем своего намерения: весь вопрос в том, в какой степени правдоподобны будут наши соображения. Но для них мы должны обратиться несколько назад.

В 1021 году император Василий II снова был в Армении. Причиной его появления здесь были неприязненные действия Багратида Георгия (Гургена) I, царя Абхазии и Картлии (Карталинии), нарушившего византийские интересы захватом некоторых соседних областей. Василий II явился на границах Армении и Грузии — со всеми войсками Греции и значительным числом иностранцев. [27] Большое сражение при Уктике (Ough'thik, на северо-западе Великой Армении) осталось нерешительным. Василий II отступил к Трербизонду и зимовал со своими войсками в Халдии. Между тем обнаружились связи Георгия I с внутренними, домашними врагами Василия, именно с /135/ Никифором, сыном того Варды Фоки, который прежде нашел себе большое сочувствие в Грузинах. Но эта опасность скоро миновала: Фока был изменнически убит своим главным пособником, а этот последний был выдан Болгаробойце приверженцами Фоки, искавшими мести. После разных, ни к чему не приведших,

переговоров с Багратидам во время зимы, император снова двинулся против властителя Абхазии и Картлии. Грузины вели переговоры о мире, а готовились к войне, желая усыпить Греков и напасть на них врасплох. Этот расчет не удался. Грузинский передовой отряд, вероломно напавший на византийскую армию, был разбит и обращен в бегство. «Когда русские полки императора сделали натиск, то успело спастись только небольшое число из пришедших первыми, потому что еще ни царь, ни кто бы то ни было из главного корпуса грузинской армии не подоспели. В [212] этот день погибли также и те, которые противились заключению мира. Все были обращены в бегство, большое число пало под мечом, некоторые попались в плен, другие убежали. Греки получили громадную добычу и овладели всем тем, что было у Грузин из царских сокровищ». [28] Так рассказывает грузинский источник. Аристакес Ластивертский, армянский историк, равным образом говорит об этой битве, не упоминая, впрочем, о Русских, но только отмечая «бесчисленное множество» Грузин или Абхазов, убитых при начале сражения. Самая битва произошла, по армянскому историку, 11-го сентября 1022 года при Шегфе (Schegh'pha), то есть, неподалеку от Эрзерума. [29] Василий преследовал Георгия в самую внутреннюю Грузию и принудил его к миру, покорности и выдаче в заложники собственного сына.

Итак, вот первый несомненный пример того, что Русские зимуют в Азии, даже около Трапезунта, и один из нескольких случаев, когда они решают судьбу битв в пользу византийского императора.

Ничтожный и беспечный брат Василия II, Константин VIII, в продолжение своего царствования (1025–1028 гг.) больше был озабочен ипподромом и театром, чем защитой границ /136/ империи против ее врагов, между которыми самыми опасными были Сарацины. Но зато первым делом императора Романа III (1028–1034 гг.) был большой поход именно против Сарацин, владевших Сирией. Пселл (стр. 33), рассказывая о приготовлениях Романа к безрассудному и ничем не вызванному, в его глазах, предприятию, с некоторой иронией описывает состав армии, собранной для похода. Император «собирал и устраивал всяческое войско, увеличивая число полков и выдумывая новые, стягивая наемные силы и набирая новое множество, как будто намереваясь с первого натиска захватить варвара. Он думал, что если он соберет число войска более надлежащего, и особенно если внесет [213] разнообразие в греческий строй, то уже никто не выдержит, когда он нагрянет с такою громадою своих и союзников» (ξενικός τε συκροτων δυνάμεις — τοσοῦτω ἐπιὼν πλήθει

ἰδίῳ τε καὶ συμμαχικῶ). Мы видели и еще несколько раз увидим, что главные наемники и союзники Византийского императора в истории Пселла суть Тавроскифы, то есть, Русские. [30]

Поход Романа Аргириона кончился самым бедственным образом. В сражении около Халепа (Веррии, Βέρροια), — присутствие славянского элемента в этом сражении замечено местными летописцами, [31] — император был разбит наголову и едва успел спастись в Антиохию, благодаря мужеству иностранной дружины, его окружавшей (август 1030 г.): ἐκθύμως ἀγωνισαμένων τῶν βασιλικῶν ἐταίρων καὶ διασωσάντων — τὸν βασιλέα (Cedren. II, 493).

Начальник этой иностранной дружины царских телохранителей, или великий этериарх (μέγας ἐταφειάρχης), по имени Феоктист, вскоре был опять отправлен в Сирию с значительными силами греческими, а также иностранными (Cedren. II, 495: μετὰ δυνάμεως ἀδρᾶς Ῥωμαίων τε καὶ ἔθνικῶν). Последнее выражение (ἔθνικός) означает совершенно то же самое, что у Пселла было названо союзным отрядом (συμμαχικόν). Оно вполне объясняется одним местом в истории Пселла (стр. 221 /137/ сл.), которое мы и приводим для избежания длинных рассуждений: αἱ συμμαχικαὶ δυνάμεις ὄλοσai παρὰ τῶν ἔθνῶν (- ἔθνικός) αὐτοῖς παρεῖζοντο, Ἴταλοὶ τε καὶ Ταυροσκύθαι; то есть, союзные силы, какие пришли к Грекам от языков (народов), итальянцы и Тавроскифы.

Все это заставляет нас предполагать, что тот военный корпус, с которым император Василий II совершил два [214] раза свои походы в Армению и Грузию, продолжал оставаться в Малой Азии и в 1031 году. Очень вероятно, что в 1025 году в Италию была отправлена только незначительная часть Русских, — или же, когда планы Василия на Сицилию и Италию были покинуты, и византийское правительство отказалось от всяких энергических действий на западе, то отправленные туда силы были вызваны обратно.

К концу 1031 года Греки овладели Эдессой, городом при Евфрате, которым был прославлен нерукотворным образом Спасителя. Правитель греческой приевфратской области, Георгий Маниак (его местопребыванием был город Самосата), призванный одним из местных эмиров, вошел в Эдесскую крепость с небольшим отрядом в 400 человек. В этом числе был какой-то слуга, приближенный Маниака, по имени Рузарн (Rouzar'n), отправленный послом к эмиру Харранскому (Harran, Carrae, на юг от Эдессы). Рузарн, имя которого [даже в таком виде, в каком оно теперь читается] сильно говорит за его принадлежность к Рузам, был вооружен

совершенно так, как были вооружены Русские, сражавшиеся при Святославе против Греков, как после всегда является вооруженной варяжская дружина: именно, он был вооружен топором или секирою: Un serviteur de Maniaces, nommé Rouzar'n, lequel était venu à lui (то есть, эмиру Харрана) en qualité de messenger... D'un coup de sa hache d'armes, il l'atteignit à l'épaule (Chronique de Matthieu d'Edesse, trad, par E. Dulaurier, Paris 1858, p. 49). ^[32]

В 1033 году Роман Аргиропул еще раз отправил в Сирию главного начальника своих иностранных легионов, великого этериарха Феоктиста, и опять с громадной силой (Cedren. II, 502). Дело шло теперь о завладении Триполисом, эмир которого, теснимый Египетским султаном, передался на сторону Греков. В тоже самое время Сарацин Алим, в руках которого находилась важная, по своему положению, крепость Перггри ^[215] (теперь Баргири) на самой армянской границе, ^[33] добровольно сдал ее Хрисилию, Болгарину, занимавшему высокое место при Константинопольском дворе. Алим желал, чтобы сын его, в награду за расположение отца, был возведен в сан патриция. Но в Константинополе приняли юного Сарацина довольно холодно; возвратившись с негодованием на родину, он уговорил своего отца отнять у Греков обратно уступленную им крепость. Алим, при помощи соседних сарацинских эмиров, действительно привел в исполнение желание и совет своего сына; при неожиданном нападении его на крепость было убито 600 человек. Виновен был в потере крепости и людей прежде всего беспечный Болгарин, в ней начальствовавший. Вместо него был отправлен патриций Никита Пигонит, которому пришлось брать Перггри уже трудною и продолжительной осадой.

Какие же силы привел с собою патриций Никита, и кто были осаждающие?

У Кедрина (II, 503) прямо сказано, что-то были Русские и прочая греческая сила. Таким образом, Русские стоят на первом плане: ἀλλὰ μετὰ μικρὸν ὁ πατρικιὸς Νικήτας ὁ Πηγονίτης ἀρχεῖν ἐκεῖσε πεμφθεὶς καὶ ἐπιμόνω χρησάμενος πολιορκία μετὰ ῥῶς καὶ λοιπῆς ἄλλης Ῥωμαϊκῆς δυνάμεως, τό τε φρούριον κατὰ κράτος εἶλε πολιορκία καὶ τὸν Ἀλεῖμ συν τῷ υἱῷ ἀπέκτεινε.

Это прямое упоминание о Русских подкрепляет все косвенные указания на их присутствие в Азии около 1031–1033 годов, приведенные нами выше. Взятие крепости Перггри Русскими должно относиться к осени 1033 года. Непосредственно затем Кедрин обращается от провинциальных азиатских происшествий к западным — столичным и дворцовым; из ряда его хронологических отметок совершенно ясно, что он ^[216] прервал свой

рассказ ради важных событий в Константинополе: разумеются болезнь и потом смерть Романа III (12-го /139/ апреля 1034 года). Доведя этот главный отдел до необходимой и естественной грани, до смерти императора, Кедрин снова обращается к оставленным на время в стороне делам восточным. Таким образом, первая отметка, относящаяся к Азии, будет непосредственно примыкать к истории взятия Пергри Русскими.

Какая ж это будет отметка?

«В это время случилось и другое событие, достойное памяти. Один из Варангов, рассеянных в теме Фракисийской для зимовки, встретив в пустынном месте туземную женщину, сделал покушение на ее целомудрие. Не успев склонить ее убеждением, он прибег к насилию; но женщина, выхватив (из ножен) меч этого человека, поразила варвара в сердце и убила его на месте. Когда ее поступок сделался известным в окружности, Варанги, собравшись вместе, воздали честь этой женщине (буквально: «увенчали ее»), отдав ей и все имущество насильника, а его бросили без погребения, согласно с законом о самоубийцах» (Cedren. II, 508 sq.: τῶν εἰς παραχειμασίαν ἐν τῷ δέματι τῶν Θρακησιῶν διεσπαρμένων Βαράγγων — βίαν ἤδη ἐπῆγεν, ἡ δὲ τὸν ἀκινάκην σπασαμένη τάνδρος — ἀναρεῖ, τοῦ δὲ ἔργου διαδοθέντος ἐν τῇ περιχώρῳ συναθροισθέντες οἱ Βαράγγοι τὴν τε γυναῖκα στεφανοῦσι и т. д.).

В этом рассказе мы должны отметить, прежде всего, ту черту, что Варанги, зимующие в округе Фракисийском, являются здесь, очевидно, обыкновенными военными людьми, а не царской дружиной, не императорскими телохранителями (лейб-гвардией). Согласно с этим, по крайней мере, тот Варяг, который был первым виновником появления имени на страницах истории, не имеет, по-видимому, характеристического вооружения придворных императорских Варягов — топора или секиры, хотя, конечно, меч (ἀκινάκης) несколько не мешал носить и секиру. ^[34] Если бы то были императорские [217] телохранители, то они были бы в Цареграде, а не в Малой Азии, и не были бы рассеяны на зимовьях. Но если здесь Варанги еще не суть дружина телохранителей, то и вообще Варанги не были исключительно такой дружиной. Привычное представление Варангов исключительно в виде императорской лейб-гвардии /140/ совершенно ложно. Это есть одно из многих недоразумений, скопившихся около варяжского вопроса. На самом деле Варанги, прежде всего, суть наемники или союзники, или другими словами: союзный наемный корпус, σωμαχικόν или ξενικόν, и потом уже избранный (из среды такого корпуса) отряд телохранителей, приближенная дружина императорская. Это с совершенною ясностью обнаруживается, например, в

рассказе Иоанна Фракисийского о возмущении Варангов в царствование Никифора Вотаниата (Scylitz., p. 737). Здесь являются: а) дворцовые Варанги и б) соплеменные им «внешние Варанги». У Пселла (стр. 153) первого рода Варанги обозначаются следующего рода перифразом: «та часть наемническая, которая обыкновенно принимает участие в царских выходах»; она противопоставляется союзному корпусу, именно как часть целому (οὐτε συμμαχικόν αὐτοῦ που συνείλκετο, εἰ μή τις ὀλίγη μερίς ξενικῆ, ὁπόση τις εἴωθεν ἐφέλεσθαι ταῖς βασιλικαῖς πομπαῖς). Да иначе нельзя и представлять себе эти отношения, когда мы знаем, что Варанги считались не сотнями, а тысячами. Итак, нужно думать, что под Варангами 1034 года разумеется просто союзный наемный корпус, который незадолго перед тем действовал в Азии. А мы имеем все основания предполагать, что этот корпус состоял главным образом из Русских.

Находить в вышеприведенном рассказе какие-либо внутренние признаки, характеризующие ту или другую народность, мы считаем не только совершенно излишним, но и весьма рискованным делом. Лучший из современных византистов (недавнюю смерть которого нужно считать величайшей потерей для современной византийской науки), Гопф, сделал несомненную ошибку, вздумав отыскивать в поведении Варангов указание на высокую нравственность германского племени: «Что ядро варяжской лейб-гвардии было германское», говорит он, — «это не подлежит сомнению; даже нравы [218] Варягов указывают на это». За германским уважением к женской чести является на сцену и Deutsche Treue: «Германцы своею верностью (ob ihrer Treue) были тогда столько же знамениты, как после Швейцарцы; они были лучшей, даже единственной опорой колеблющейся империи Ромейской» (Geschichte Griechenland's im Mittelalter в Энциклопедии Эрша и Грубера, т. 85, стр. 149). Маленькое, но совершенно излишнее патриотическое увлечение. Что касается до германской верности, то византийская история никак не может служить ее доказательством. /141/ Напротив того, по мнению Византийцев XI века, предателей всего скорее можно было найти именно среди Немцев, которые также были на службе византийской, но отличались от Варягов, между прочим, своей продажностью (См. Anna Comn. p. 62 C.ed. Paris, и главу XII нашего исследования). Факты подтверждали это воззрение.

Рассказ о таком частном и, в сущности, маловажном событии, как убийство одного Варяга женщиной, мог попасть в общую историю Кедрина только из каких-либо местных источников. Действительно, около этого времени мы находим в сочинении этого Византийца XII века целый ряд заметок, относящихся к Фракисийской теме, и особенную подробность

относительно дел восточных. В 1029 году во Фракийской теме был слышен в горах около одного источника какой-то жалобный плачущий голос (II, 489). В том же самом 1034 году отмечено появление саранчи во Фракийском округе; под 1035 говорится о нападении на него Сарацин с моря и о новом появлении саранчи и т. д. Прежде всего, естественно припомнить отношение истории Кедрина к произведению Иоанна Фракийского или Скилицы. Все эти частные, местные заметки принадлежат собственно этому последнему; они «касаются» его родины. Но едва ли на этом мы можем остановиться. Иоанн Скилица Фракийский жил в самом конце XI столетия; следовательно, заметки о двадцатых-тридцатых годах столетия, носящие вполне характер современности с самыми событиями, не могли принадлежать ему, как первому автору. В византийской историографии вообще, и в частности в историографии XI века, многое остается темным и загадочным. [219]

Издание истории Михаила Пселла, правда, разъяснило кое-что и в этом отношении. Еще более будет пролито света полным изданием подлинной истории Иоанна Фракийского, что уж обещано тем же неутомимым работником по истории средневековой Греции, которому мы обязаны историей Михаила Пселла. Но кроме этих двух писателей и третьего — Атталиоты, в XI веке был еще один историк, Иоанн, митрополит Евхаитский. Его епархия лежала в пределах Византийского армянского округа (прежнего Еленопонта), не настолько далеко от Фригии, чтобы не могли доходить до него местные события последней; сам он был старшим современником и учителем Пселла, современником Константина Мономаха и нашествия Руси на Царьград (1043 г.). К несчастью, о его хронике мы знаем только одно то, что она существовала; знаем это из одного небольшого стихотворения, сочиненного митрополитом Евхаитским на свое историческое произведение. Как бы то ни /142/ было, почти несомненным остается тот факт, что имя Варангов впервые внесено было в греческую письменность каким-либо местным малоазиатским писателем-летописцем. Важно это в том отношении, что, быть может, здесь находится путь к объяснению самого происхождения византийского названия Варангов. Уже давно, хотя на довольно шатких основаниях, было высказано предположение, что происхождение этого слова народное, то есть, простонародное. Нужно, следовательно, звать особенности малоазиатских наречий средневековой Греции, чтобы безошибочно решать вопрос. Мы лично не обладаем нужными для того сведениями; да и самые, теперь довольно многочисленные, издания народных греческих песен Трапезундской, Понтийской и прочих областей совсем почти не доходят до

Петербурга. Только по цитатам у Сафы, помещенным в предисловии к II-му тому Средневековой Библиотеки, узнаем мы, что в народных песнях припонтийских Греков, носящих на себе следы глубокой древности и даже именно XI столетия (упоминание об Узах), воспеваются наряду с греческими паликарами также и Фаранги, которых Сафа прямо принимает за Варангов. Сценой геройских подвигов служат ущелья и клисуры Тавра (Девы, Δέβα), то есть, соседний [220] с Фракисией Кивирреотский округ — тот самый округ, куда, между прочим, стремился Хресохир со своими удалцами, и далее пограничные области Писидии, Ликаонии и Киликии, за которыми начиналась сарацинская граница XI века, спорный рубеж между двумя мирами, по направлению к Евфрату, Эдессе и Самосате. Мы не спорим против того, что Фаранги могут быть прямо считаемы за Варангов; точно также не отвергаем тождества с Варангами и тех Марангов, имя которых подслушал еще Пуквилль (Pouqueville) в собственной Греции; этим именем, говорят, и теперь дети преследуют и дразнят иностранцев:

Φράγγοι, Μαράγγοι Πίτσι κακαράγγοι!

Мы думаем, однако, что напрасно было бы находить здесь подтверждение западного происхождения Варангов. Трудно согласиться даже с тем, чтобы φάραγγοι были народной переделкой слова φράγγοι. Тогда нужно будет принять, что имя Варангов образовалось в Греции совершенно независимо от русского /143/ «Варяги» и перешло не из Руси в Византию, а наоборот, и что наша первоначальная летопись современную ей терминологию XI и XII веков перенесла неправильным образом в предыдущие столетия. Легко высказать такое предположение, но, чтобы доказать его строго научным образом, нужны именно строго научные доказательства и точные исследования. Согласимся, впрочем, на время с тем, что Франки и Варанги этимологически одно и то же. Так думал даже Гопф, а у нас независимо от него Д. И. Иловайский. Останется еще вопрос, кого в Малой Азии, где впервые появилось имя Варангов или Фарангов, называли Франками, кого могли называть и кого не могли называть. Народ мог так называть и Русских, мог называть так всех иностранцев. Песни, о которых мы говорили, называют же не только Фарангов, но и Узов Эллинами — в каком смысле? теперь для нас все одно. Пока гораздо проще предполагать, что сами Русские, служившие в Византии, называли себя Варягами, принеся с собою этот термин из Киева, и что так стали называть их те Греки, [221] которые, прежде всего, и особенно близко с ними познакомились. Маранги представляют только другой выговор слова Варанги; а Фаранги могло быть или точно также диалектическим отличием, или народным искажением под влиянием созвучного Φράγγοι.

Для нашей темы останется, во всяком случае, тот не лишенный значения вывод, что название Варангов появилось там, где русский союзный корпус прославил себя в походах Василия II Болгаробойцы, где он провел не одну зиму на постое, где он, по-видимому, стоял обыкновенно и постоянно, где он ясно и прямо указан именно около зимы 1034 года. Очень может быть, что в том первоначальном источнике, из которого рассказоженщине, убившей Варяга, попал в компиляцию Кедрина, зимовка Варангов в Фракийском округе и эпизод, ознаменовавший оную, стояли непосредственно за известием о взятии Русскими крепости Баркири или Пергри на армянской границе. Могло быть нечто в таком роде: «Греческими и русскими силами Никита Пигонит взял крепость. Когда же Варяги стали на зимних квартирах, случилось следующее достопамятное событие».

Более решительные доказательства тождества Варягов и русских союзников или наемников в Византии следуют далее. Но прежде мы должны обратиться снова к южной Италии, где встретит нас Гаральд и Норманны-Скандинавы, то есть, /144/ по общепринятому мнению, истые, несомненные Варяги. Пока мы можем сказать о них только то: пусть они будут истинные и настоящие Варяги, но это нисколько не мешало быть подлинными Варягами и другим.

V. Варяжские баснословные рассказы. [35]

Мнение о скандинавском происхождении Византийской варяжской дружины, представление о многочисленности и особом [222] значении в ней северных Норманнов основывается на свидетельстве исландских саг и, в частности, Гаральдовой саги. В последней, знаменитый северный принц, а после король Норвежский и искатель английской короны, сложивший свою голову /395/ при Стамфордбридже (1066 г.), является предводителем Вэрингов, состоящих на службе Византийского императора, совершает со своими земляками чудеса храбрости и военной хитрости, завоевывает для Греческих царей десятки и едва не сотни городов, даже целые страны, — и потом возвращается на север, не оставив после себя ясного следа ни в хрониках византийских, [36] ни в летописях южно-итальянских, близких по месту своего происхождения к театру его подвигов.

Уже одно это может оправдать сомнение в исторической [223] достоверности всего рассказа и возбуждает вопрос о свойстве и качестве того исторического материала, которым мы по необходимости должны пользоваться. Вопреки нашему первоначальному плану, оказалось, что мы не можем обойти вопроса об исландских сагах без вреда для доказываемого нами положения. Мы не нашли в русской ученой литературе сочинения, на которое могли бы сослаться в этом вопросе, а с другой стороны убедились, что самые почтенные и основательные исследователи русской истории, при пользовании сагами, редко дают себе ясный отчет в том, с какого рода источниками они имеют дело, то есть, забывают первую обязанность критики. Мы не можем идти вперед, не расчистив предварительно пути пред собою и не отыскав твердой почвы. Мы постараемся, прежде всего, выделить в сагах тот элемент, который нужно признать совершенно неисторическим, и потом посмотрим, что в них останется исторического. С этой целью мы сначала приведем несколько образчиков, наглядно указывающих необходимость более критического и благоразумного отношения к сагам, даже историческим, чем-то, какое, вообще, принято в нашей науке. При выборе примеров мы руководствуемся тем соображением, чтоб они были прямо полезны для нашей темы и относились именно к Варягам.

Мы уже упомянули о Греттировой саге и о лицах, которые, /396/ по ее свидетельству, отправились в Константинополь для поступления в

варяжскую службу. Рассказ о них находится в конце саги и не относится к самому ее герою, знаменитому скальду Греттиру, а составляет историю мести за его убийство, совершившейся в Византии. Вот этот рассказ:

Торбиорн Онгул, убийца Греттира, избегая встречи с братом убитого, удалился в Миклагард, «куда в то время отправились многие Норманны и поступили там на службу» (‘J thenna tíma fór margt Nordhmanna út í Miklagardh, ok gengu thar á mála. См. Antiqu. Russes II, 298). [37] Как скоро узнал об этом брат Греттира, Торстейн Дромунд, он сейчас [224] же продал свои большие владения в Норвегии и отправился вслед за преступником. Оба прибыли почти в одно время в Миклагард, где в то время был царем Михаил Каталак (thá var Mikael katalak konungr yfir Miklagardhi), и оба без труда были приняты в среду Вэрингов, как скоро сделалось известно, что они Норманны; но Онгул и Дромунд сначала не узнали друг друга. В скором времени случилось, что Вэринги должны были отправляться в поход, а был такой закон, чтобы при этом случае предварительно совершался военный смотр (várnathing), причем каждый показывал свое оружие. Онгул показал меч, принадлежавший некогда Греттиру, и когда его спросили, отчего такой прекрасный меч имеет в середине зазубрину, он рассказало, какого храброго человека победил он и как он рассек своему страшному противнику череп этим самым мечом: с тех пор и осталась зазубрина. Дромунд взял вслед за другими диковинное оружие, как будто желая полюбоваться им, но тотчас же рассек им голову Онгула. Власти распорядились немедленно схватить Дромунда, так как он оскорбил священное собрание (á heilugu thingi). Дромунд в оправдание рассказал свою историю и указал на долг мести, лежавший на нем; но так как он не мог представить свидетелей, и так как было постановлено законом, что убийство наказывается смертною казнью, то он был заключен в темницу, и затем должна была последовать казнь, если б его никто не выкупил. В тюрьме Дромунд нашел себе товарища в другом осужденном, который находился в совершенном унынии. Чтобы несколько ободрить его, Дромунд запел песню; он имел отличный громкий голос и на сей раз не щадил его, так что стены дрожали. Проходила по улице, соседней с тюрьмою, одна знатная византийская дама, /397/ по имени Спес (Spes), вышедшая замуж за человека ее не достойного по своему происхождению, за простого Грека, [38] по имени Сигурда. Она услышала пение; с большой свитой, которая ее сопровождала, подошла она к тюрьме, вступила в разговор [225] с Торстейном и, узнав его историю и уже заинтересовавшись им, решила выкупить его, а, кстати, и его товарища по заключению, так как Дромунд не

хотел свободы себе одному. Деньги были заплачены Вэрингам, а Торстейн Дромунд отправился в дом своей благодетельницы, которая приняла его и стала держать у себя тайно от мужа. Впрочем, когда Вэринги ходили в поход, то и Дромунд участвовал в военных действиях, обнаруживая необычайное геройство. В то время в Миклагарде был Гаральд, сын Сигурда; Торстейн приобрел его дружбу и тем более отличался среди других, что всегда имел вид богатого человека, так как Спес в изобилии снабжала деньгами своего любовника. Но византиец Сигурд был недоволен как изменившимся обращением с ним его жены, так и заметным разорением семейного состояния, вверенного попечению госпожи дома. Угадывая причину, он хотел уличить свою супругу, и однажды вечером подстерег было ее с Дромундом, но Спес запрятала любовника в сундук с драгоценными вещами. В другой раз попытка мужа была также неудачна, ибо Спес успела скрыть Варяга под грудой платья, на которую сама и села; в третий раз она удалила его чрез потайную дверь, нарочно для таких случаев сделанную в комнате, и упорно отпиралась в том, чтобы кто-нибудь был у нее пред входом мужа, хотя это видел не один он, но и многие призванные им свидетели. Тогда Сигурд потребовал, чтобы Спес очистила себя присягою пред местным епископом. Неверная жена отвечала, что она этого желает не менее его самого, потому что не хочет оставаться под тяжестью позора и бесславия, навлеченного на нее ревнивым мужем. На следующий день муж и жена явились к епископу; Сигурд обвинял жену в нарушении супружеской верности и в расточении имущества; епископ пригласил обвиняемую принести очистительную присягу, и когда на это последовало согласие с ее стороны, назначил срок и день. Само собою разумеется, что ранее, чем такой срок наступил, Спес повидалась с Торстейном, и оба условились, как им действовать.

В тот день, когда следовало присягать, была сырая, [226] дождливая погода. Спес, в сопровождении многочисленных спутниц и спутников, пришла к такому месту, где была большая грязная лужа. Тут стояло много нищих; один из них, отличавшийся высоким ростом и белою бородой, учтиво предложил более других богато одетой госпоже перенести ее на руках через лужу. Она согласилась, и случилось вот что: когда нищий со своею ношей достиг середины лужи, он зашатался под тяжестью и старости и бремени, но, как бы напрягши все силы, успел донести даму до края грязного места, а здесь уже не выдержал и повалился, но так, что уронил Спес на сухой край лужи, а сам погрузился в грязь и, лежа здесь, запачканной рукой схватился за колено и бедро своей дамы. Та поднялась в негодовании и грозила прибить несчастного; но когда окружающие

вступились за услужливого, и, ни в чем неповинного бедняка, то она сама сжалась над ним и щедро наградила его, высыпав из своего кошелька много золотых монет. Легко догадаться, что под видом нищего скрывался ни кто другой, как сам Торстейн Дромунд. Спес явилась потом в храм, где собралось много народу; муж повторил пред епископом свои обвинения, а она поклялась, что никто не касался ее, исключая мужа и того нищего, который переносил ее через лужу и теперь стоит в толпе, и никому она не давала денег, кроме этого нищего. Очистительная присяга была признана вполне удовлетворительной, но после этого родные оправданной женщины потребовали для нее развода с мужем, который напрасно подверг ее бесславию; и она сама настаивала на том же. Спес получила развод и значительную часть из общего имущества, а вслед затем вышла замуж за своего любовника. После этого Дромунд пробыл еще два года среди Вэрингов в Миклагарде и пользовался большим расположением Гаральда Гардрада, который приходился ему родственником и, как думали, помогал ему своими советами в прежних затруднительных положениях. Возвратившись потом на родину, Торстейн пользовался общим уважением и был даже принят в число придворных (*hirdhmadhr*) короля Магнуса Доброго. Когда прошло еще девять лет, воротился из Миклагарда и Гаральд сын Сигурда, и царствовал сначала вместе [227] с Магнусом, а потом, по смерти последнего, единодержавно, но не пользовался такой любовью, как Магнус, особенно со стороны прежних друзей и приверженцев последнего, потому что он был суров и строг в наказаниях (*thvíat hann var hardhr ok refsingasamr*). Торстейн Дромунд был тогда стар летами (прошло шестнадцать лет после убийства Греттира), но еще бодр и силен. Многие советовали ему вступить на службу Гаральда (*ok geraz honum haudgenginn*), но Торстейн не давал ответа. Зато он охотно последовал внушению и совету своей жены Спес и вместе с нею отправился в Рим замаливать грехи юности.

Нечего говорить о том, что романтическая история Торстейна Дромунда хотя и разыгрывается в Константинополе, но своим содержанием весьма мало напоминает византийские нравы и обычаи, а скорее противоречит им самым радикальным образом. Если же любовная история Вэринга Дромунда и дамы именуемой Спес не имеет ничего не только достоверного, но даже правдоподобного, то какую историческую достоверность имеет самое пребывание ее героя в Константинополе, куда он отправлен рассказчиком саги именно для того, чтобы там быть героем романтического похождения?

Рассказовизантийце Сигурде и его жене, носящей имя, в такой же

степени чуждое византийским святцам, как и имя ее супруга, принадлежит не к области исторических фактов, а к литературной истории бродячих сказок, быть может, — к истории «литературного общения Востока и Запада». В книге А. Н. Веселовского [39] приведен рассказ из монгольского сказочного сборника (Арджи-Борджи), совершенно напоминающий последнюю часть истории Варяга Торстейна с византийской дамой, то есть, очистительную присягу и клятву с *reservatio mentalis*. Там на сцене находится царская дочь Наран-Герель, также пойманная на месте преступления, но точно также ускользнувшая и не уличенная. От царевны потребовали, чтоб она принесла очистительную присягу над ячменными [228] зернами. Назначен был во всеобщее сведение день, когда царевна принесет всенародно клятву. Но царский министр Саран, играющий в монгольской сказке роль нашего Варяга, имел в своей законной жене умную советницу, которая убедила его вымазаться черною краской, полузакрывать один глаз, притвориться хромым и юродивым и в этом виде вмешаться в толпу, которая соберется на судилище и т. д. Царевна, конечно, заметила своего возлюбленного, узнала его в юродствующем старике с клюкой и поклялась, что она никогда не звала ни /400/ одного мужчины, кроме разве вот этого юродивого; так как она говорила правду, то зерна и не поднялись вверх, что и послужило доказательством правоты ее, а для всех присутствующих и ее невинности.

Бенфей (*Pantschatantra*, Vorrede стр. XXV) указывает на почти буквальное сходство с монгольским рассказом одного французского *fabliau*, а издатели и комментаторы саги о Греттире давно заметили сходство эпизода о Спес с судом Божьим в средневековом романе о Тристане и Изольде. Роман этот переведен был на норренский язык в 1226 году по приказанию короля норвежского Гакона Гаконсона. Считается, однако, более вероятным, что *Spesar thattr* (сказание о Спес), по крайней мере в устной редакции, появилось ранее знакомства с французским романом и не находится в зависимости от него. [40]

Очень может быть, что рассказ как на север, так и на запад Европы принесен с Востока. Весьма недавно (в Журнале Министерства Народного Просвещения за ноябрь 1874 г.) напечатана в переводе И. П. Минаева прелестная по своей наивной форме и лукавому содержанию индейская сказка, содержащая, вероятно, первоначальную основу как монгольского рассказа, — Арджи-Борджи в целом своем составе, несомненно, представляет только пересказ индейского подлинника, [229] проникшего к Монголам вместе с буддизмом, — так и западных его редакций. Там тот же

суд Божий, на котором жена, питомица брахмана, обманывавшая своего мужа вместе с одним плутом, приносит очистительную присягу: «не знала я прикосновения руки другого человека, кроме брахмана», и затем стала входить в огонь. В тот же миг плут обратился к народу: «полюбуйтесь на дело пурогиты: такую женщину он посылает в огонь», — и схватил ее за руку и т. д.

Самое имя византийской госпожи, которое так же мало отзывается греческими звуками, как и скандинавскими, есть, быть может, признак и оставшийся след восточного происхождения варяжского эпизода в саге о Греттире. Спес напоминает царских стражей или часовых, называемых в Зендавесте *Spas*, и, следовательно, напоминает смотрителя царского сада, поймавшего Наран-Герель на восходе солнца вместе с Сараном. Такое превращение имен и ролей очень возможно при переходе сказки от одного народа к другому.

Впрочем, пусть это решают те, кого вопрос ближе касается. Мы совершенно не имеем в виду исследовать филиацию различных редакций одной и той же сказки у разных народов. /401/ Наша цель состоит только в том, чтоб отметить неисторический характер того эпизода в исландской саге, в котором Варяг Торстейн является действующим лицом, и только намекнуть на возможность «посредничества Византии» в передаче — литературной и устной — общего востоку и западу сказочного достояния. [41]

По первому вопросу мы должны сделать еще несколько замечаний. Нам могут сказать: положим, что эпизодический рассказ о Спес есть бродячая сказка, приуроченная к Варягу [230] Торстейну Дромунду, но рассказ о его мести за скальда Греттира и о совершении этой мести именно в Константинополе не имеет внутренней связи с романтическим, сказочным эпизодом и засвидетельствован достаточно в своем чисто историческом характере ссылкой на Стурле Тордсона, помещенной в конце саги и отдельного сказания (*tháttir*). Но судья (*lögmaðr*) Стурле Тордсон жил в конце XIII столетия (умер 1284), и его замечание о Греттире, которому досталась мало завидная, хотя и совершенно исключительная судьба быть отомщенным в Миклагарде, основано, очевидно, на знакомстве с устной или с первоначальной письменной редакцией Греттировой саги: ибо, не будь саги, как Стурле мог чрез 150 лет знать о таком частном факте? Отсюда можно заключать только о существовании двух редакций Греттировой саги и об очень позднем происхождении той редакции, которую мы имеем, то есть, с присоединением не только сказочного эпизода, но и учено-литературных соображений или замечаний. Характер

литературной редакции или даже сочинительства вообще не чужд Греттировой саги, по крайней мере, той ее части, которая только и важна для нас. Несомненно, знакомство ее составителя не только с устными преданиями, но и с другими сагами. Уже рассказ о прибытии Торстейна Дромунда в Царьград и о встрече его с Онгулом сильно напоминает встречу другого Торстейна с его противником Гестом также среди Вэрингов в Миклагарде, и это сходство было бы, вероятно, еще сильнее, если бы Вига-Стирова сага дошла до нас не в такой новой, по памяти восстановленной редакции (см. выше стр. 189). Мы не относим вполне этого сходства на счет восстановителя Вига-Стировой саги по двум соображениям: 1) потому что Греттирова сага не была издана во время Арне Магнусона, и 2) потому что не в этом только случае замечается зависимость Греттлы от других саг. Она несомненно позднее по своему происхождению саги о Гаральде, ибо последняя ничего не знает о ее героях и о Дромунде, будто бы находившемся в таких близких дружеских отношениях к норвежскому принцу. Зато никак нельзя отрицать знакомства у автора Греттлы с Гаральдовой сагой. На основании этой последней сделаны хронологические, почти ученые [231] замечания, приведенные нами выше с намерением. [42] Все основано здесь на расчете времени, протекшего от битвы при Стиклестаде (1030 г.), после которой Гаральд удалился сначала в Гардарик, а потом в Миклагард, до смерти короля Магнуса в 1047 году. Убийство Греттира по саге относится к 1031 году, прибытие Торстейна Дромунда в Миклагард и месть над Торбиорном Онгулом, по-видимому, к 1033 или 1034 г. [43] Через 11 лет, то есть в 1044 или 1045 году, Гаральд, по саге, возвращается в Норвегию. Это, положим, вполне соответствует исторической действительности, но только спрашивается: как народная память, предполагаемая хранительница саг до их письменной, очень поздней редакции, удержала такие искусные и точные хронологические подробности? Несомненно, повторяем, ученое соображение данных Гаральдовой саги с каким-либо хронологическим руководством (книжка Арне Фроди?) или с собственной ученою памятью саго-составителя. Точно так же на основании знакомства с Гаральдовой сагой сделана заметка о большом числе Скандинавов, отправившихся в Миклагард и сделавшихся там Вэрингами при Михаиле Каталаче. В первой части своей статьи мы почти повторили ошибку, которую все делают, придавая словам Греттлы, сюда относящимся, самостоятельное значение, находя здесь свидетельство о более частых, чем прежде, поездках Скандинавов в Византию (С. А. Гедеонов и А. А. Куник). Между тем, здесь

просто говорится в однократном смысле и в однократном глагольном виде: *eo tempore complures Nordmanni Miklagardum profecti, ibi militiae nomina dederunt*, и разумеются спутники Гаральда Норвежского. ^[44] [232]

Сказанного достаточно о Греттировой саге. Позднее происхождение ее также, несомненно, как и поздняя письменная редакция, всеми относимая к концу XIII или началу XIV века. ^[45] После того, что мы прибавили к этому от себя, мы не считаем возможным сколько-нибудь опираться на таком источнике. Более к нему мы не воротимся.

Обращаемся к Гаральдовой саге и к подвигам этого предводителя Вэрингов в сицилийском походе. Эти подвиги, по /403/ всем редакциям, состояли в завоевании четырех городов и всякий раз посредством новой военной хитрости. Первый город взят посредством птиц, которые имели свои гнезда в городе и были наловлены в лесу, куда они летали для добывания пищи. К спинам этих птиц прикреплены были сухие смолистые сучья соснового дерева, намазанные воском и серой, и потом с одного конца воспламененные. Птицы полетели в свои гнезда и зажгли город; жители испугались, вышли и стали просить мира и прощения за свои дерзкие речи, произнесенные ранее против императора, и потом сдались (*Heimskringla*, гл. 6). Давно замечено сходство и тожество этого рассказа с известным взятием Искоростеня русской княгиней Ольгой, и даже тут находили какую-то опору для норманнского происхождения Ольги. Д. И. Иловайский, опровергая такой вывод, заметил, что то же самое рассказывается о Чингиз-хане. Но указание на Чингиз-хана ничего не объясняет, потому что он мог [233] подражать либо Ольге, либо Гаральду. Мы можем указать лиц, которые ту же хитрость употребляли вполне самостоятельно. Это, во-первых, Александр Македонский и эмир Багдадский Ибн-Хосров, живший в самом конце X-го столетия. Вот что о них повествует армянский историк Асохик (см. о нем в III-й главе): «Ибн-Хосров мудростью своею, равной мудрости Александра, удивлял весь мир. Приказанием он брал города, словом изгонял жителей из крепостей. При осаде одного города жители не соглашались сдать его; тогда эмир, в доказательство покорности, потребовал, чтоб из каждого дома дали ему по собаке в виде дани. Город стоял недалеко от тростникового леса, и в нем все дома были построены из тростника. Когда он получил надлежащее количество собак, приказал обмазать их нефтью, поджечь и пустить. Все они сквозь водосточные отверстия городской стены пролезли в город по домам своим и таким образом зажгли весь город. Это мудрое действие его напоминает Самсона, который тремястами лисиц зажег нивы

иноплеменников, или Александра, который посредством птиц поджег деревянный дворец, находившийся на высокой скале».

Не знаем мы, какой это дворец подожжен был Македонянами посредством птиц; у псевдо-Каллисфена мы не нашли вполне подходящего рассказа, а только несколько похожий и напоминающий известную хитрость Ганнибала (см. Pseudo-Callisthen. II 13, 5 p. 68 ed Didot.). Но быть может, Асохик знал о птицах из армянской редакции псевдо-Каллисфена, принадлежащей, вероятно, Моисею Хоренскому и до сих пор не /404/ переведенной и не вполне исследованной (см. Zacher, Pseudocallisthen., стр. 87).

К этому мы должны прибавить, что и эмир Ибн-Хосров не только собак мазал нефтью, но то же самое, для какой-то непонятной цели, делал и с голубями: «Зажегши у голубей крылья, смазанные нефтью, он пускал их по поднебесью» и этими поступками вызвал даже негодование почтенного переводчика Асохика на русский язык (стр. 137). Припомним, что все это совершалось и все это рассказывалось в Армении современно с пребыванием там и вблизи русского корпуса, почти [234] современно с зимовками Варягов в Халдии, и тогда мы будем, по всей вероятности, гораздо ближе к родословной Гаральдовых птиц и Ольгиных воробьев и голубей. Но такие рассказы, принесенные Варягами и Норманнами с берегов Босфора, быть может, подслушанные у военных товарищей, первоначально так мало прикреплялись к определенной личности, что Саксон грамматик, датский историк XIII века, считал себя вправе перенести их на датских баснословных королей Гаддинга (Hadding) и Фридлейфа.

Другой (по порядку четвертый) город, долго осаждаемый, был взят посредством такой хитрости: Гаральд притворился больным и потом мертвым и устроил себе пышные похороны; горожане не только согласились на просьбу Вэрингов — допустить погребение их знаменитого предводителя внутри городских стен, но еще аббаты и монахи различных монастырей спорили между собою о чести иметь гробницу в своем монастыре. Когда Вэринги принесли роскошно украшенный погребальный ящик к городским воротам, они опустили его и поставили здесь поперек, а сами выхватили мечи, которые у них были под платьем, и т. д.

Но Сен-Кентенский каноник Дудо, несколько старший современник Гаральда (писал около 1015 года), ту же самую хитрость приписывает известному датскому (норманнскому) пирату Алстингу, или Гастингу, имя которого долго хранилось в народной памяти Франков, много от него пострадавших, и который является предводителем разбойничьих шаек от

866 до 892 года. Мы разумеем историю разорения города Луны (Luna, Luni) в Тоскане: Dudo, de actis Normannorum (Histor. Normann. scriptores ed. Duchesn., pag. 64).

Вслед за Дудо, ту же самую историю о Гастинге повторяют Роберт Вас (Wace), англо-норманнский трувер второй половины XII-го века, Бенуа де-Сент-Мор, придворный трувер /405/ Генриха II Плантагенета, и Вильгельм Жюмьежский (Guilelmus Gremeticensis), автор «Деяний» герцогов норманнских (около 1137 года). Может быть, не лишнее заметить, что сочинение последнего, для коего Дудо послужил источником, было известно и на скандинавском севере. [235]

С другой стороны, то же самое, что о Гастинге, рассказывалось и о норманнских героях южной Италии, — прежде всего о самом Роберте Гвискарде — Вильгельмом Апулийским, писателем конца XI и начала XII веков (Gesta Roberti Wiscardi: MG. SS. IX. 260), потом о его знаменитом сыне, герое первого крестового похода. Известен интересный эпизод, в котором остроумная дочь императора Алексея, Анна Комнина, с большим юмором описывает переезд притворно умершего Боемунда в гробнице с востока (из Антиохии) в Италию (XI, 12 p. 341 ed. Paris.): может быть, это — настоящий и действительный путь распространения сказки, которая в XI и XII веках разгуливала по Европе. Из Алексиады мы видим, что она была хорошо знакома в Византии. Оттон Фрейзингенский делает изобретателем Гаральдовой хитрости короля Рожера Сицилийского, но переносит сцену обманчивой погребальной процессии в пределы земли греческой и обманутыми представляет греческих монахов (Gesta Friderici, II 34 p. 43 2-го школьн. изд.).

В начале XIII века или в самом конце XII Саксон грамматик приписывает как Гаральдовых птиц, так и Гаральдовы похороны баснословному датскому королю Гадингу и, подобно Оттону Фрейзингенскому, то и другое событие помещает на востоке; но этим востоком для него служит наша Русь, которая и в исландских сагах часто сливается в одно с византийскою Грецией. Посредством птиц Гадинг взял город Дуну (Dunam), принадлежавший Гандвану, царю Геллеспонта, и потом, одержав еще другие победы на востоке (multo Orientalium robore debellato), воротился в Швецию. [46] Король датский Фрото устроил себе притворные похороны в войне с властителем «Русского народа» (Rutene gentis tyrannum) для взятия города Полотска (ad urbem Paltiscam). Наконец, Матвей Парижский похоронно-военную хитрость приписывает Фридриху II Гогенштауфену.

Не останавливаясь на двух других хитростях Гаральда, [236] /406/ из

которых одна напоминает взятие Камиллом города Вейи, а другая уж очень проста и потому не только правдоподобна, но и могла повторяться бесчисленное множество раз, мы в праве все-таки спросить: какую историческую достоверность имеет сицилийский поход Гаральда, состоящий сплошь и всецело из подвигов такого рода, что они принадлежали всем и никому, и не падает ли варяжество Гаральда и его Скандинавов в область вымысла и фантазии вместе с походом и его сказочными подробностями? Мы, правда, увидим, что так обставлен только один из южно-итальянских походов норвежского принца, а другой засвидетельствован гораздо лучше; но, тем не менее, вопрос остается пока в своем ограниченном объеме. Считают места, в которых упоминаются скандинавские Вэринги, насчитывают их до сотни: но целый десяток мест вышеозначенного характера, целый десяток случаев, в которых Вэринги являются с птицами и в похоронной процессии, мы охотно променяли бы на одно простое упоминание какого-нибудь одного «скандинаво-византийского Вэринга» писателем, современным Олафу и Гаральду.

Мы увидим далее, что Гаральд в саге представляется героем одной романтической истории, основа которой состоит в том, что влюбленный и ищущий руки племянницы (или внучки) принц возбуждает ревность тетки (или бабки), а так как эту ревнивицею была сама императрица Зоя, то Гаральд был отправлен в темницу и освобожден был из нее только чудом; затем, подняв народное восстание против императора, мужа Зои, и похитив византийскую принцессу, он увез ее на своем корабле, но, удовольствовавшись тем, что показал свое молодечество, отослал принцессу назад в полной неприкосновенности. Другая редакция добавляет при этом, что Гаральд явился при византийском дворе под чужим именем и скрывая свое звание (под именем Норд-брикта). Очень многое напоминает здесь сюжет немецкой поэмы о короле Ротере, действие которой также совершается в Константинополе, и даже византийский император носит имя мужа Зои. Ротер, король и владетель города Бари, точно также является в Византию под чужим именем; в него влюбляется молодая царская дочь; при [237] ее помощи он устраивает подземельный ход к заключенным в тюрьме своим рыцарям, которые были сюда посажены за то, что явились ранее со сватовством Ротера той же молодой царевны; подобно Гаральду, который, по редакциям более полным, сражался и победил страшное языческое войско, /407/ угрожавшее императору, — Ротер разбивает вавилонского короля Имелота; присланный вестником победы, он объявляет совершенное поражение Константина и близость страшных язычников; испуганные царица и царевна просят его взять к себе на

корабль и увезти за море, но он берет с собою только дочь, а мать оставляет, впрочем объяснив ей обман. Этим история еще не кончается. Царевна была похищена из Бари обратно хитростью людей, посланных Константином; Ротер, переодевшись пилигримом, снова является в Константинополь отыскивать свою невесту-жену, попадает в руки врагов и был уже присужден к казни, но восстание народа, греческих графов и рыцарей, которым Ротер-Дитрих оказал прежде разные услуги, освобождает его; во главе восстания стоял граф Арнольд, предводительствуя 15-ю тысячами своих вассалов. Восставшие Греки, одержав верх, однако, решили пощадить царя, и Ротер получил свою жену уж из рук отца.

Поэма о короле Ротере имеет себе двойника в древнесеверной саге о Дитрихе, короле Бернском, письменная редакция которой принадлежит второй половине XIII века. Роль Гаральда и Ротера, хотя в виде значительно отличном, играет здесь Осантрикс, сын Гертнида, короля Русского, получивший от отца Вилькинскую землю (Wilkinaland), тогда как его брат Владимир (Waldemar) получил Россию и Польшу, а другой и самый младший Илья (Ilias) — Грецию. Осантрикс ищет руки Оды, дочери Милия (Milius), короля Гуналанда, и под ложным именем Дитриха добывает ее не столько хитростью, сколько прямой силою. Сага о Дитрихе часто ссылается на рассказы Вэрингов — совершенно так же, как и относительно романтической истории Гаральда с Зоей и ее племянницей — Вэринги, бывавшие в Миклагарде и возвращавшиеся потом в северных (скандинавских) странах, [238] являются у Снорре Стурлесона ее поручителями и первыми сообщителями. [47]

Не наше дело разбирать, которое сказание имело влияние на образование, склад и развитие другого. Но, по-видимому, повесть о Гаральде в XII веке в своей любовно-романтической части рассказывалась несколько иначе. Вильгельм Мальмёсберийский (ум. 1141), смешивая Гаральда относительно прозвища, но верно называя его братом св. Олафа, пишет, что он в юности, находясь на службе византийского императора, обесчестил одну /408/ знатную женщину и за то, по приказанию императора, был брошен на съедение льву, но одними голыми руками задушил страшного зверя (Haroldus Horvagus, frater Olavi, qui etiam imperatori Constautinopolitano dum juvenis militaverat, cujus jussu pro stupro illustris foeminae leoni objectus belluam immanem nudo lacertorum nisu suffocavit. Это повторяется и у других позднейших писателей). Теперь этого льва нет в Гаральдовой саге, но очень вероятно, что он в ней был, точно так же, как есть сцена с убиваемым львом в поэме о короле Ротере.

С другой стороны, действительная и не подлежащая сомнению история Гаральда в Константинополе представляет некоторые черты, близкие к приключениям сказочного короля Ротера. Трудно, конечно, предполагать, чтобы под баснословным Ротером скрывался действительный Гаральд, или чтобы сага о Дитрихе превратилась в позднейшую поэму о Ротере под влиянием знакомства с приключениями норвежского принца и слухов, распространенных об этом по всей Европе, благодаря разноплеменному и пестрому составу тогдашней византийской армии. В ней были и Русские, и северные Норманны, и Франки, и Сарацины; вскоре после Гаральда явились в ней и Немцы. Мы могли бы думать, что и в Дитриховой саге смешение имен русского эпоса со всякими другими в самом деле идет от византийских Варягов, под которыми тут [239] разумелись бы византийские наемники из всех этих национальностей. [48]

В той многолюдной и пестрой смеси восточных и западных элементов, какая сосредоточивалась около берегов Босфора в XI веке, гораздо ранее крестовых походов, был возможен самый широкий взаимный обмен всех продуктов народного творчества и всякого рода имен и сказочных сюжетов, а также и повестейодействительных событиях, прошедших чрез народную фантазию. В самой Гаральдовой саге обращают на себя внимание иные греческие слова, как будто подслушанные спутниками Гардрода у их русских товарищей. Так, хорошо известный в византийской истории предводитель сицилийского похода Георгий Маниак в саге постоянно называется Gurgir, то есть, Гюрги (*r* — окончание именительного падежа); императорский дворец византийского владыки именуется *rolotur* (множеств.), то есть, палатами (от *palatium*, *Pfalz*).

Все это еще требует разъяснения. Но что касается /409/ сходства истории Гаральда в исторических ее чертах, которые будут нами указаны ниже, с приключениями короля Ротера, то, конечно, не один Гаральд был в Константинополе, не один он там сражался с язычниками и мусульманами: делали то и другие принцы, графы и рыцари; не один Гаральд сживал в Цареградской тюрьме, если он сидел в ней, и не один он освобождался из нее вследствие нередких в Византии престолонаследных переворотов и народных восстаний; не один он из западных людей играл важную роль в таких движениях и участвовал в низвержении или даже ослеплении императора. Мы можем, поэтому, сказать, что история Гаральда имела влияние на сюжет и подробности немецкой поэмы настолько, насколько она была общей историей западного рыцарства, приходившего на службу к византийскому царю, точно так же, как наоборот сага о Гаральде сложилась

в ту форму, какая до нас дошла, под влиянием разного рода сказаний, относившихся первоначально к совершенно другим лицам, историческим или фантастическим [240].

Приведем еще один и последний пример. Сага о короле Сигурде, палестинском пилигриме, рассказывает в числе других баснословных подробностей его путешествия торжественном въезде его в Царьград, не замеченном, конечно, византийскими хрониками. «Люди рассказывают», — повествует Снорре Стурлесон, — «что король приказал подковать свою лошадь золотом, прежде чем он въехал в город; это было устроено так, что одна из подков должна была свалиться на улице, и никто из его людей не должен был обращать на то свое внимание» (*Antiquites Russes I*, 385). Но старая французская хроника то же самое приписывает герцогу Роберту Норманнскому: «A l'entree de la ville, ou l'empereur estoit, il fist ferrer une mulle, que on lui menoit apres lui, de quatre ferres de fin or, et deffendit a tout ses gens que si la mulle se deferroit que nul ne redrecast le fer». Весьма вероятно, что Исландцы заимствовали чужой рассказ и перенесли его на своего короля Сигурда. Подслушали они его в самом Константинополе, что возможно или списали его с какой-либо французской хроники, что не менее вероятно: во всяком случае, такие подробности мало рекомендуют историческую достоверность саги и не свидетельствуют в пользу неизменности и точности исландского предания. Припомним, что время короля Сигурда гораздо ближе к Снорре Стурлесону, чем время Гаральда Гардрада.

/410/ После приведенных примеров нам легче будет отвечать на вопросы: что такое исландская сага, в какой степени она может служить историческим материалом, то есть, насколько в ней обретается действительной фактической истории, и как отделить в ней исторический элемент от поэзии и баснословия?

VI. Песни скальдов, как единственный исторический материал в сагах для вопроса о Варягах

Во-первых, чисто исторический элемент находится не во всех исландских сагах, а только в некоторых из них. Всякий прозаический рассказ, относится ли его содержание [241] к области вымысла или имеет историческую подкладку, называется у Исландцев сагою (saga, sogur). Большое различие в самом содержании саг, прежде всего, было замечено наукой, и критика давно распределяет саги на несколько видов, отделяя «вымышленные» от «исторических». Было время, когда, по следам Саксона Грамматика, всех мифических героев саги, начиная с Одина, выдавали за скандинавских князей, но это время давно прошло. Всех более и прежде других содействовал этому датский ученый епископ Мюллер. Он с достаточною для своего времени точностью изучил историю развития исландского деписания и сделал опыт подробного разбора отдельных до нас дошедших прозаических памятников северной письменности. Он пытался определить, какие саги имеют действительную историческую основу, и какие вымышлены, и потом — к какому времени относится происхождение той или другой саги (не письменная редакция). От его проницательности и — по времени — весьма здоровой критики не ускользнуло то обстоятельство, что и саги с историческою основой имеют добавления совершенно другого характера. На основаниях, указанных Мюллером, разделяют саги на мифические, романтические, полуисторические и вполне исторические. [49]

Твердой грани и точных внешних признаков нет, и не могло быть. Мюллер очень часто считает сагу историческою только потому, что лицо, о котором в ней говорится, есть историческое, то есть, упоминается в исландских родословных, огромная масса которых заключается в Landnámabók, или /411/ упоминается в других сагах, уже признанных историческими. — Ни тот, ни другой признак в настоящее время и пред судом более строгой критики не может быть признан решительным. Если Илья Муромец упоминается в русских письменных сказаниях, то из этого не следует, что былины об Илье Муромце заключают в себе чисто историческое фактическое содержание. Слагатели саг могли брать и

действительно брали своих исландских земляков в герои таких [242] рассказов, материал которых был заимствован из домашнего сказочного запаса и народных песен или же принесен с далекой чужбины — и с особенной охотой именно в последнем случае. Новейшая критика причисляет Греттирову сагу уже не к историческим, как Мюллер, а к так называемым «лживым сагам», *lygisögur*. [50] Сюда же критика относит и Финнбогову сагу (*Finnbogasaga*), и мы не знаем, исключит ли она из этого рода и сагу о Рафнкеле (*Hrafnkels saga*), хотя герои обеих будто бы известны были в самом Миклагарде. Помещать сказочные события в сказочную страну, в тридешатое государство, так же естественно для народной и ненародной фантазии, как и украшать домашних героев чужими перьями. Впрочем, рассказ о походе Финнбога в чужих странах даже издателями *Antiquites Russes* считается почти баснословным, хронология его путешествия в Царьград несоответственной с действительной историей (*Antiquites Russes* II, 320 и сл.). Только русские исследователи хотят быть *plus royalistes que le roi*. Для них Норманн, сражавшийся на родине с каким-то «синим человеком» (*blámadhr* негр, а по другому объяснению — великан) и потом отправленный Гаконом, норвежским ярлом, в Миклагард за получением денежного долга, есть драгоценная находка, — не столько потому, что он показывает в Константинополе снова свою необычайную силу, подняв императора с его престолом на воздух и пронеся его так значительное пространство, сколько потому, что должник, за которым снаряжена была маленькая норвежская экспедиция, сделался из разморившегося купца *hirdhmadhr* ом греческого короля Иоанна (*satelles* — гридень — *regis Johannis*). Таким образом, получается Норманн, служивший в греческой службе во время Иоанна Цимисхия (969–976 гг.). Положим, [243] что он не называется Вэрингом, но это еще лучше: он называется «гриднем». Слово *hirdhmadhr* объявляется таким же техническим словом, как и слово Вэринг, и означает точно так же, как и последнее, Норманнов, служивших в Византии, /412/ хотя на самом деле оно решительно не включает в себе ничего византийски-технического и постоянно, даже в той же самой саге, употребляется для выражения домашних, то есть, скандинавских отношений короля или князя к его приближенным. Слово Вэринг, по своему происхождению относящееся или относимое к самой глубокой общетевтонской древности, по употреблению превращается в младшее, более новое, чем «гирдмадр»: сначала оно, это последнее, употреблялось для обозначения Норманнов, служивших в Византии, и наряду с ним стоит термин совершенно такого же характера (*handgenginn*), а потом вошло в употребление и более древнее выражение.

Все это нам кажется более чем сомнительным, и думается, что мы поступили благоразумно, не упомянув совершенно Финнбога и Берси в числе вероятных скандинавских Вэрингов. Вовсе не может служить признаком историчности тех или других событий, того или другого лица и то, что о нем упоминается в других сагах. Такая взаимная порука совершенно естественна, потому что слагатели и составители саг часто любили пользоваться готовым материалом, но только такая порука не имеет никакого значения в вопросе достоверности предания.

Во-вторых, допуская первоначальную историческую основу в собственно исландских сагах ('Jslendinga Sögur) и предполагая, что это основа народная, мы не можем в них видеть, как это видел Э. Мюллер, верное воспроизведение хронологически определенной истории. В каждой героической саге исторический элемент будет находиться только в том виде, как он отразился в поэтическом созерцании народа и как он постоянно с течением времени изменялся в постоянно живой народной фантазии, прежде чем был закреплён письменной редакцией.

А эта письменная редакция, во всяком случае, будет довольно поздней относительно времени предполагаемого [244] происхождения саги. В начале своей статьи, говоря о сагах, интересных для нас по упоминаемым в них Вэрингам, мы принимали самое благоприятное для их древности мнение датских и норвежских ученых. Но и при этом, самые древние саги относятся по времени письменной редакции к первой половине XII столетия, а события и лица, в них действующие, к самому /413/ началу XI века. [51] С некоторым колебанием и большим риском можно еще допустить, что в течение такого промежуточного времени устная сага могла не утратить своего первоначального колорита или не измениться в своих подробностях; что, например, Вэринги не явились в ней так, как явились Татары в русских былинах о богатырях Владимира. Но как мы поручимся за сагу о Рафнкеле, события которой должны относиться к первой половине X века, а письменная редакция — по меньшей мере, к концу XII столетия? Что мы должны будем сказать с этой точки зрения о саге, в которой действует уже известный нам современник двух не современных государей (Цимисхия и ярла Гакона; см. *Antiquites Russes*, l.c.) — богатырь Финнбоги? Строгая критика не только имеет право, но и обязана заявить самые решительные сомнения относительно [245] того, чтобы все частности и подробности, вся терминология, находящиеся в письменной саге, действительно относились к той эпохе, которой должно принадлежать ее содержание, ее сюжет; она не поверит, чтобы все это было точно, верно

и сохранно донесено устным преданием чрез пространство, считаемое двумя и тремя сотнями лет. Правда, есть особая теория происхождения саг, по которой все нами считаемое невозможным оказалось бы совершенно естественным. Но даже в приложении к сагам о норвежских королях (*Sögur Noregs konunga*), для которых она преимущественно и создана, эта теория не выдерживает критики и в настоящее время, кажется, может быть почитаема оставленной и опровергнутой. ^[52]

Королевское общество северных антиквариюв, издавшее /414/ великолепные тома, которые носят заглавие: «Древности Русские по историческим памятникам Исландцев и древних Скандинавов» (*Antiquités Russes, d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves*), оказало, конечно, великую услугу русской истории, но оно же упрочило у нас ложный взгляд на историческую ценность материала, предложенного им к услугам русской истории. Идя по следам Мюллера, издатели «Русских Древностей» принимали, что записывание саг, относящихся к Исландии и Норвегии, было в сущности делом совершенно механическим: нужно было записать рассказ вполне законченный, давно окрепший и окаменелый в своей форме и содержании и в таком виде переходивший из уст в уста. Вот как отвечают они на вопрос, что такое историческая исландская сага:

«Слово сага происходит от *segja* — говорить, и значит просто рассказ, предание (*tradition*). Но это этимологическое [246] определение не исчерпывает вполне идеи, которая должна соединяться с представлением об исландской саге. Под сагой разумеют не только устное предание, что, конечно, составляет существенную часть идеи слова, но рассказ чистый (*pur*), ясный и достаточно подробный о фактах, изложенный так, что он представляет нам определенное и законченное целое. Если мы будем держаться этой идеи, то нам легко будет определить отношение между сагами записанными и теми, которые передавались устно. Эти последние совпадали, так сказать, с фактами, о которых они сообщали. Для того чтоб они могли переходить из уст в уста, не теряя на пути обстоятельств второстепенных, но важных, было необходимо тотчас же привести их в известную форму, которая потом удерживалась постоянно, допуская только незначительные изменения. Именно эта точно определенная форма составляет существенный признак исландских саг. Именно этой древней форме, столько же, сколько их законченной округленности, обязаны мы их сохранением, иначе не объяснимым, от времени, когда еще не было известно искусство письма. Отсюда далее следует, что при таких обстоятельствах отдельному лицу не было /415/ никакого случая проявить

свою личность (*de se faire valoir*). Саги, под которыми мы разумеем первоначальную массу старинных преданий, обязаны были своим происхождением себе самим. Они получили свою редакцию и определенную форму в устах народа, так что нельзя было указать автора в том или другом лице, и последующему рассказчику или записчику оставалось только принять за основу готовый рассказ (*du recit une fois fait*), убавляя или прибавляя в разных местах, но не внося никакого заметного изменения в первоначальной основе (*poуau*) истории. Вот причина, по которой мы видим, что большая часть фактов, сообщаемых нам сагами, рассказаны совершенно одинаковым образом, иногда даже теми же самыми выражениями... Последующие писатели (*copistes*) саг не называли себя по имени из такого же естественного побуждения, как древние историографы классические (?); они очень хорошо чувствовали, что исполняют только роль кописта и не имеют никакой авторской заслуги» (*Antiquités Russes I, 235 и сл.*). [247]

Такой взгляд пользуется тем большим сочувствием многих северных ученых, что он служит особого рода местному патриотизму, основанному на взаимном соперничестве северных племен. Норвежцы и Датчане не хотят оставить за Исландцами всей литературной славы, которая им принадлежит, как авторам не только исландских, но также норвежских исторических саг и вообще северного дееписания. Так как устное предание по самой природе своей должно исходить от той географической местности, с которой связываются относящиеся сюда события, то ясно, что Исландцам относительно норвежской истории по вышеизложенной теории будет принадлежать только одна заслуга: они записали, придали письменную форму устному преданию, которое сложилось в самой Норвегии; об авторской, сочинительской деятельности в собственном смысле слова не должно быть и речи.

Но более беспристрастная и не замешанная в такого рода вопросах, в то же время более трезвая и строгая, новейшая критика совершенно отвергает все основные положения теории Мюллера, Мунха, Кейзера. Она допускает, что, действительно, целая масса устных преданий могла обращаться у Исландцев и Норвежцев, прежде чем кто-нибудь вздумал записывать эти предания; но эти предания — совершенно так же, как и в настоящее время — переходили из уст в уста чрез посредство отдельных лиц, и обусловленные этим, в форме постоянно изменяющейся, подвергались и в своем содержании /416/ в разные времена, в устах различных лиц, разнообразным изменениям. Конечно, в те времена, когда искусство письма было еще мало употребляемо, память была гораздо

вернее и надежнее, чем в наши письмолюбивые времена; конечно, все то, что было производимо людьми особенно даровитыми и что переступало границу общедоступности, большею частью сейчас же исчезало из памяти, так как толпа не в состоянии была подхватить и нести далее то, что было ей не по плечу; а так как письмо еще не могло придти на помощь, то приобретенное указанным путем не сохранялось и для немногих, более даровитых; конечно, различие, всегда существующее между образованными и необразованными членами нации, в [248] древности было меньше — именно вследствие того, что оно образуется накоплением произведений умов выдающихся и постоянным пользованием ими со стороны одинаково одаренных натур. Но при всем этом речь может быть только о различии в степени, а не в роде. И самая счастливая память обладает только ограниченной степенью восприимчивости. Таким образом, живущее в каждом отдельном человеке предание различным образом ограничивалось, смотря по дарованию, склонности, жизненному положению отдельного лица, а с другой стороны — вновь образующиеся предания постоянно становились на место более древних, и эти последние не могли жить рядом с первыми. Вечный прилив и отлив старого и нового давал себя чувствовать; предание постоянно оставалось в состоянии текучести, и воспоминание хватало назад только до определенного ряда поколений, а далее позади их исчезало всякое твердое очертание и надежная опора; каждому индивидууму принадлежало личное участие как в передаче, так и в самой духовной производительности, подобно тому как и теперь, наоборот, каждый индивидуальный сочинитель есть все-таки сын своего времени и народа.

В поэтической форме предания его верность, правда, охраняется крепостью формы и гармоническим размером стиха; но сага именно не имела этой опоры, так как ее принадлежность — прозаическая форма. Наряду с этим простым (прозаическим) преданием появляется, конечно, и поэтическое (песни скальдов), которое может простирается в старину гораздо далее, но нет никакого основания предполагать, чтобы поэтическое предание началось ранее, чем первое, или с самого начала служило для него опорой.

Никто не отвергает, что исландско-норвежское дееписание, /417/ во главе которого по времени стоит Аре Фроди (1067–1148 гг.), как и всякое другое, первоначально зависело от устного древнего предания. Оно зависело от него потолику, поколику не пыталось иногда дополнять данный преданием материал собственными выдумками или заимствованиями из иностранных сочинений, каковы Вильгельм Жюмьежский, Адам

Бременский и другие (см. Maurer). Но только отсюда никак не [249] следует, что-то устное предание привязано было к какой-нибудь определенной форме. Напротив, каждому отдельному саго-писателю предоставлялась полная возможность и свобода собирать свой материал от отдельных знающих лиц и потом придавать ему такую форму, какая ему нравилась.

Так поступил Аре Фроди, автор первого по времени исторического сочинения ('Íslendingabók), написанного на древне-северном языке. Его небольшая, но тем более драгоценная книжка содержит в себе хорошо расположенный, но очень краткий и сухой хронологический обзор важнейших эпох Исландской истории. Она составлена на основании собственных воспоминаний Аре Фроди и на основании сведений, собранных им от самых различных по своему положению и званию лиц, которых он считал правдивыми и специально знающими факты в той или другой области. Аре постоянно приводит имена своих поручителей и даже имена тех, от кого его поручители слышали о том или другом событии или лице, и это делает он всегда по поводу какого-либо отдельного пункта или факта. Сочинение современника Аре, Сэмунда Фроди, написанное на латинском языке и содержащее уже не Исландскую собственно историю, а хронику Норвежских королей, было таким же сухим и скудным хронологическим перечнем; как и книжка Аре. [53] Одинакового с последним метода держались те сочинители, которые во второй половине XII века писали историю своего собственного или близкого им времени: Ейрик Оддсон, автор потерянного сочинения (Hryggjarstykkí, Хребтовая часть), монахи Одд и Гуннлауг, сочинившие оба по латинской легенде о короле Олафе Триггвасоне. Здесь те же самые ссылки на отдельных свидетелей для отдельных фактов, как это видно из сохранившейся [54] легенды монаха Одда, как это [250] засвидетельствовано относительно его и относительно Гуннлауга одним позднейшим сборником (Flateyjarbók), перечисляющим имена приведенных ими поручителей. Притом сочинение Гуннлауга, судя по следам, которые от него остались в позднейших /418/ сборниках, подобно сочинению Одда, имело более легендарный церковный характер, чем чисто исторический, имело в виду более духовное назидание читателя, чем сообщение точных исторических сведений. Саги об Олафе Святом, явившиеся также в XII веке, имели характер совершенно сходный с произведениями двух монахов, сейчас названных.

Первые исторические сочинения, которые может выставить северная

литература, суть, очевидно, продукты чисто личного, совершенно индивидуального авторства. Историческая литература севера не имела своим исходным пунктом записывание саг, обращающихся в устном предании, и нет никаких признаков, чтоб история Норвежских королей получила полную закругленную форму первоначально в устном пересказывании и в этой форме была записана. Что касается огромной массы тех сочинений, которые обязаны своим происхождением XIII и XIV векам, то и о них нужно сказать то же самое. Те из них, которые излагают современную историю, ссылаются на непосредственное знание их сочинителей, или на документы, находившиеся в их руках, а также на свидетельства различных названных и не названных поручителей, и ничто не дает права предполагать, что сагосоставитель обязан был этим последним чем-нибудь большим, кроме отдельных сообщений об отдельных фактах, которые он потом соединил в одно целое с тем, что заимствовал из других источников, придав всему угодную ему форму.

Предположение, что ранее Исландцев Аре Фроди, Сэмунда и Одда существовали собственно норвежские писатели, ближе сочувствующие местной народной литературе и положившие начало записыванию готовых сложившихся и цельных саг, — ни на чем не основано. Первый несомненного норвежского происхождения исторический писатель есть монах Теодорик, который между 1176 и 1188 ^[55] годами написал на латинском языке свое **[251]** сочинение «de antiquitate regum Norwagiensium». Но он прямо говорит, что до него никто не принимался еще за норвежскую историю, то есть, очевидно, никто из норвежских уроженцев, ибо на Исландцев сам же Теодорик несколько раз ссылается (См. Maurer, Ueber die Ausdrücke, стр. 690, примеч. 52). Никак не видно также, чтобы в его время в Норвегии существовали такие хранители народного предания, в устах которых вся прошедшая история имела бы вид полных, законченных и определенных рассказов; ибо что заставило бы в таком случае Теодорика обращаться к Исландцам, что /419/ помешало бы ему призвать к себе в келлию таких сказателей — вместо того, чтобы воздавать честь чужестранцам, пренебрегая земляками?

Существовал, конечно, у Норвежцев, и преимущественно Исландцев, обычай рассказывать «саги» о древних и новых, даже о живых героях — особенно при торжественных случаях и при народных собраниях. Но нет причины думать, чтоб это были сейчас же окаменелые по форме и содержанию или художественные рассказы. Один из спутников Гаральда Норвежского, Исландец Гальдор Сноррееон, рассказывал сагу об его путешествиях и походах в доме своего знакомого; другой Исландец

Торстейн Фроди потом повествовал о том же пред самим королем Гаральдом (Scripta histor. Island. VI p. 331). Когда король спросил Торстейна, откуда он так хорошо все это знает, то раскатчик отвечал, что он несколько раз год за годом в народных собраниях слушал рассказы об этом именно вышеупомянутого Гальдора Снорресона. Нужно ли представлять, что повествование Торстейна сколько-нибудь похоже было на сагу, которую мы теперь имеем? Об этом и думать нельзя, помимо других оснований, уже потому, что Торстейн об одних странствованиях Гаральда рассказывал целые тринадцать вечеров, а то, что мы теперь об этом имеем, удобно может быть рассказано в один вечер.

Наконец, ни взаимное сходство между сагами и различными их редакциями, ни безымянность многих саг ничего не доказывают относительно зависимости их от устного предания. [252]

Сходство просто объясняется литературным заимствованием, которое так было развито во всех средневековых литературах и которое, как это теперь уже во многих случаях хорошо обнаружено новейшими исследованиями, было в обычаях и северных сагослагателей. Безымянность же многих саг также не представляет чего-нибудь необычайного или неудобнообъяснимого. Притом она далеко не есть общее явление; одни саги не имеют названных по имени авторов, а другие, напротив, принадлежат известным лицам.

Совершенно несомненные признаки убеждают нас в том, что, когда исландско-норвежское деписание обратилось от современности или прошлого, настолько близкого, что оно еще не изгладилось из памяти отдельных лиц, к более отдаленным временам, и особенно к временам глубокой древности, то здесь именно и обнаружилась слабость, скудость и бесформенность /420/ народного предания. В первой половине XIII века знатный Исландец Снорре Стурлесон (ум. 1241 г.), близкий ко двору королей Норвегии и хорошо знакомый со страной, взял на себя труд представить связную историю норвежских королей в целом ряде саг, начав от самой глубокой древности. Он скоро убедился в недостаточности средств, которые находились у него под рукою. Он очень часто ссылается на устное предание, уже не называя определенных лиц. Но видно сейчас же, какого труда ему стоило собрать разные элементы этого предания. Большею частью это местные предания, привязанные к различным местным памятникам: могилам, погребальным холмам и насыпям, грудам камней, к названиям разных местностей, а также фамильные предания знатных родов, начиная с его собственного. Ссылки на «знающих людей», на предание вообще — довольно часты в Heimskringla. Но часть их может

относиться к письменному преданию, а другая остающаяся часть, несомненно, принадлежащая народной традиции, носила общий характер предания, отличалась смутностью, противоречиями, неопределенностью и недостоверностью. Это понимал сам Снорре. В истории Гаральда (с. 36; ср. с. 14) он уверяет нас, что многое из того, что он узнал об этом короле, он оставляет без всякого упоминания, потому [253] что он не хочет писать неосновательных «не засвидетельствованных» историй. Он нередко ставит рядом различные мнения и предания, оставляя своему читателю избирать более достоверные. Это не показывает, чтобы Снорре был простым редактором полных и дельных, вполне готовых устных саг.

Литература давала ему также не особенно богатый запас готового и обработанного материала. С одной стороны, это были хотя совестливые и точные, но зато крайне сухие и скудные хронологические работы, подобные «книжке» Аре Фроди, а с другой — легенды, полные помазания и назидания, полные чудес и видений, но мало обращавшие внимания на хронологическую правильность и на чисто историческую действительность. Из таких ингредиентов предстояло Снорре Стурлесону строить историю прошедшего. Сильный поэтический талант и глубокое знакомство с родною поэзией повредили при этом делу, а также и помогли ему. Снорре Стурлесон первый оценил надлежащим образом тот совершенно подлинный, достоверный и современный событиям источник, который давно существовал в песнях скальдов. Это было уже не народное предание, изменяющееся, искажающееся, а именно предание, облеченное в /421/ строгую художественную стихотворную и потому неизменную форму. Это были песни придворных поэтов, составленные по известным точным правилам и на известные определенные случаи, по известным поводам и на известных лиц. Уже монах Теодорик указывал на песни исландских скальдов, как на главный источник знания Исландцами норвежской истории. В древнейших исторических сочинениях северной литературы стихи вовсе не встречаются, и уж это одно достаточно опровергает предположение, что сагослагание было соединено с самого начала с поэзией в лице скальдов. Но есть признаки, что несколько ранее Снорре Стурлесона стали обращаться к этим песням придворных поэтов, вставляя отрывки их в рассказ в виде украшения, а иногда даже в виде подтверждения истины повествуемого. Но Снорре Стурлесон первый возвел пользование песнями скальдов в систему, сознательно принимая их за лучший исторический документ, за [254] лучшую опору исторической правды. В прологе к *Heimskringla* мы читаем у него: «Когда Гаральд Прекрасноволосый был королем в Норвегии, тогда Исландия получила

обитателей. При Гаральде были скальды, и люди еще теперь знают их песни (о нем), а равно песни всех тех королей, которые с тех пор были в Норвегии; и мы заимствуем наибольшую часть доказательств из того, что говорится в песнях, которые были петы пред самими князьями и сыновьями их: мы принимали за правду все то, что в этих песнях находится о походах или сражениях их (князей). Прием скальдов состоит в том, чтобы более всего хвалить лицо, пред которым они находятся; однако ни один из них не решился бы сказать пред самым этим лицом таких его дел, о которых все слушающие могли бы знать, что это пустой вздор и вымысел, так же как (мог бы знать) и он сам. Это была бы насмешка, а не похвала». Разумный взгляд на поэзию скальдов, выраженный здесь, обнаруживается равным образом и в осторожной трезвости суждения относительно народных песен и относительно порчи, которой подвергается устное предание в противоположность песням скальдов: «Одна часть истории написана по старым песням, которые люди сложили для препровождения времени (для забавы). Хотя мы и не знаем, что в них есть правды, но знаем однако примеры, что прежние знающие люди принимали их за истину». — «Песни, мне думается, /422/ всего менее подвержены изменению тогда, когда они правильно пропеты и разумно восприняты».

[56]

Но песни скальдов, которые разумеются под правильно пропетыми, не представляли связного, подробного и длинного рассказа о королях или событиях; они касались отдельных случаев, не всегда ясно указываемых, а только подразумеваемых или намекаемых; всего менее они могли удовлетворить запросу на точную хронологию для целых периодов. Много приходилось Снорре Стурлесону дополнять своим соображением; многое в сагах, которые для нас особенно важны, [255] есть только личная комбинация автора, в XIII веке писавшего о событиях первой половины XI столетия. Эти комбинации, при помощи которых Снорре Стурлесон составлял из своих разнообразных и вообще — то в том, то в другом отношении — недостаточных источников одно стройное целое, не могли быть всегда удачными. Снорре Стурлесон не хотел идти по следам Аре Фроди и не имел в виду ограничиться изложением отдельных скудных фактов, приобретенных путем многотрудного и скрупулезного исследования и постоянно возводимых к их первоначальным сообщителям и свидетелям. Его поэтическая натура требовала художественной и полной формы, цельной и связной истории. При помощи песен, с одной стороны, а с другой — при помощи более обширных сочинений Одда и Гуннлауга, носивших церковно-легендарный характер, он успел действительно создать

полную историю, стройно и непрерывно изложенную. Песни и народные предания дали ему не только новый и богатый материал, но также и возможность специфически-церковную окраску заменить более светскою и народною. Из сочинений своих сейчас названных предшественников он не гнушался черпать подробности для своей истории, заимствовал у них многие легенды и рассказы, но стремился восстановить в них последовательность и порядок событий, на что те не обращали внимания, а иногда и отбрасывал излишек чудес и видений, когда они казались ему ненужными или совсем недостоверными. Нет недостатка и в собственных прибавках автора; он допускал их, когда являлась потребность в более картинной и подробной разрисовке событий, переданных только в сухой и голой основе; он прибегал к остроумным конъектурам и догадкам, /423/ чтобы связать отрывочные известия, дополнить их или даже исправить. В одном отношении Снорре Стурлесон достиг своей цели. Его саги о норвежских королях представляют живое и теплое, вполне художественное произведение, которым он совершенно затмил всех своих предшественников. Но при пользовании его трудом от новой исторической критики требуется двойная осторожность. Не весь материал, который вошел в сочинение Снорре, имел характер исторический: [256] легендами и преданиями, которыми он пользовался, мы не могли бы теперь пользоваться так, как он пользовался. Дополнения, догадки и комбинации самого автора также не имеют для нас обязательной силы, особенно в тех случаях, когда он переносит сцену действия в чужие и далекие страны. Средства его для восстановления прагматизма и последовательности в событиях были у него на сей случай крайне недостаточны. Призвано, что Снорре не был знаком с иностранными языками, даже с латинским, на котором писались почти все западные летописи и хроники. Только чрез какое-либо посредство могли дойти до него, например, те каталоги императоров римских и византийских, следы которых с вероятностью указываются в саге о Гаральде, нас интересующей; но даже в предполагаемом подлиннике эти каталоги не вполне исправны и точны. На основании их нельзя было отличить Михаила IV Пафлагонянина от Михаила V Калафата. Вопреки Византийцам, Калафатом здесь назывался Михаил IV, а не Михаил V (см. каталог, напечатанный у Муратори t. V, p. 156). [57] Несомненно, что в этих случаях мы в настоящее время обладаем гораздо лучшими средствами. Мы гораздо скорее и вернее дойдем к исторической истине, если оставим в стороне комбинации автора — Снорре Стурлесона, касающиеся событий, отдаленных от него и по времени и по пространству, и если совершенно отбросим весь

неисторический или сомнительный легендарный состав его саги об Олафе или Гаральде. У нас останутся тогда песни скальдов, которые он сам выдавал за основание своей истории. Мы, конечно, не имеем их теперь отдельно и вполне, но те многочисленные отрывки, которые приводятся в разных редакциях саг, составленных первоначально Стурлесоном, могут служить для нас заменой. При ближайшем рассмотрении сейчас же оказывается, что современные свидетельства скальдов лучше согласуются с современными же или происходящими от современных источниками [257] иностранными, чем с прозаической частью саги, дополняющей /424/ и объясняющей их на основании других позднейших материалов.

Мы не считаем нужным говорить об отношении различных редакций, в которых являются нам саги о норвежских королях. Прежние исследователи, которые старались отказывать Снорре Стурлесону во всякой самостоятельности, ссылались на сборники, существующие в позднейших рукописях и содержащие те же самые саги, которые мы читаем в *Heimskringla* Снорре, но с некоторыми отменами и прибавлениями; они находили здесь настоящую древнюю редакцию саг, записанных так, как они рассказывались устно, и переделанных слегка Стурлесоном. Новейшие исследователи (Маурер, Петерсен и др.) достаточно доказали, что на самом деле существует обратное отношение. Так называемый *Flateyjarbok*, *Morkinskinna* и пр. представляют только позднейшую редакцию саг, составленных Снорре Стурлесоном, с добавлениями и вставками, взятыми из тех же источников, которыми пользовался Снорре, и только поэтому они имеют иногда вид большей древности. [58] [258]

VII. Действительная история Гаральда и его Вэрингов в Константинополе

Сага о Гаральде начинается рассказом о битве при Стикклестаде, в которой был убит брат его Олаф (1030 г.). По свидетельству скальда Бёльверка, на «следующий год» Гаральд нашел себе убежище в Гардарике, то есть, на Руси, и здесь, как свидетельствует другой скальд — Тиодольф, принимал участие в битвах и походах Русского князя, между прочим, сражался с Ляхами (Laesir). Из русской летописи известно, что действительно в 1031 году Ярослав [\[A.V.2\]](#) ходил на Ляхов и взял Червенские города. Затем, через несколько времени, Гаральд с своими норвежскими спутниками ушел в Миклагард.

В большей части редакций (Hrokkinskinna, Flateyjarbók, Morkinskinna) скандинавские искатели приключений отправляются в Константинополь далеким окольным путем чрез земли Вендов (прибалтийских Славян), через Саксонию, Францию, землю Лангобардов, Рим и Апулию, и потом вступают в службу в Миклагарде.

Но какая нужда была, отправляясь из Киева, делать такой длинный круг? В XI веке Черное море носило имя Русского, вероятно — не потому, что Русские по нему не плавали. Известие /425/ уже само по себе не внушает доверия, и спрашивается только, на чем оно основано?

В подтверждение такого длинного путешествия сага приводит несколько стихов скальда Иллуге Бриндальского, где сказано только, что его господин (Гаральд) часто сражался до свету с Франками при городе девы (at by snótar), и два стиха [259] скальда Тиодольфа, которые гласят, что «Гаральд с (мужественным) духом прошел землю Лангобардов»:

Sá er vidh lund á landi
Langbardha redh ganga.

Ясное дело, что скальды в этих стихах, приведенных как единственное доказательство странного факта, вовсе не говорят того, что утверждает сага. Если мы примем комбинацию, ею предлагаемую, то будем даже поставлены в необходимость допустить самые невероятные вещи: именно, что изгнанник — норвежский принц оружием проложил себе дорогу чрез Францию и Ломбардию, дабы достигнуть южной Италии. Скальд говорит, что Гаральд сражался с Франками: он действительно мог с ними сражаться, после того, как уже поступил в службу византийского императора. Под

Франками скальд, конечно, разумел Французских Норманнов, которые во время Гаральда овладели византийской частью Италии; в борьбе с ними Гаральд действительно участвовал. Лангобардия Тиодольфа есть равным образом Лангобардия византийская, то есть, старая Лангобардская земля, иначе Апулия и Калабрия (ср. Cedren. II, 514, 525). Гаральд сражался с Франками и был в земле Лангобардской не на пути в Миклагард, а прибыл сюда из Миклагарда вместе с византийскою армией, отправленной против Франков.

Не только нет никакой нужды предполагать, что Гаральд прибыл в Грецию не прямо из России, но напротив, именно это говорит более древняя редакция саги (Heimskringla) — на основании, по-видимому, стихов скальда Бёльверка, описавшего морское путешествие Гаральда и прибытие его в Константинопольскую гавань.

Всего вероятнее, что Гаральд, прибывший из России, при вступлении в византийскую службу присоединился вместе со своими спутниками к тому большому русскому корпусу, существование которого нам известно, и который около 1033 года действовал в Малой Азии. Это нам кажется вероятным а priori, но это же следует из современной поэзии скальдов, /426/ хотя сага косвенно утверждает совершенно противное. [260]

Heimskringla и все другие подробные редакции приводят восемь стихов скальда Тиодольфа:

«Юноша, ненавистник змеиной руды (золота, то есть, щедрый, расточительный), наподобие красного пламени, подвергал себя опасностям; могут быть названы восемь десятков городов, взятых в земле Сарацинской, прежде чем страшный Сарацинам собиратель войска, покрытый щитом, отправился совершать игру Гильды (то есть, воевать) в равнине Сицилийской».

(Segja má tekna ótta togu borga á Serklandi, ádhr herskordhudhr gekk — Sikileyju: слова поставлены по порядку естественной конструкции. Союз ádhr в одном латинском переводе передан ante quam — ibat; в другом — quo facto).

Итак, прежде чем Гаральд появился в Сицилии, он воевал с Сарацинами где-то в другом месте, и там, при его участии, взяты были 80 городов. Сага во всех своих редакциях представляет дело совершенно наоборот. [59] Из Сицилии, куда он прибыл с Гирги (то есть, с Георгием Маниаком) прямо из Константинополя и непосредственно после вступления в Вэринги, Гаральд переправился в Сарацинскую землю, под которою слагатель саги разумел Африку, и взял в ней 80 городов. Только

монах Теодорик (1176–1188 гг.) ^[60] ставит подвиги Гаральда в другом порядке, более согласно с точным смыслом стихов скальда Тиодольфа:

«Iste Haraldus in adolescentia sua multa strenue gesserat, subvertendo plurimas civitates paganorum (80 городов?) magnasque pecunias auferendo in Ruscia, in Aethiopia, quam nos materna lingua Blaland vocamus; inde Hierosolymam profectus est, ubique famosus et victoriosus. Postea peragrata Sicilia, magnaque pecunia ab id locorum extorta venit Constantinopolim ibique apud imperatorem accusatus, inflictam eidem imperatori satis probrosa ignominia, inopinabili fuga elapsus est». [261]

Здесь пропущена Серкландия — страна Сарацинская, но, во всяком случае, Сицилия выдается вовсе не первоначальным местом подвигов Гаральда, как это делается в саге.

Откуда происходит такое противоречие между источниками первоначальными и сагой, их истолковательницей?

Под Сарацинской землей сага понимает Африку, как это прямо объяснено в *Heimskringla* и *Morkinskinna*: «*Affríká, er Vaeringjar kalla Serkland*», Африка, которую Вэриуги называли Серкландией. Не знаем, какие Вэринги называли Серкландией Африку, но смело утверждаем, что скальды не только могли понимать, но и действительно разумели под этим названием нечто другое, куда можно было достигнуть, минуя Сицилию.

В географическом трактате исландского аббата Николая, относимом к половине XII века, следовательно, гораздо более близком по времени к скальдам Гаральда, при описании Азии говорится, что третья река, вытекающая из Рая, называется Тигром и течет по Серкландии: *Tigris — fellr of Serkland* (*Antiquites Russes* II, 400). В одной редакции позднейших исландских летописей говорится, что Ираклий, император византийский, принес в Миклагард крест Господа из Серкландии (*ibid.* II, 373). В словаре Клизби-Вигфуссона указано, что слово *Serkir*, или Сарацины, при переводе древних латинских писателей ставится там, где в подлиннике стоят Ассириане или Вавилоняне. В саге об Александре, перешедшей и на север, Серками (*Serkir*) называются Персы. Серкир равняется византийскому *Σαρακηνοί*, Сарацины, и обозначает, как у средневековых писателей иных литератур, Сарацин вообще, то есть, магометан или Арабов, другими словами, обитателей Халифата и областей, ему подвластных. Следовательно, под Серкляудией не было никакой необходимости понимать именно Африку, а можно было понимать Сарацинские земли в Азии или Сиро-Месопотамские земли, принадлежавшие халифу Багдадскому.

Несомненно, что Гаральд Гардрад никогда не был в той Африке, которую понимает сага, и не участвовал во взятии городов африканских,

хотя и сражался против «короля африканского». Ход сицилийской экспедиции, во главе которой [262] стоял Георгий Маниак, хорошо известен; до перенесения военных действий в Африку далеко не дошло. Но зато мы знаем из верных источников, что на острове Сицилии Византийцам действительно пришлось сражаться с африканскими войсками (см. Amari, Storia dei Musulmani di Sicilia, II, 377, 387). Не Византийцы переплывали в Африку, а Африканцы приходили в Сицилию. Скальды, воспевающие подвиги Гаральда в Сицилии, хорошо знали это и заставляют его бороться с Африкою не в Африке — Серкландии, а именно в Сицилии.

«Глупые трусы были далеко, когда метатель военной молнии покорил некогда опасную (страшную) землю. Вепрю Африки /428/ (Africa jöfri, jöfurr a wild boar, metaph. a king, warrior) было не легко удержать богатую пастбищами (hagfaldinni) дочь Анара (то есть, землю) или ее жителей, когда он (Гаральд) напал на нее».

Эти стихи скальда Тиодольфа, приводимые в доказательство, что Гаральд был в Африке — Серкландии — и даже несколько лет, вовсе не доказывают того, что ими доказывается. Богатая пастбищами дочь Анара есть просто Сицилия, а вепрь Африки есть просто Абдаллах, сын Моизза, эмира Африканского, сражавшийся с Греками при Трайне (Amari II, 397). Бёльверк также говорит о покорении одной земли Гаральдом, но сейчас же объясняет, что это есть Сицилия: «на восточном берегу ее лежали на песке тела убитых» (в морском сражении).

Новейшие комментаторы саги (Амари, Фримэн), не угадывая, в чем дело, и не желая обвинять скальдов во лжи, полагали, что и 80 городов, взятых Гаральдом в Серкландии — Африке, произошли от простого столкновения его с африканским вепрем на острове Сицилии. Но такое изъяснение, очевидно, было бы самым тяжким обвинением. Это значило бы, что скальды смешали Сицилию с Африкой. А главное, такое объяснение совершенно противоречит прямому указанию скальдов, что Серклайдия есть нечто другое, чем Сицилия, и что в Серкландии Гаральд сражался, прежде чем явился в Сицилии.

Остается принять то, что ясно сказано было Тиодольфом и [263] не понято было слагателем саги. Гаральд, действительно, сражался в Серкландии, то есть, в азийско-сарацинских странах около Евфрата, в Месопотамии и Сирии; там была первоначальная сцена его подвигов. После похода на Ляхов и занятия Червенских городов в 1031 году, на Руси настало мирное время:

В 1032 году «Ярослав поча ставити города по Ръси». В 1033 году «Мстиславич Еустафий умре».

1034. Пустой год.

1035. Пустой год.

Значит, «мирно бысть». Что было делать юному изгнанному принцу в Киеве? Он отправился, конечно, с Русскими и сопровождаемый своими норвежскими спутниками-приверженцами, туда, где воевали Русские. Мы знаем, что у греческого правителя приевфратской страны, который овладел Эдессою, были под начальством Русские люди (см. выше гл. IV). Этим правителем был именно Георгий Маниак, имя которого так тесно связано с историей Гаральда. Мы знаем, что в 1033 /429/ году греческий этериарх Феоктист был отправлен с большим войском в Сирию. Мы знаем, что в том же году Никита Пигонит, начальствуя русским отрядом, овладел крепостью Перкри на границах Армении, вблизи Вавилона, — как говорит Кедрин. Вообще Византийцы в это время одержали несколько весьма важных успехов в борьбе с Сарацинами. Мы знаем, наконец, что в 1034 г. в Фракисийской теме стоял корпус Варангов.

Здесь и нужно искать Гаральда; в это время он участвовал во взятии 80 городов в Серкландии (скальд не говорит прямо, что города взяты Гаральдом, и конечно не все эти города были похожи на Эдессу или даже Перкри). Одним словом, он находился среди греческого иностранного корпуса, среди Русских и среди Варангов 1034 года.

Четверостишие скальда Бёльверка, приведенное в одной редакции саги (*Antiquites Russes* II, 23), заставляет думать, что первый подвиг Гаральда был совершен на море. «Бодрый правитель обагрил носы корабельные в сражении и вступил в число наемников (*ok gekk á mála* — выражение, [264] употребляемое в Эрингах); с тех пор (*sídhán, ex quo*) имел битвы в продолжение нескольких лет, и они кончались желанным образом». [61] Это очень возможно. В 1032 и 1033 годах сицилийские и африканские Сарацины делали морские набеги на острова и береговые страны собственной Греции (*Cedren. II, 499 sq.*); потом в 1034 году ими разорены были Миры Ликийские (*ibid., p. 511*) и далее в 1035 г. острова Кикладские и побережье темы Фракисийской (*ibid., 513*) и т. д. В одном из морских сражений, данных им Никифором Карантином, мог участвовать Гаральд. [62]

Затем он вступил в число наемников (Варангов) и оставался в среде их несколько лет, то есть, вероятно, до того времени, как Георгий Маниак и русский корпус отправлены были в южную Италию (1038 г.). Пребывал ли все это время Гаральд в Серкландии, на это ответ находим у монаха Теодорика. Не называя Серкландии, этот последний именует Блаландию как место подвигов Гаральда. О Блаландии говорится и в поэзии скальда

Бёльверка (*Antiquites Russes* II, 28 и в других местах). «Красноречивый /430/ воин, славный храбростью! Плывя в Блаландию, ты подвергался опасности, когда сила ветра быстро гнала широкую корму. Буря потрясала край корабля, орошенный тяжелыми волнами», и т. д. На первый взгляд Блаландия, стоящая у Теодорика на месте Серкландии, есть та же самая сарацинская Азия. Но Теодорик переводит ее по латыни Эфиопией, и притом в сагах, как утверждают знатоки, *Blámadhr* (синий человек, Негр), житель такой страны, обыкновенно отличается от Серкира-Сарацина (Словарь Клизби-Вигфуссона). Блаландию нужно искать в той Африке, которая не будет Серкландией. В 1034 году византийский береговой флот, под начальством [265] протоспафария Текнеи (Τεκνέας), отправился из Абидоса к устьям Нила; он достиг Александрии, захватил здесь множество кораблей и без вреда воротился назад (*Cedren.* II, 502). Это и есть поход Гаральда в Блаландию. Наконец, прежде сицилийского похода у Теодорика помещается путешествие Гаральда в Иерусалим; в саге оно стоит совершенно на другом месте, в конце византийской службы Гаральда, и притом вместо простого путешествия там явилось завоевание Иерусалима и Палестины. Все это сага сообразила из следующих стихов скальда Стуфа (*Heimskr.* с. 12, *Morkinskinna*, *Flateyjarbók*, *Fagrskinna*): «Воинственный король, смелый в битвах, отправился покорять Иерусалим (*fór leggja und sik Jórsali*). Верхняя страна благоприятствовала (была расположена к) виновнику битв (Гаральду) и Грекам; эта земля, не подвергшись какому-либо опустошению пожаром, по причине огромной силы поступила в справедливое владение воителя». Не совсем ясны эти слова, но, конечно, исправлять текст мы не решимся, хотя это было бы и довольно легко при помощи хорошего лексикона (вместо *leggja und sik*, положить под себя, — *leggja stund sik*, положить близко к себе, или в переносном смысле — позаботиться. [63] Во всяком случае не сказано, чтобы Гаральд успел покорить Иерусалим; это скорее может быть предполагаемо «более высокой» или «лучшей» стране, а что под нею разумеется — сказать трудно. [64] Из дальнейшей цитаты, приведенной сагою, мы убеждаемся, что скальд Стуф говорил просто о пилигримстве Гаральда. «Мудрость и гнев Агдейского повелителя (Гаральда) многих неверных (вероломных) людей укротили (*repressit*) на берегу Иордана; так говорила молва. За свои несомненные преступления они получили худой прием от правителя и подверглись неизбежной гибели». Неверные или вероломные люди, с которыми Гаральд имел дело на берегу Иордана, были или собственные его люди, или проводники, или /431/ [266] же наконец, Бедуины, обычные

враги пилигримов. [65] Так или иначе, путешествие Гаральда в Иерусалим должно находиться в связи с тем, что читается у Кедрина (II, 501) все под тем же 1034 годом. После египетского халифа Хакима (Азия, Azios), врага христиан, разрушившего храм иерусалимский, взошел на престол сын его, рожденный от пленной Гречанки; он позволил желающим снова выстроить храм, и византийские императоры Роман Аргир и Михаил IV приняли на себя эту заботу и посылали туда своих людей. Мирные сношения с Египтом после экспедиции Текнеи (она предшествовала, по-видимому, вступлению на престол нового халифа) в 1036 году увенчались даже заключением мира на 30 лет (Cedren. II, 515); а после этого совсем не могло быть речи о завоеваниях византийских в Палестине. Прибавим, что именно к 1034 году относится пилигримство в Иерусалим других западных людей — в то время более знаменитых, чем Гаральд. Роберт Диавол, герцог Нормандский, приходил сюда со своими баронами замаливать тяжелые грехи свои; он умер на возвратном пути из Иерусалима в Никее, 2-го июля 1035 года. [66]

Все эти совпадения делают несомненным пребывание Гаральда в Азии в 1033 и 1034 годах, и следовательно, мы имеем полное основание считать несомненным историческим фактом участие Гаральда вместе с Русскими в борьбе православного Востока с мусульмано-сарацинским миром на окраинах того и другого в Сирии и Малой Азии. Представляется при этом только один вопрос, который должен быть решен теперь же, прежде чем мы пойдем далее по следам наших Варягов. Нужно полагать, что Гаральд, сын Сигурда, был не единственный Нордманн (скандинавский), вступивший в византийскую службу; есть указания весьма достоверные, что ранее его прибытия в Миклагарде уже находилось известное число Норвежцев и Исландцев, и сам он, конечно, пришел не один, но, как подобало принцу изгнаннику, окруженный [267] толпою приверженцев. Итак, естественно думать, что Гаральд со своими скандинавскими товарищами не просто служили наряду с Русскими в походах к Эдессе и Баркири, а составляли особый отряд в иностранном греческом корпусе. Вот этот отряд, согласно с давно укоренившимся взглядом и с самыми сагами, и мог бы всего скорее быть принятым за настоящий и единственный варяжский отряд. Как, по-видимому, /432/ просто и мирно разрешались бы тогда все противоречия; как легко и удобно было бы сопоставить первое упоминание о Варангах византийскими историками в 1034 г. с современными подвигами Норвежского принца и его спутников в Серкландии!

Но мы не должны увлекаться соблазном легких соглашений и обязаны

строго держаться своего принципа. Мы приобрели важный для истории факт присутствия Гаральда в Малой Азии только тогда, когда решились, следуя законам исторической критики, держаться первоначальных и современных источников (песен скальдов) и отвергать позднейшие произвольные объяснения, когда сии последние прямо противоречат точному смыслу первых. Не будем же сбиваться со своего пути и соблазняться тем, что сага постоянно твердит о Вэрингах и видит этих своих Вэрингов в одних скандинавских Нордманнах. Для нас авторитет — не сага, но ее источники, современные событиям песни скальдов. А никто не укажет нам, чтобы в драгоценных обрывках северной поэзии XI века именно Скандинавы назывались Вэрингами, чтобы Нордманны в своей особенности и отдельности отличались этим наименованием от других народностей, вместе с ними входивших в состав иностранной наемной греческой дружины. Слово «Вэринги» в этом смысле не найдется ни в одном из многочисленных двустиший, четверостиший и восьмистиший, приведенных в сагах Олафа, короля Магнуса и Гаральда. Совершенно напротив. Есть только один поэтический отрывок, упоминающий о Вэрингах уже в XI веке: и этот единственный, но тем более драгоценный отрывок заставляет принца Гаральда избивать Вэрингов, то есть, представляет Вэрингов людьми чужими для Гаральда, не Нордманнами. Это важное свидетельство в пользу нашего взгляда мы приведем [268] ниже. Теперь же мы постараемся разъяснить поставленный выше вопрос другим путем.

Скальд Тиодольф называл Гаральда «опустошителем» или «разорителем Булгарии» (*Bolgara brennir*). Восьмистишие, в котором мы встречаем это указание, находится в самом начале Гаральдовой саги в *Heimskringla*, а равно и в других редакциях. Важно при сем то, что «опустошитель Булгарии» есть в глазах скальда такой признак, по которому всякий должен узнать Гаральда: он именуется своего героя таким /433/ образом пролептически (*per anticipationem*) уже при описании первой битвы, в которой он участвовал (Стиклестадская битва 1030 года). Адам Бременский (*Lib. III, cap. 12 и 16*) говорит, как известно, о службе Гаральда в Константинополе, где он, сделавшись воином императора, участвовал во многих сражениях против Сарацин на море и против Скифов на суше. Под Скифами здесь также следует разуметь Булгар, потому что с кем же иначе, помимо Сарацин, могли Греки вести борьбу на суше? Печенеги, правда, уже были грозою задунайских стран, но около этого времени нам известен только один набег их на империю в 1034 году, причем, однако, не дошло до сражения (*Sedren. II, 512*). Зато сами Византийцы, говоря о восстании

Булгарском 1040 года, называют Булгар Скифами (Pselli hist., p. 71). В двух наиболее подробных редакциях Гаральдовой саги (Morkinskinna и Flateyjarbók, см. Scripta Historica Islandor. VI, 135 и сл. и Antiquites Russes II, 31 и далее) находится рассказ о нашествии каких-то язычников в пределы Византийской империи. Одна из этих двух редакций прямо говорит, что это было при «короле Михаиле». Вэринги составляли лучшую часть войска, выведенного византийским императором против варваров. Они же, по его приказанию, должны были первыми выйти против страшных врагов, у которых было «много железных колесниц, снабженных колесами» и очень гибельных в сражении для противников. Гаральд пригласил своих спутников дать обет святому Олафу, его брату, что они построят храм в честь его, если только он дарует победу над врагами, столь многочисленными и грозными. Все на это [269] согласились. Во главе языческого войска стояло несколько царей (marga konunga), из числа которых один был слеп (blindr), но, тем не менее, превосходил других своим умом и потому стоял во главе всех и всего войска. Когда Вэринги начали сражение, и язычники пустили свои колесницы, то эти колесницы не трогались с места, а слепой царь вдруг прозрел и увидел впереди неприятельского строя человека, сидящего на белом коне, который распространял кругом себя страх и ужас. Когда услышали об этом от слепого другие цари, то все обратились в бегство.

Рассказ этот удивительным образом напоминает историю осады города Солуни во время Болгарского восстания 1040 года, как она читается у Кедрина (II, 532). Несколько царей языческого войска суть: Делеан, Алусиан, Тихомир и Ивака, стоявшие одновременно и порознь во главе восстания. Делеан, впоследствии, именно вскоре после осады Солунской, /434/ ослепленный (Psell. p. 73; Cedren. II, 533), отправил к Солуни Алусиана, дав ему 40 тысяч войска. Булгары при осаде употребляли стенобитные машины разного рода (Cedren. II, 532, 4: ἐλέπολεσι καὶ μηχαναῖς); несколько после у них упоминается деревянная засека (ibid. p. 533, 12: δέμαξύλινον, septum ligneum). После шестидневной осады устрешенные жители Солуни обратились с молитвой к мощам св. Димитрия и потом, внезапно растворив городские ворота, неожиданным нападением обратили в бегство врагов. Но победой они одолжены были св. мученику Димитрию, который сражался впереди греческого строя. Пленные Булгары клятвенно утверждали, что они видели впереди греческого строя юношу, сидящего на коне и пускающего огонь на противников. В других подобных случаях св. Димитрий является на белом коне и в белой одежде. [67]

Очень легко понять, каким образом св. Димитрий преобразился в св. Олафа, а Булгары, под пером позднейшего [270] саго-писателя, — в язычников. Еще легче объяснить, как известие о чуде Солунском перешло в скандинавскую сагу. Нам стоит только предположить, что Гаральд со своими Нордманнами действительно находился в 1040 году в Солуни; а это не представляет ничего невозможного, ибо он оставался в Византии до 1043 года. Из Атталиоты, сверх того, мы знаем, что незадолго пред тем в городе был император Михаил со своими телохранителями (Attaliot. p. 9, 20: τοὺς ἐν τῇ αὐτῇ σωματοφύλακας ἔχοντα). Но этого мало. Несомненно, что при отражении болгарского нападения на Солунь участвовали не царские телохранители (не Варяги в смысле лейб-гвардии?), а именно какой-то особый род войска, один только раз и упомянутый на страницах византийской истории, никогда не появлявшийся ни до Гаральда, ни после него. Будем читать Кедрина (532, 7) внимательнее, чем это до сих пор делалось: οἱ ἐπιχώριοι — ἀναπετάσαντες τὰς πύλας ἐξέρχονται κατὰ τῶν Βουλγάρων, συνῆν δὲ τοῖς Θεσσαλονικεῦσι τὸ τάγμα τῶν μεγαθύμων, ἐξελθόντες δέ — τρέπουν τοὺς Βουλγάρους. Итак: «вместе с Солунянами находился отряд великосердых».

Вот этот отряд великосердых и есть скандинаво-нордманский /435/ отряд Гаральда. Вот именно это чудесное отражение врагов Византии от стен Солуни и дало Гаральду титул «опустошителя Булгарии» у его современников.

Всмотримся еще пристальнее в эти два слова: «τάγμα τῶν μεγαθύμων».

Τάγμα на византийском военном языке означает собственно батальон или роту, а точнее — военный строй в 300 или 400 человек. Так было во время императора Маврикия, и благодаря византийскому консерватизму в понятиях и всяких порядках, не могло много измениться после него: Χρῆ τάγματα διάφορα γίνεσθαι ἀπὸ τριακοσίων ἢ τετρακοσίων τὸ πλεῖστον ἀνδρῶν (Mauricii, Strategicum ed. Schefferus, Upsalise 1664, p. 30). Впрочем, для некоторых родов войска, как например, для оптиматов, допускалось несколько большее число, как это видно из того же Маврикия (p. 31). На этом основании мы должны думать, что отряд Гаральда, отряд собственно скандинавский, состоял из 400 человек или немного более. Это [271] соображение разительным образом подтверждается единственным прямым указанием скандинавской саги относительно количества Вэрингов, состоявших на византийской службе. В том же самом сказании о чуде св. Олафа, только в других редакциях, приурочивающих его к позднему времени, именно к царствованию Алексея Комнина, и уже прямо, вместо язычников, именующих Печенежскую орду, число Вэрингов определяется в

полпяты сотни = 450 человек. [68]

Что касается выражения *μεγάρθυμοι*, то, во-первых, оно напоминает другие византийские названия подобного же рода для разных особого рода военных отрядов; для примера могут служить очень часто упоминаемые «бессмертные», *αθάνατοι*. А во-вторых, *μεγάρθυμος* не может быть переводимо словом «великодушный», как это сделано в латинском переводе Кедрина, ибо оно вовсе не равносильно с *μεγάλωψυχος* /436/ (*magnanimus*), а означает человека или народ «с великим сердцем» и выражает полноту и энергию духа, а также силу и страстность темперамента. В таком смысле оно употребляется у Гомера не только о людях, но и о животных (о быке), и такой же смысл сохраняет у позднейших писателей. В этом своем настоящем значении слово *μεγάρθυμος* очень удобно могло служить для перевода скандинавского *hardhradhr* (или же наоборот?), особенно если мы допустим необходимость некоторого эвфемизма при наименовании иностранного принца и его товарищей. В словаре Клизби-Вигфуссона «*hardhradhr*» объяснено: *hard in counsel, tyrannical*, в латинских переводах саг обыкновенно передается словом *severus*, строгий. Другие скандинависты (Рафн) переводят то же самое выражение словами «смелый» или «храбрый», что уже вполне совпадает с [272] значением греческого *μεγάρθυμος*. (См. статью Г. С. Дестуниса, о которой речь будет ниже).

Во всяком случае, если есть какой несомненный факт в истории византийской службы норвежского героя, то такой факт есть его борьба с Булгарами и его присутствие в Солуни в сентябре 1040 года. Допустив это, мы, по необходимости, должны узнать его и его спутников в «отряде великосердых», который только раз, именно в истории Солунской осады Булгарами, и упоминается у Византийцев. А из этого следует, что отряд Гаральда, сына Сигурдова, состоявший из его соотечественников-Скандинавов, в своей отдельности и особенности от целого союзного (русского) корпуса не назывался у Византийцев Варангами, и что Варанги означало нечто другое, а что именно — это мы уже высказали пока в виде положения, которое будем доказывать. Те ученые, которые видят в Варангах только императорских телохранителей, тем беспрепятственнее могут принять отмеченный разрядкой вывод, что, по прямому свидетельству Атталиоты, царские телохранители во время осады Солуни были в другом месте.

Мы должны сказать еще два слова об участии норманнской дружины Гаральда в борьбе против Булгарского восстания. К этому вызывает нас любопытный памятник, известный под именем рунической надписи на

Пирейском (Венецианском) льве. Надпись или, лучше сказать, надписи эти прочитаны датским ученым Рафном и гласят следующее: «Гакон, вместе с Ульфом, Асмундом и Ерном завоевали эту гавань. Сии люди и Гаральд Высокий наложили (на жителей той страны) значительные /437/ подати за возмущение народа греческого. Дальк остался в плену (был задержан) в отдаленных странах. Егиль отправился в поход с Рагнаром в Руманию и Армению».

Другая надпись, на другом боку льва, начертанная так же, как и первая, рунами, прочитана следующим образом: «Асмунд начертил эти руны вместе с Асгейром, Торлейфом, Тордом и Иваром, по повелению Гаральда Высокого, невзирая на запрещение Греков». ^[69] [273]

В Гаральде Высоком Рафн узнает нашего героя Солунской истории, предполагая, что только позднее такое прозвание заменено было в сагах другим, означающим строгий, смелый или храбрый. Мы очень готовы признать такую догадку основательной — с тем только видоизменением, что первоначально, в Византии, «смелыми, храбрыми», *hardhradhr*, назывался скандинавский отряд, состоявший под начальством Гаральда, а после слагатели саг перенесли это название исключительно на одного предводителя «храбрых». ^[70] Точно так же в Ульфе Рафн узнает хорошо известного по саге спутника и верного друга Гаральдова Ульфа Успаксона. Рагнар и Торд также могут найти своих двойников в сагах (в самой Гаральдовой и в Еймундовой сагах). Но и те спутники, которые по сагам не известны, конечно, от этого не становятся более проблематическими, чем Торбиорн и Торстейн Греттировой саги.

Чтобы объяснить, как Нордманны очутились в Пирее, Рафн обратил внимание на историю Болгарского восстания 1040 года. Оно, как известно, распространилось на тему Никопольскую, которая тогда обнимала Акарнанию, части Эпира и Фессалии, и, по-видимому, на самую Элладу. По крайней мере, мы читаем у Кедрина (II, 529): «Делеан — послав значительный отряд (войска) под начальством «так называемого кавкана», ^[71] взял Диррахий (Драчь в Эпире). Он послал также и другое войско в Элладу, под начальством Анфима. Навстречу этому последнему вышел Алакассей и, вступив в сражение при Фивах, обращен был в бегство, причем убито было большое количество Фиванцев». На этом /438/ Кедрин останавливается и говорит далее о добровольном переходе на сторону Булгар жителей темы Никопольской. Но что же последовало за победой Булгар под Фивами? Кедрин об [274] этом молчит, равно как молчит и о том, когда воротился Анфим из Эллады, и вообще воротился ли он оттуда

добровольно. Но само собою разумеется, что византийское правительство должно было принять какие-нибудь меры против успехов мятежа, и Нордманны легко могли очутиться в Элладе. Аргумент a silentio не может быть признан вполне несомненным, когда имеешь дело с компиляторами в роде Кедрина. Мы не считаем возможным отвергать целый ряд замечательных совпадений только на том основании, что у плохого византийского компилятора не упомянуто о каком-либо восстании или волнении в Афинах, городе, в то время весьма незначительном и вообще редко упоминаемом на страницах византийской истории. Фема Никопольская несомненно заключала в себе часть Фессалии и чисто греческое население, а она добровольно пошла (προσέρρουη) под власть Делеана. В Элладе и Морее, что бы ни говорили, без сомнения, были еще в XI веке следы славянского населения, не совсем уничтоженные победою при Патрах, о которой говорится в известной грамоте патриарха Николая (около 1081 г.) и, которая относится к половине IX века, и не наобум шло сюда болгарское войско. Сверх того: кто допускает, что надпись на Пирейском льве действительно написана рунами, и кто принимает, хотя приблизительную верность чтения Рафна, но отвергает его объяснение, тот должен был бы принять на себя обязанность дать другое объяснение и указать, в какое иное время скандинавская надпись могла быть сделана на Пирейском льве. Период времени, в котором пришлось бы осмотреться, не был бы очень длинен, особенно — если допустить верность чтения, хотя в названиях Гаральда и Армении, в чем, по-видимому, нет причины сомневаться. К XII веку, ко времени Гаральда Йорсалафара (Иерусалимского паломника), надпись не может относиться потому, что Армения тогда не принадлежала Грекам и была далеко от пограничных мест, где стояли византийские войска. А к X веку тем менее согласятся относить надпись те, которые не желают отнести ее к лету 1040 года. [\[72\]](#)
[275]

Одним словом Пирейская надпись подтверждает участие /439/ скандинавского отряда в борьбе с Булгарским восстанием и присутствие Гаральда в Солуни, а в свою очередь подтверждается в своем значении, указанном Рафном, этими несомненными фактами. Нападение Булгар на Солунь последовало после похода Анфима в Элладу, и Гаральд, давший приказание сделать надпись в Пирее, то есть, укротивший восстание в Афинах, мог без труда очутиться в Солуни в сентябре 1040 года — морем или сушею. Но и Пирейская надпись ничего не говорит о варяжестве Гаральда и его Нордманнов, хотя, конечно, этого нельзя было от нее требовать, даже в случае, если б они были Варягами.

С чудом св. Олафа, явившегося на помощь к своему брату, сага соединяет известие о построении в Константинополе храма в честь норвежского короля. Вэринги тотчас после возвращения в Миклагард выстроили, согласно с данным обетом, большую церковь, но император препятствовал ее освящению, и Гаральду стоило некоторого труда победить его упорство и т. д. Само собою разумеется, что ни в византийских, ни в каких других источниках мы не найдем и следов, чтобы в Цареграде когда-либо существовал храм в честь норвежского Олафа, как утверждает сага. Другие [276] скандинавские источники, сага об Олафе в самой краткой редакции и гомилия на день святого короля и мученика, принадлежащие та и другая второй половине XII века (Mauger, Ueber /440/ die Ausdrücke, примеч. 18, стр. 351 сл.), не говорят, чтобы храм, построенный в честь Олафа, был назван его именем. Они представляют и самое событие несколько в ином виде. Сам император византийский, угрожаемый врагами язычниками, обратился молитвенно к заступлению св. Олафа и дал обет построить в Константинополе храм «под именем святого и в честь святой девы». Но при исполнении обета оказалось, что греческий император не считал для себя и своей церкви обязательным то определение норвежского народного собрания, которым еще в 1031 г. убитый в сражении король Олаф был признан и объявлен святым. Храм был выстроен в честь и во имя святой девы: *lèt gera kirkjuna — oc lèt vígia hinní haelgu Maríu* (Antiquités Russes I, 476); Вэринги только помогали его постройке и украшению. В таком виде дело гораздо правдоподобнее, если не относительно повода, то, по крайней мере, относительно следствия, то есть, построения варяжской церкви св. Марии. Мы узнаем здесь ту «варяжскую богородицу» — *Παναγία Βαραγγιώτισσα*, существование которой в Константинополе сделалось известным только в самое последнее время по надписям, открываемым местными учеными. Очень жаль, что труды Паспати, которому так много обязана эпиграфика и древняя топография Константинополя, остаются так мало доступными для русских ученых по отсутствию у нас почти всяких сношений с Константинополем. [73] Но вот [277] что пишет французский генеральный консул в /441/ Константинополе, Белэн, в сочинении, озаглавленном «История латинской церкви в Константинополе»: «Les Varanges, dit M. Paspatis, avaient une église particulière Panaia Varanghiotica «N. D. des Varanges» sise à la facade ouest de Sainte-Sophie, et presque contigue à cette basilique» (Beélin, Histoire de l'église latine à Constantinople, Paris 1872, p. 166). «Варяги имели особую церковь, которая называлась Варяжской Богородицей и была расположена при западном фасаде св. Софии, почти соприкасаясь с этой базиликой». Как

самое название, так и местоположение храма заставляют думать, что это была церковь не латинская, а греческая, православная, и Варяги, которые в ней молились, которые делали в ней свои приношения, были не латинами, а просто православными людьми, то есть, по нашему мнению, — Русскими. Темные слухи о ее существовании и значении могли быть принесены на север либо спутниками Гаральда, служившими в русском иностранном корпусе, либо какими-либо другими Нордманнами, ходившими чрез Киев в Византию. В каком отношении церковный пересказ о чуде Олафа, не упоминающий о Гаральде, находится к выше нами приведенному — решить весьма трудно; но для нас нет необходимости заниматься этим вопросом. Наше убеждение об участии Гаральда в болгарской войне Михаила IV основано на его прозвании «булгароразорителем» в песнях скальдов; на «отряде великосердых», находившихся в Солуни, на Пирейской надписи, — так что оно не будет поколеблено и в том случае, если бы рассказ нашей саги о чуде оказался только переделкой церковной легенды.

Дальнейший пункт в истории Гаральда, который мы считаем нужным разъяснить в настоящей главе, касается такого [278] замечательного и громкого события, как ослепление византийского императора, и служит самым наглядным доказательством верности нашего критического отношения к сагам вообще и, в особенности, к саге Снорре Стурлесона о Гаральде. Во всех редакциях саги событие рассказывается почти одинаково. Гаральд, возвратившись из Иерусалима в Миклагард, свел знакомство с племянницею (по брату, а в других редакциях — по сестре или даже с дочерью сына) императрицы Зои, по имени Марией; забыв о дочери Ярослава Киевского Елизавете, в честь которой он слагал свои стихи, Гаральд просил руки принцессы, но получил отказ от царицы, потому что Зоя сама хотела иметь своим мужем юного и храброго норвежского героя: так, по крайней мере, рассказывали /442/ «Вэринги, бывавшие здесь в северных странах и служившие в Миклагарде» (сага). Ревнивая Зоя обвинила Гаральда в разных преступлениях, и греческий царь Константин Мономах, разделявший тогда престол с своей супругой Зоей, заключил Гаральда в тюрьму, а вместе с ним и двух его спутников Гальдора и Ульфа. Сверхъестественным заступничеством св. Олаф спас своего брата. Одна византийская дама, которой Олаф явился во сне, вывела Гаральда из темницы: побуждения ее, конечно, были чище, чем побуждения Спас, освободившей Греттира, но некоторое сходство в обоих рассказах все-таки существует. Получив свободу, Гаральд тотчас бросился к Вэрингам, которые при его входе встали и встретили его приветствиями, потом, по

приглашению вождя, схватили оружие и устремились туда, где почивал император Константин, схватили его и вырвали ему оба глаза. Слагатель саги приводит двух скальдов в свидетели своего рассказа и все-таки сам удивляется своему повествованию: «В двух похвалах Гаральду и во многих других стихах, к нему относящихся, упоминается о том, что сам Гаральд ослепил царя греческого, и нет основания отрицать, что ослеплен был именно император, потому что поэты могли бы совершенно спокойно сказать, что это случилось с графом или герцогом, если б они знали это за более истинное; сам Гаральд и те, которые с ним были, так передали событие» [279] (Morkinskinna, Flateyjarbók и один список Heimskringla: см. Antiquites Russes I, 374; II, 55. Scripta Island. VI, 156).

Посмотрим, в чем дело. Что Гаральд, так или иначе, участвовал в ослеплении византийского императора, в том не может быть никакого сомнения. Два современных скальда об этом свидетельствуют. Один из них Торарин, сын Скегги (Thórarinn Skeggiason, упоминаемый у Аре Фроди), есть автор стихов, в которых говорится, что «превосходный воитель (Гаральд) наполнил свои руки докрасна раскаленным уголем (то есть, золотом) земли Греческой, а престолодержатель (= император), пораженный сильной раной, превращен был в совершенного слепца». Еще яснее поэзия Тиодольфа: «Укротитель волчьего голода приказал вырвать тот и другой глаз престолодержателя; тогда поднялось сильное смятение (бунт, возмущение). Князь агденский (Гаральд) наложил позорный знак сильному царю на Востоке, и царь греческий подвергся большому бедствию». Итак, греческий император действительно был ослеплен, но только этим императором никак не мог быть Константин Мономах. Очень хорошо известно всем и каждому, знакомому с /443/ историей, что Константин Мономах сохранил зрение до конца своей жизни и умер спокойно на престоле. Опять является пред нами одна и та же дилемма: или мы должны отбросить прозаический пересказ саги, или признать современных событиям исландских скальдов повинными в самой наглой лжи. Но последнее невозможно, а первое совершенно оправдывается уже самым поздним происхождением саги.

Скальды не говорят, какой именно император был ослеплен. Но таким императором мог быть только Михаил V Калафат, действительно низверженный с престола народным возмущением и потом лишенный зрения самым бесчеловечным образом. Низвержение случилось 20-го апреля 1042 года, а ослепление — 21-го апреля. Само собою разумеется, что вместе с перенесением основного факта от Константина Мономаха на Михаила V, падают и все побочные подробности, передаваемые сагой,

разрушается вся экономия ее постройки, окончательно подрывается вся хронология, порядок и связь ее [280] эпизодов. Все это, впрочем, и само по себе крайне шатко. Не говоря о чудесах, совершаемых Олафом, мы были бы поставлены в большое затруднение племянницей Зои Марией, если бы считали сколько-нибудь обязательным для себя верить прозаической поэзии саг. Отец Зои Константин VIII не имел детей мужского пола, а две сестры Зои были тоже бездетны, как и она сама; старшая даже постриглась еще при отце в монахини. [74] Мария, конечно, упоминается в современной Гаральду византийской истории, но это была мать императора Михаила V, изверженного и ослепленного. Если ее похитил норвежский герой во время Константина IX (сага рассказывает о похищении вслед за ослеплением Мономаха), то нужно подивиться его выбору, потому что это была уже слишком пожилая женщина.

Гораздо поучительнее и любопытнее будет сличение данных, сообщаемых современной поэзией севера, с достоверными фактами византийской истории. Быть может, мы найдем при этом объяснение той роли, какую Гаральд играл в Константинопольском мятеже. Восстание было вызвано привязанностью народа к фамилии Василия II и негодованием против Калафата, который отплатил черной неблагодарностью племяннице /444/ Василия Зое, усыновившей его и возведшей его на престол. Пселл, современник и очевидец, один из секретарей Михаила, стоявший, во время смятения, пред дворцом в толпе народной (histor. p. 92), сообщает драгоценные подробности о том, что происходило на глазах у него. Он говорит, что не только туземное Цареградское население, мелкие купцы и лавочники, поднялись против Калафата, но и чужестранные наемники. Вот в высшей степени важные для нас слова историка: «Даже наемники и союзники, которых привыкли держать при себе (кормить) императоры, — я разумею Тавроскифов, — или другие какие (люди) не могли удержаться гнева, но все готовы были положить душу за царицу». Pselli hist. p. 91: Ἄλλ' οὐδ' ὄσον ξενικόν τε καὶ συμμαχικὸν εἰώασιν παρατρέφειν οἱ βασιλεῖς, λέγω δὲ τοὺς περὶ τὸν Ταῦρον Σκύθας, ἢ ἕτεροὶ τίνες, κατέχειν [281] ἠδύναντο τὰς ὀργάς и т. д. Мы видим:

а) что и наемники, и союзники у Пселла здесь одни и те же Русские, точно так, как в рассказе о русском корпусе, присланном из Киева в 988 году, [75] и

б) далее узнаем, что Русские принимают важное участие в апрельской престолонаследной революции 1042 года.

Перед дворцом императорским Пселл (p. 92) своими глазами видел

людей, держащих топоры в руках и потрясающих тяжеложелезными секирами: ὁ μὲν πέλεκυν διηγκαλισμένος, ὁ δὲ ῥομφαίαν τινὰ κραδαίνων τῆ χειρὶ βαρυσίδηρον. В этих людях многие узнают Варангов, но тогда эти Варанги будут русские Варанги... В самом начале восстания, толпа разломала двери государственной темницы и, убив стражей, освободила узников (Attaliot. p. 15). Усиленная ими, она осадила дворец, и когда опасность сделалась грозно-очевидною, «император боялся выйти вперед, но опасался также и оставаться на одном месте; у него не было союзной силы во дворце, да и призвать ее не было возможно; ибо самые наемники, содержимые (кормимые) во дворцах, — одни были как-то двусмысленны в своем настроении и не совсем слушались приказаний, а другие явным образом стояли на противной стороне и, выломившись (из-под послушания), пристали к толпе». Psell. p. 93 sq.: Συμμαχία τε αὐτῷ οὔτε ἐν τοῖς βασιλείοις ἦν, οὔτε ἐξῆν μεταπέμψασθαι καὶ αὐτό γὰρ τὸ παρατρεφόμενον ἐν ταῖς αὐλαῖς ξενικόν, οἱ μὲν ἀμφίβολοι πῶς ἦσαν ταῖς γνώμας — οἱ δὲ — ἀπερρωγότες τοῖς πλήθεσι συνερρώγεσαν. — Если за две страницы под наемным войском, содержимым императорами, Пселл разумел Тавроскифов, то и здесь, несомненно, речь идет о них же. Русские составляли при Михаиле V иноземный отряд, охранявший дворец и его священную особу. Часть их отложилась от него, так что император должен был вооружить придворную прислугу (Psell. p. 94) на помощь немногим, оставшимся верными. По словам Кедрина (II, 538 = Скилица) дворец был [282] взят все-таки после упорного сопротивления. «Окружающие императора, разделившись на три части, сильно защищались, и было большое убийство. Говорят, что погибло до 3000 человек» (из толпы большей частью безоружной). Император Михаил успел бежать из дворца на морском судне, но та же самая толпа, в которой были опять люди военной службы (Psell. p. 100), явилась пред Студийским монастырем, где искал убежища уже постригшийся император. Утром 21-го он был ослеплен; варварская казнь была совершена какими-то людьми, которых Пселл называет ταραοὺς καὶ θρασεῖς (p. 101), жестокими и смелыми.

Касательно участия Русских в цареградских событиях 1042 года мы можем сообщить еще одно весьма ценное известие, которым мы обязаны ученой любезности товарища, профессора арабского языка в здешнем университете, барона В. Р. Розена. Свидетельство принадлежит Ибн-эль-Атиру, автору Всеобщей истории, писанной хотя и поздно (в XIII веке), но сообщающей чрезвычайно замечательные и точные известия о некоторых византийских событиях X и XI веков; еще не объяснено, из каких источников заимствованы сведения Ибн-Атира. Вот что он сообщает о

перевороте 1042 года: «Михаил V требовал настоятельно от Зои, чтоб она шла в монастырь... Сослав ее, он хотел схватить патриарха, дабы быть спокойным от его приговоров; так как (иначе) царь не мог остановить (в этом) патриарха. Царь потребовал от патриарха, чтоб он устроил для него пир в одном монастыре вне Константинополя и хотел присутствовать у него (на пиру). Патриарх согласился на это и вышел в указанный монастырь, чтобы сделать то, что сказал император. Затем император отправил в монастырь сборище из Русов и Булгар и приказал им убить тайно патриарха. Они отправились /445/ ночью в монастырь и здесь осаждали его. Тогда он (патриарх) раздавал им большие деньги и вышел тайком. Затем, отправившись в город, патриарх велел звонить в колокола и поднял народ». Дальнейший рассказ вполне согласен с византийскими источниками, да и самое участие патриарха в восстании, низвергнувшем Михаила V, есть несомненный [283] исторический факт. Кедрин (II, 537) сообщает, что Калафат смотрел на патриарха Алексея как на приверженца дочерей Константина VIII и сделал попытку «извергнуть его из церкви», и что при разгаре смятения народ устремился в Софийскую церковь, «где нашел себе убежище патриарх, который поносил императора и был за возвращение императрицы». Из «великой церкви», действительно, вышла толпа, которая, не удовольствовавшись возвращением Зои, отыскала сестру ее Феодору и провозгласила ее также императрицею (Cedren. *ibid.*; ср. Psell. p. 96). Нужно заметить сверх того, что роль, приписываемая в рассказе Ибн-эль-Атира Русским, вполне согласна с поведением Тавроскифов у Пселла: те и другие не тверды в своей верности императору или даже прямо ему изменяют.

Как же согласить все эти данные с сагой о Гаральде, а если не с нею, то с отрывками современных событию песен, сложенных скальдами? Кто захочет ловить мелькающие признаки исторической правды в подробностях саги, не опасаясь увлечься призраками, тот может, конечно, думать, что Гаральд находился в числе тех освобожденных мятежниками узников, о которых говорится у Агталиоты. Можно будет тогда удержать и другую черту известия, сообщаемого Вильгельмом Мальмесберийским, именно — что Гаральд попал в тюрьму за бесчестие, нанесенное знатной византийской даме. Чудесное явление Олафа, равно как и лев, задушенный Гаральдом, конечно, будут оставлены в области мифа и легенды. Для нас важно другое. В защитниках византийского дворца, содержимых императорами, мы узнали Варангов, а по ясным и прямым указаниям Пселла эти Варанги суть Тавроскифы, то есть, Русские. Гаральд является тогда их явным противником; мы должны предполагать его среди

возмутившейся толпы, штурмовавшей дворец; мы должны предполагать, что именно тогда он учинил то, что сага (вероятно, вслед за скальдами) называет *polotaswarf* — грабежем (царских) палат, и наполнил руки византийским золотом. Таким образом, имея в руках сагу, мы пришли к решительному отрицанию того, на чем она всего более настаивает, или, по [284] крайней мере, о чем твердит на каждой странице, именно — что /447/ Гаральд был главою Вэрингов; он не глава Вэрингов, а их враг. Не слишком ли смелы приемы, приводящие к таким результатам? Они были бы слишком смелы, если бы в самой саге, то есть, в приводимых ею песнях скальдов, мы не находили себе опоры. Мы не противоречим своему главному источнику, а сага противоречит тому, что она признала своим первым авторитетом. Вот поверка нашего вывода:

В небольшом пергаменном отрывке, содержащем в себе истории Норвежских королей (*Noregs konúngatal*), и в тождественной по содержанию, но более обширной пергаменной рукописи, названной по красоте своего переплета Фагрскинной (*Fagr-skinna*, прекрасная кожа) и содержащей биографии Норвежских королей (*Aettartal* — фамильные сказания), то есть, те же самые саги Снорре Стурлесона и между ними сагу о Гаральде только в отличной и, как думают, наиболее древней редакции, при рассказе о нападении на дворец и об ослеплении императора приведены стихи скальда Вальгарда, опущенные как в *Heimskringla*, так и в других редакциях. В изложении прозаическом нет почти никакого отличия, как во всей предыдущей части, так и в той, которая нас теперь занимает. Гаральд освобожден из тюрьмы женщиною, которой явился во сне брат его св. Олаф; освобожденный узник тотчас отправился на варяжское подворье (*Vaeringjaskipt*), то есть, в дома Вэрингов; когда он туда пришел, то приказал всем встать и идти в палаты царя, где он почивал; здесь они убили нескольких Вэрингов, которые держали стражу над царем, захватили самого царя живого и выкололи ему оба глаза. За тем следуют стихи Торарина Скеггасона и Тиодольфа, уже известные нам, а далее отрывок сейчас упомянутого скальда Вальгарда, оправдывающий ту особенную черту в рассказе, которой не находится в иных редакциях, и которая отмечена курсивом.

«Вальгард из Велли упоминает сверх того о стражах (об убийстве стражей в *Noregs konúngatal*)»:

Тотчас ты, потомок шлемоносцев (то есть, государей, князей),

Приказал повесить тех, что держали стражу (*skipt*). [285]

Ты так повернул дело,

Что менее стало Вэрингов (то есть, что многие были убиты).

Valgardhr af Velli hefir ok kvedhit um vardhmennina (segir /448/ frá drápi vardhmanna: Nor. konungatal):

Helmingi bauttu hánga
hilmis kundr af stundu,
skipt hafi thér svá at eptir
eru Vaeringjar faeri.

Латинский перевод:

Mox tu, create regibus,
Pendere custodes iussisti,
Rem ita administravisti,
Ut pauciores Vaeringi supersint.
(Antiquites Russes II, 107).

Не останавливаемся на том, что Гаральд приходит сначала на варяжское подворье (Vaeringjaskipt) — по объяснению саги, «так назывались у Вэрингов дворы, в которых они жили» (sva kalla their tha gardha er Vaeringjar eruí), — а потом, если сопоставить сагу с четверостишием Вальгарда, находит то же самое подворье в императорском дворце. Слово «Vaeringjaskipt» (варяжское подворье), известное только из этого места Фагрскинны, взято составителем саги из приведенных им стихов скальда Вальгарда. Но «skipt», переведенное нами словом «подворье» только на основании толкования, прибавленного в саге, объясняется в Исландско-Английском словаре Клизби и Вигфуссона византийским ἐξκούβιτον (лат. excubitum, Σκούβιτον, Σκουβίτορες, по византийскому народному произношению), и сообразно с этим будет значить или придворную стражу или место во дворце, где стояла стража, а не какие-либо особые от того «дворы» Вэрингов. ^[76] Там, где были убиты **[286]** Вэринги, и была стража варяжская, или skipt. Ясное дело, что и здесь составитель саги не справился со своим основным источником, не говоря о том, что рассказ его никак не соответствует действительной истории. Остановимся лучше на словах /449/ скальда Вальгарда, для которых мы собственно и обратились к Фагрскинне.

Гаральд Гардрад является здесь вождем в каком-то смятении или восстании; он ворвался в ту часть императорского дворца, где стояла стража его (skipt), или телохранители; он велел повесить стражей, и число этих повешенных было так значительно, что количество Вэрингов сократилось. Вот подлинный и современный рассказ скандинавского свидетеля. Спрашиваем: является ли здесь Гаральд — Вэрингом, их главою? Нет, он их убивает. Кто же после этого Вэринги? Что они не были Гаральдовы единоплеменники, это дает чувствовать самый торжествующий

тон придворного поэта, Вальгарда: без всякого сожаления и, напротив того, с ярким сочувствием воспевает он истребление Вэрингов.

Повторяем, этот отрывок скальда Вальгарда есть единственный скандинавский памятник XI века, в котором встречается имя Вэрингов. Немало драгоценных для историка перлов северной поэзии рассыпано на страницах Стурлесоновой прозы; но это, очевидно, самый драгоценный из них. Ни в одном из многочисленных отрывков, принадлежащих прочим скальдам XI столетия, мы не встречаем имени Вэрингов; мы встречаем его только один раз, и здесь оно не означает Гаральда и его спутников. Этим осуждена сага и оправдана история, оправданы современные византийские источники, Пселл и Атталиота, оправдан Иоанн Скилица. Как объяснить, что сага, составленная в XIII веке, видит свет только в своем окне, не хочет знать других [287] Вэрингов — Варягов, кроме своих любезных Исландцев и Норвежцев, — это другой вопрос, к которому мы сейчас обратимся.

Теперь мы можем сказать, что Вэрингами, защищавшими Михаила V-го, были Русские, а норвежский принц был в толпе, которая ломилась во дворец. Последуем за ним далее: двумя скальдами засвидетельствовано участие Гаральда в ослеплении императора, которым может быть только Михаил V. Следовательно, мы должны представлять себе, что Гаральд и его товарищи не удовлетворились разграблением дворца, мы должны думать, что он был в числе тех «стратиотов», о которых говорит Пселл, которые отправились ночью с 20-го на 21-е апреля в Студийский монастырь, где нашел себе убежище низверженный император. Пселл, очень подробно и наглядно описывающий сцену ослепления, при которой он имел мужество присутствовать (р. 100), не отмечает на сей раз /450/ внешних признаков, по которым можно было бы определить национальность людей, исполнивших при ослеплении малопочетную должность палачей. Это просто были «люди жестокие и смелые». Но если бы захотели точнее определить степень участия Гаральда в кровавой расправе с императором, то нам следует, прежде всего, устранить предположение, что норвежский принц был здесь распорядителем и раздавал приказания. У Пселла (р. 101) указано, что распоряжение об ослеплении вышло от лиц, приближенных к царице Феодоре. А у Кедрина — Скилицы (II, р. 540) и также в кратком каталоге византийских императоров, приписываемом Кожину (*Excerpta de antiquitatibus Constantinopolitanis*, р. 156), сохранилось и название того греческого сановника, который был главным действующим лицом при сцене ослепления; это был городской епарх Никифор Капанер или Капаней (παρά τοῦ λαοῦ καταχθείς-ἐτυφλώθη παρά Νικηφόρου ἐπάρχου τοῦ Χαπάνεως. Codin.). Но ничто не мешает нам думать, что Гаральд находился в толпе,

которая вытащила Михаила Калафата из храма и всячески издевалась над низверженным императором, а потом присутствовала при ослеплении.

Так соглашаются византийские известия, подкрепляемые арабскими и русскими, с современными песнями скальдов. [288]

Обращаемся теперь к объяснению того, каким путем сага разошлась со своим главным авторитетом. Мы думаем, что это объяснение очень легко. Припомним выражения, которыми древнейшие исландские саги обозначают службу Нордманнов в Миклагарде и в Гардарике. «Он прибыл в Гардарик, сделался там наемником и был с Вэрингами» (Heidharvigasaga). Припомним, что в Виго-Стировой саге Нордманны хотя также служили в тех или других Вэрингах, но часто отличались от них (см. выше, стр. 193). И Гаральд был Вэрингом, пока он состоял в русском военном корпусе. В 1034 году, во Фракисийской теме, он был Вэрингом. Если уж особенно нужно будет спасти честь саги, то можно думать, что и в 1042 году он продолжал быть Вэрингом, то есть, он был в числе тех «Тавроскифов-наемников», которые прямо отложились от императора и потом вместе с толпою штурмовали дворец, хотя, по нашему мнению, в таком предположении нет необходимости. Одним словом, мы хотим сказать, что не только у Вальгарда, но и у других /451/ скальдов слово Вэринги, вероятно, встречалось, но только в таком смысле, что оно не было прямо и исключительно относимо к Гаральду и его спутникам. Для составителя саги было не только легко, но даже извинительно не понять довольно темных выражений и намеков родной поэзии и несколько увлечься патриотизмом. Сага приняла малую часть за все целое, или, лучше сказать, наоборот: целое Вэринги = Варяги — в глазах ее уравнилось с малой долей варяжского отряда.

VIII. Нордманы, Русские и Варяги в Сицилии и Апулии (1038–1042)

Византийское правительство при Михаиле IV Пафлагоняnine решилось предпринять серьезную экспедицию, чтобы вырвать из рук неверных мусульман остров Сицилию. Внутренние междоусобия на острове представляли, с одной стороны, прямой вызов к вмешательству Греков, а с другой — подавали надежду легкого завоевания. Эмир сицилийский из фамилии [289] Келбитов, Ахмед-Ахал (Akhal), угрожаемый восстанием подданных, во главе которых стоял его собственный брат (Абу-Нafs), обратился к византийскому двору с просьбой о союзе. Его противники просили помощи султана Тунисского (Зейрида) Моезза-ибн-Бади (Moezz-ibn-Badi), который отправил туда значительное войско под предводительством своего сына Абдаллы. Уже в 1034 году византийские войска боролись с африканскими на острове Сицилии, но скоро воротились в Апулию. После удаления их, инсургенты и приверженцы Тунисского султана восторжествовали, Ахмед-Ахал был зарезан, и голова его представлена Абдалле-ибн-Моеззу: последний теперь владел столицей (Палермо) и всем островом. В этот момент, но уже в 1038 году, византийская армия снова переправилась чрез Мессинский пролив. [77]

Приготовления были сделаны большие. Из описания /77/ последующих военных действий в источниках византийских и норманно-итальянских оказывается, что все роды войск, находившиеся до сих пор в Азии — как старинные местные, так и наемные иностранные — были переправлены в Апулию и потом в Сицилию. Во главе экспедиции был поставлен бывший правитель приевфратских городов, знаменитый Георгий Маниак, прославивший себя взятием Эдессы и борьбою с азиатскими Сарацинами, тот самый Гиргир, неразлучным спутником которого исландская сага представляет своего героя, норвежского принца Гаральда. Маниак, получивший также звание стратига (византийской) Лангобардии (Zonar, II, p. 237 ed. Paris.), старался увеличить свою армию всеми средствами. Он вступил в дружественные сношения с князем Салернским Ваймаром, [290] у которого нашли себе приют французские Норманны, уже внедрившиеся в Италию. Они, по-видимому, были в тягость своему патрону; он убедил их принять участие в борьбе с неверными, предложив богатую награду от имени Греков. К Маниаку явились братья Готвили,

недавно переселившиеся в Италию из своего замка на полуострове Cotentin (в Нормандии). Младших и впоследствии более знаменитых Роберта и Рожера еще не было здесь, и во главе трех сотенного норманнского отряда стояли три старшие брата Готвили: Вильгельм Железная Рука, в котором совершенно напрасно узнают скандинавского Нордманна Гаральда, Дрогон и Гумфрид. Пришло также несколько Ломбардцев с берегов реки По, и во главе их Ардуин, служебный человек архиепископа Миланского, опять не имеющий ничего общего с Гаральдом Гардрадом. [78] Вообще в византийских, а равно и в южно-итальянских источниках нельзя указать лица, под которым мог бы скрываться норвежский герой. Но никак нельзя отвергать его присутствия в Италии и участия в борьбе с Сарацинами Сицилии и Африки. Сицилия /78/ не только представляется главным театром подвигов Гаральда в прозаическом рассказе саги, но и упоминается несколько раз в отрывках поэзии скальдов. Некоторые из этих отрывков уже приведены нами. На основании их мы можем прямо заключать, что Гаральд, уже в Сарацинской Азии вступивший в те или другие отношения к Маниаку, вместе с ним, в 1038 году, прибыл в Италию. Если мы проследим, хотя в кратких чертах, действия византийской армии в Сицилии, то еще более убедимся в близком соответствии тех указаний и намеков, которые заключаются в стихах скальдов, с действительной, фактической историей, как она представляется по историческим источникам. Греки беспрепятственно переправились через пролив, неподалеку от Мессины, и медленно двигались по направлению к городу. Мусульмане сделали попытку остановить их; в жаркой схватке Греки уже поколебались, но [291] норманнский отряд восстановил сражение; под предводительством Вильгельма Железной Руки он сломил врагов, которых потом Греки гнали до самого берега. Так рассказывают южно-норманнские источники, с самого начала обнаруживая свою задачу — прославление подвигов своих соотечественников. Они умалчивают зато о следующем сражении, для общего хода дел более важном и описанном Византийцами. По всему видно, что мусульмане хотели остановить Греков не при Мессине, городе, населенном христианами и потому не укрепленном, а при Раметте, κατὰ τὰ λευόμενα Ῥήματα (Cedren. II, 520). Громадное войско, в составе которого Кедрин-Скилица отмечает 50000 «Карфагенян», пришедших на помощь из Африки, преградило Византийцам путь внутрь острова. Сражение было так упорно, что близлежащая речка текла кровью (ibid.). Затем последовало завоевание тринадцати укрепленных замков, в которых Арабы упорно защищались, и осада Сиракуз, ознаменованная новым богатырским подвигом Железной Руки Вильгельма, сообщаемым, конечно,

соответствующим источником. Между тем Абдалла-ибн-Моезз, получив подкрепления из Африки, снова грозил Византийцам. С шестидесятитысячной армией, — по самым умеренным показаниям (Malaterra), а по Кедрину, по крайней мере, с вдвое большей — «Карфагенянин» расположился лагерем на равнине близ города Траины (Δραϋῖνοι ἢ πεδιάς; Cedren. II, 522), на северо-запад от горы Этны, откуда он мог тревожить Греков в Катане и под Сиракузами. Маниак, господствовавший только над восточным берегом Сицилии, имея пред собою укрепленный город, осада которого затянулась, а позади — неприятельскую армию, /79/ устремился против последней. Он остановился лагерем на восток от Траины, там, где с XII века находились аббатство и земля, сохранившие его имя (Maniace) до нашего времени (Amarì II, 387). Готовясь вступить в сражение и нанести решительный удар врагу, Маниак приказал начальнику византийского флота, то есть, патрицию Стефану, зятю императора Михаила IV, внимательно оберегать и стеречь морские берега Сицилии, чтобы разбитый неприятель не имел более никакой возможности ускользнуть и снова тревожить византийские завоевания и армию. [292] Карфагенянин, сын Тунисского султана, был разбит; 50000 Африканцев, по словам Кедрина, покрывали поле сражения (II, 522). Но вследствие небрежности патриция Стефана, Абдалла успел спастись, посадиться на суда (в Каронии или Чефалу, то есть, на северо-восточном берегу Сицилии, по мнению Амари), и потом явился в Палермо, откуда он мог возобновить борьбу. Кедрин, утверждающий, что Абдалла-ибн-Моезз уже теперь бежал в Африку, противоречит арабским историкам, и очевидно — либо ошибается, либо упускает посредствующие факты (Amarì II, 391). Следствием победы при Траине была сдача Сиракуз, где Георгий Маниак восстановил христианское богослужение, а равно и военные укрепления; замок на крайней оконечности древней Ортигии до сих пор носит его имя (Amarì II, 391). В Сиракузах отысканы были мощи св. Лучии, указанные каким то старцем, украшенным почтенной сединою (Aimé, Ystoire de li Normant, II, 9, p. 60 éd. Delarc), и в серебряной раке отправлены в Константинополь. Подобно Сиракузам, заняты были греческими гарнизонами и другие вновь завоеванные укрепленные арабские пункты. В первой половине 1040 года почти вся Сицилия была в руках Греков.

В это самое время Маниак был отозван из Сицилии, в оковах ввезен в Константинополь и брошен в темницу. Раздраженный неисправностью адмирала Стефана после сражения при Траине, Маниак, известный своим неукротимым характером, назвал царского зятя трусом и предателем, мало

того, поднял на него свой бич (Cedren. II, 523). Эта вспышка была причиной падения Маниака. При византийском дворе очень скоро сдались на мстительные и коварные внушения Стефана, что тот, кто поднял руку на царского зятя, не остановится поднять ее и против самого царя и уже готовится протянуть ее к царскому венцу. С удалением знаменитого вождя, кончились /80/ успехи Византийцев: они принуждены были оставить почти все свои завоевания; победа, одержанная при Мессине, не поправила положения дел, — она только и спасла одну Мессину (Cedren. II, 524 sq.).

Из этого краткого очерка событий двухлетнего сицилийского похода (1038–1040 гг.) видно, во-первых, что исторический [293] Маниак, оставивший после себя такую прочную память в Сицилии, вовсе не похож был на того Гиргира или Гюргия, который в прозаической саге играет такую незавидную и унижительную роль подле норвежского героя. — роль арлекина в комедии. Характеристика, сообщаемая Пселлом, который лично знал Маниака, очевидно, более сообразна с историческими фактами. Это был человек ростом выше сажени, так что окружающим приходилось смотреть на него снизу, как на какую-нибудь колонну или вершину горы. В его взгляде не было ничего изнеженного и мягкого, но нечто, подобное молнии; громовая речь, руки, способные потрясать стены и сокрушать медные ворота, стремительность и порывистость льва, внешность, внушающая почтительный страх. Все остальные черты его характера были в полной гармонии с этими признаками. Слух о его делах еще преувеличивал действительность, так, что всякий варвар боялся Георгия Маниака — или вследствие личного знакомства, или наслушавшись рассказов, которые о нем ходили (Pselli hist. p. 138). По обыкновению, только сага находится в противоречии с историей, а не поэзия скальдов. Для нас теперь совершенно ясно, кого скальды разумели под африканским вепрем или царем, с которым Гаральд сражался в Сицилии. Но и другой более значительный отрывок, в котором говорится о Сицилии, не представить нам теперь никаких трудностей.

«Шов корабля наполнялся по самые скважины (букв. уши) кровью там, где ты, князь, начинал кровопролитие (blezt blóðhi); ты привел корабли и мужественно покорил землю, — трупы убитых, выброшенные с борту, лежали, имея песок под собою, при южной Сицилийской земле, там где струился (кровавый) пот многих людей» «Antiquites Russes II, 28».

Мы видели, что флот византийский должен был помогать действиям сухопутного войска, что тотчас после высадки Византийцев и после сражения при Мессине Сарацины были оттеснены к берегу, и что после сражения при Траине греческие корабли должны были преградить морской

путь мусульманам: к тому или другому из этих моментов и должны /81/ относиться приведенные стихи скальда Бёльверка. [294]

Еще важнее для нас то обстоятельство, что, по всем признакам, подвиги Гаральда ограничились именно одной Сицилией. В предыдущей главе мы собрали доказательства об участии Гаральда в Болгарской войне 1040 года. Так как осада Солуни относится к сентябрю этого года, а Гаральд несколько ранее того предполагается присутствующим в Афинах, то удаление его из Сицилии должно падать на лето или весну 1040 года, то есть, оно будет совпадать с отозванием Георгия Маниака, или по крайней мере примыкать близко к этому роковому для византийской империи событию. Нет никаких оснований думать, чтобы Гаральд еще раз когда-либо появился в Сицилии или южной Италии. Уже указанное нами выше четверостишие скальда Иллуге Бриндальского *«Antiquites Russes II, 21»*, в котором говорится о сражениях Гаральда с Франками, при ближайшем рассмотрении оказывается столько же возможным отнести к Сицилии, сколько и другие поэтические отрывки.

«Мой господин часто приступал к союзу Франков (сражался вместе с Франками) ранним утром пред городом женщины. Мужественный потомок королей не мог быть удержан в своем стремлении». (*Minn drottinn gekk opt á fridh Frakka fyrir óttu at by snótar; duglum doglingi vara fljóttrent.* Прозаическая конструкция).

Мы не умеем точно объяснить, что значит город женщины, хотя и можем думать о Палермо, городе св. Розалии, или о Сиракузах, городе св. Лучии, и т. п. [79] По одному варианту даже выходит, что Гаральд не торопился вступать в город женщин, а это может быть понято иносказательно — об отсутствии в нем всякой трусости. Но если Гаральд сражался [295] не против Франков, а вместе с Франками (в латинском переводе: *cum Francis*), то всего скорее можно думать о Сицилийском походе, во время которого Франки, то есть, французские Норманны действительно были союзниками Греков, и совсем не были их противниками, как после. Если сага в более подробной редакции рассказывает о двух походах Георгия Маниака и Гаральда Гардрада, полагая между ними значительный промежуток времени, и целью обоих походов ставит Сицилию, то она просто напросто запуталась в своих соображениях и не поняла своих источников. Мы увидим, что Маниак действительно еще раз явится в южной Италии, но тогда дело будет идти уже не о Сицилии; а то, что Гаральд его сопровождал снова (после низвержения Михаила V /82/ Калафата), — это, повторяем, весьма сомнительно.

Во всяком случае, с сентября 1040 года до мая 1042 года (до низвержения и ослепления Калафата: см. выше в предыдущей главе) Гаральда и его отряда «великосердых» не было в византийской Лангобардии, куда, после удаления Маниака, перенесены были военные действия. Следовательно, если мы встретим здесь в этот период времени Варангов или Вэрингов) то это не будут скандинавские Норманны Гаральда. А эти Вэринги или Варяги несомненно участвовали в сицилийском походе Маниака и также несомненно оставались в южной Италии в 1041 году.

Византийцы должны были уже в 1040 году бороться с восстаниями недовольных подданных в своих южно-итальянских владениях, то есть, в Апулии и Калабрии. Вместе с неудачами, постигшими греческую армию в Сицилии после отозвания Маниака, эти волнения южно-итальянского населения вынудили преемников Маниака ограничить сицилийский экспедиционный корпус самыми малыми размерами и даже отпустить Норманнов, которые с тремя братьями Готвилями воротились в свою Аверсу. Катапан Михаил Докиан явился в Апулии, сопровождаемый Ардуином, ломбардским рыцарем или министериалом. Этот Ардуин, очевидно — не имеющий ничего общего с Гаральдом, зная греческий язык и служа переводчиком в сношениях Византийцев с Франками, оказал Грекам [296] много услуг и получил от византийского катапана город Мелфи в управление. Но уже со времени своего пребывания на острове он питал в душе глубокую ненависть против Греков, хотя и скрывал ее. Причина тому заключалась в позорном наказании, которому он был подвергнут по одним — Георгием Маниаком, по другим — ближайшим его преемником. Он «возжег в жителях Мелфи пламя, таившееся под пеплом», раздул снова неудовольствие апулийского населения, возбудил его к открытому восстанию, отправился в Аверсу и заключил договор с Норманнами, на основании которого половина всех завоеваний в южной Италии должна была достаться самому Ардуину, а другая прежним союзникам Греков — французским Норманнам. Весною, именно в марте 1041 года, Норманны, под предводительством 12 избранных рыцарских вождей, вторглись в Апулию, чтобы положить прочное начало норманнскому владычеству в Италии.

Напрасны были усилия катапана Михаила Докиана затушить /83/ разгоревшийся пожар. Он дал две битвы Норманнам и апулийским инсургентам и два раза был разбит. Для нас важны те указания на состав византийской армии, которые при описании сих сражений сделаны в различных источниках.

Первое сражение произошло неподалеку от Мелфи, при реке Оливенто, впадающей в Офанто, 17-го марта 1041 года. Место и время сражения с наибольшею точностью обозначены в южно-итальянских источниках, ближайших к месту действия; у Кедрина (II, 546) есть неточность: вместо Оливенто он называет самый Авфид (Офанто). Протоспафарий и катапан Михаил пришел в Ломбардию (то есть, Апулию) из Сицилии, и следовательно, с теми войсками, которые там стояли; а одною из важнейших частей его армии были Русские. *Annales Barenses*, MG. SS. V, 54: *Factum est proelium — iuxta fluvium Dulibentis. Et ceciderunt ibi multi Russi et Obsequiani* (ополчение азиатской темы Обсеквианцев). ^[80]

В мае месяце катапан дал второе сражение. По свидетельству Кедрина — вместо того, чтобы позаботиться о ^[297] надлежащих подкреплениях и собрать все силы, какие могли найтись под рукою, Михаил Докиан вследствие безрассудной самонадеянности вышел против врагов с тем же войском, которое было разбито в марте месяце. Оно было усилено только Писидами и Ликаонами, составляющими отряд федератов (*Cedren. II, 546*): τοὺς ἡττηθέντας πάλιν ἀναλαβὼν καὶ Πισίδας καὶ Λυκάονας, οἵτερ ἀναπληροῦσι τὸ τάγμα τῶν φοιδεράτων. Отмечаем мимоходом фактическую неточность, допущенную ученым автором «Отрывков о Варяжском вопросе» и потом повторенную его противниками (за исключением, конечно, А. А. Куника, который уже указал ошибку, см. «Каспий» ак. Дорна, стр. 420). Имя федератов и «последний верный помин о них» относится не к 821, а к 1041 году. Но верно то, что федераты этого последнего года мало имеют общего с готским 40000 корпусом IV века и ничего общего не имеют с Варягами XI века. ^[81] Число их, без сомнения, не превосходило 500 человек (τάγμα); по свидетельству местной Барийской летописи, вся византийская армия состояла из 18600 человек, и в составе ее находилось много других элементов. Приводим весьма точные и важные для нас показания летописи. *Deinde collectis mense Maii in unum omnibus Graecis apud Montem Maiorem* (*Cedren. 1. c.: περὶ τὰς λεγομένας "Ωρας*) *iuxta fluenta Aufidi* (Офанто), *initiatum est proelium quarto die intrante* (4-го марта), *ubi perierunt plurimi Natulichii* (Anatolici) *et Obsequiani, Russi, Trachici* (Θρακῆσιοί, жители темы Фракисийской), *Calabrici, Longobardi, Capitinales. Et Angelus presbyter episcopus Troianus atque Stephanus Acherontinus episcopus ibi interfecti sunt. Nam nempe, ut dictum est ab omnibus qui haec noverunt, aut plures quam duo milia Normandi fuerunt, Graeci vero decemet octo milia, exceptis servitoribus.* (MG. SS. V, 54 sq.). ^[298]

Итак, кроме туземных подданных византийской империи, не

участвовавших в восстании и предводимых отчасти епископами Ачеренцы и Тройи, восемнадцати тысячное греческое войско состояло из ополчений трех византийских округов и, сверх того, из Русских, уже упомянутых при первом сражении. Писидия и Ликаония, которые также, по свидетельству Кедрина, имели своих представителей в битве с Норманнами, Барийцем понимаются под Анатолийцами (Natulichii), так как первая область вся, а последняя отчасти входили в состав τοῦ θέματος τῶν Ἀνατολικῶν (Анатолийского округа). Намерение современного летописца дать не только отчетливое, но и полное перечисление разных частей византийской армии бросается в глаза само собой, и без сомнения, то, что для этого сделано им, вполне соответствует цели. Если нет никакого намека на присутствие скандинавских Вэрингов, это для нас вполне понятно: спутники Гаральда были уже далеко. А с другой стороны — по нашему мнению — о Варягах или Вэрингах Барийскому летописцу и не было нужды говорить, как скоро он упомянул о Русских.

В начале сентября (3-го числа) того же 1041 года последовало третье сражение Греков с апулийскими инсургентами и Норманнами, их союзниками. Уже Михаил Докиан готовился к нему и писал в Сицилию, чтобы прислали ему подкрепление из тех сил, которые еще там оставались; пришли Филиппопольские Павликиане, Македоняне, то есть, Греки, и Калабрийцы. *Scriptis ad Siciliam, et venerunt ipsi miseri Macedones et Paulikani et Calabrenses* (MG. SS. V, 55).

Но между тем два раза разбитый полководец был сменен, и на его место прислан из Константинополя Воиоанн /85/ (Βοϊωάννης, Bugiano, Budiano), по прозванию Эксавгуст. Кедрин (II, 546, 23 sq.) прямо и решительно утверждает, что и на сей раз византийский вождь не получил никаких новых войск или подкреплений, а должен был действовать с теми силами, недостаточность которых уже была доказана предыдущими событиями: ἀλλὰ καὶ οὗτος ἀπελθὼν κατὰ χώραν καὶ νεαλῆ καὶ ἀκμαίαν δύναμιν μὴ λαβὼν, ἀλλὰ ἀναγκασθεὶς μετὰ τῶν προητ-τημένων συμβαλεῖν τοῖς ἐχθροῖς. Правда, Амаг (Ystoire de li [299] Normant) противоречит этому самым явным и притом особенно знаменательным для нас образом. Мы должны привести его слова:

Après ceste confusion et destruction de li Grex, et la grant victoire de li fortissime Normant, l'ire de lo impeor vint sur Dycclicien, le leva de son office que non fust due, et le fist son vicaire et lui manda Guarain et altre gent; quar veoit que par lui non combatoient bien Grex. Et lor dona a cesti exauguste ou vicaire de auguste molt de argent; et lui commanda que quant de chevaliers il trouveroit expert de bataille part tout son tenement, les deust prendre a solde

pour aler contre li Normant (II, 23 p. 76 sq. ed. Delarc). То есть, после второго поражения, Михаил IV Пафлагонянин «положил гнев на Докиана, лишил его должности, так что он перестал быть дуком, и сделал дуком своего наместника (перевод слова Ексавгуст) и послал ему Гуаранов (Варанов, то есть, Варангов) и других иноплеменников», и т. д.

Лев Остийский, пользовавшийся хроникой Амата в латинском (потерянном) подлиннике, почти буквально повторяет его слова: *Dehinc imperator — succensus, pulso Ducliano Eхаugustum nomine quendam vice illius cum Normannis dirigit congressurum, Guaratorum illi et aliorum barbarorum copiam maximam socians* (MG. SS. VII, 676). Вопрос о том, кто прав — Кедрин, утверждающий, что Воиоанн не получил новых подкреплений, или Амаат, указывающий на отправление Варягов, имеет для нас существенную важность. Лев Остийский прибавил даже, что этих Варягов было весьма много; но очевидно, это есть только стилистическое украшение; за верность самой сущности факта должен отвечать один Амаат, который не один раз находится в противоречии подобного рода с византийскими источниками. Мы видели, что, по Кедрину, во втором сражении были те же самые войска, что и в первом, и это показание совершенно подтверждалось Барийской летописью. Между тем Амаат повествует, что после поражения при Офанто (в мае) византийский император в /86/ крайнем смятении разорвал на себе одежду, бил себя в грудь и восклицал, что эти Норманны отнимут у него все [300] царство; он созвал на совет своих вельмож и мудрейших жителей Константинополя, говорил им, что он впредь отрекается от всякой скупости, откроет дверь своего казнохранилища и будет щедро платить всем, кто захочет сражаться с Норманнами. Все приняли речь эту с сочувствием; большой и малый, богатый и бедный обещали помогать императору деньгами — каждый по своей силе. Из этих пожертвований император назначил двойное жалованье «рыцарям», которые пойдут против храбрых Норманнов, и таким образом собрал новое войско (*Ystoire de li Normant* II, 22 p. 72 sqq). Мы с намерением привели здесь эти черты, обличающие в Амате какую-то особенную склонность к эпической наглядности рассказа. Думаем, что такие краски никого не обманут и никого не приведут в соблазн. Никто не поручится за историческую верность вышеприведенных подробностей, но также никто не должен строго осуждать Амата и заподозрить его правдолюбие ради особенностей его стиля. Итак, некоторые противоречия «Истории Норманнов» с другими, более сухими и точными, источниками объясняются особенностями приемов ее автора и, не касаясь сущности, относятся к внешним подробностям. То же самое объяснение мы прилагаем

и к обстоятельствам битвы при Монте-Пелозо (у Кедрина при Монополи) в сентябре 1041 года. Варяги в нем, действительно, участвовали, но посылка их из Константинополя прибавлена для наглядности рассказа. Сам Алат несколько противоречит себе, говоря, что император только в смененном начальнике (а не в малочисленности войск) видел причину, почему Греки сражались несчастливо. Что касается до больших денежных сумм, которыми император снабдил Эксавгуста для набора войска, то эта черта вполне соответствует всегдашним византийским привычкам и приемам ведения войны, обличает знакомство с ними автора и чрезвычайно вероятно в приложении к данному случаю, но не более. Окончательное и полное решение между Кедриным-Скилицей и Алатом в занимающем нас вопросе может быть отдано Барийским анналам. Описывая третье (сентябрьское) сражение, они снова с большой определенностью, со слов участников битвы, отмечают числительный состав [301] обеих сторон: Nam, ut ajunt veraciter qui in ipso bello inventi sunt, Normanni septingenti, et Graeci decem milia fuerunt (MG. SS. V, 55). Семьсот норманских рыцарей (на местных /87/ апулийских инсургентов не обращено внимания) против 10000 Греков: а в сражении при Офанто Греков было 18000. Где же многочисленные или даже какие бы то ни было подкрепления, присланные из Константинополя? Их не было, как это прямо утверждает Кедрин-Скилица. Но Варяги все-таки были. В описании самого хода сражения между Монте-Пелозо и горою Сириколо Алат вполне сходится с другими источниками, хотя несколько подробнее их. Битва была упорная; чтобы лучше защищать свою жизнь, Греки отступили в лес, но мужественные и смелые Норманны не побоялись последовать за ними; тут последовала самая жаркая схватка: Варяги убиты, Апулийцы и Калабрийцы пали.

Mes II Grex — entrèrent en lo fort de la silve, et li bon Normand vaillant et hardi n'orent pas paor d'aler apres, mes o grant cuer et hardement les secuterent, et li Guarani sont occis, et Puilloiz sont mort et Calabrois. (II, 25 p. 78). — Iterum in pugnam circa montem cui Piloso nomen est utrimque concurrunt. Tandem ruentibus Guaranis, cadentibus Calabris, fugientibus — Grecis и т. д. (Leo Ostiensis, MG. SS. VII, 676).

Греки были окончательно разбиты, и сам Воиоанн был взят в плен. Дальнейший ход дел был тем более неудачен для Византии, что вскоре последовала смерть императора Михаила IV (10-го декабря 1041 г.) и затем — колебания в высших сферах государственной жизни, при чем нельзя было совсем ожидать каких-либо энергических военных действий. В руках Византийцев оставались только Тарент, Бриндизи и Отранто (Cedren. II, 547). Наконец, новый император Михаил V Калафат, утвердившись на

престоле, решился на ту меру, которая всего скорее могла поправить дело. Он освободил из тюрьмы Георгия Маниака и снова отправил его в Италию. По Барийской летописи (MG. SS. V, 55), Маниак пристал к Таренту в месяце апреле 1042 года. Этим исправляются менее точные показания византийских источников, самого Пселла, по которым Маниак отправляется в Италию [302] по воле императриц Зои и Феодоры. Важно это в том отношении, что здесь заключается подтверждение наших прежних соображений о Гаральде Гардраде. Он не сопровождал Гюргия или Гирги во второй его экспедиции; ибо 20-го и 21-го апреля мы знаем об участии его в известных нам сценах мятежа и низвержения Михаила V. Следовательно, если теперь и после /88/ встретятся нам те или другие указания на присутствие Варягов в Италии, то это опять не будут спутники Гаральда Норвежского.

Георгий Маниак имел несколько важных успехов. Он взял в июне 1042 г. город Монополи и, вошедши в город Матеру, сурово наказал туземцев, изменивших византийскому государю. Но недолго пришлось Маниаку оставаться в Италии. Низвержение Михаила V и восшествие на престол (2-го июня) избранника Зои, Константина Мономаха, который, по разным личным счетам и отношениям, был ему прямым недругом, смутило Маниака и напугало его. Против него уже ковалась интрига при дворе. Взрыв был произведен дерзким обращением одного из доверенных лиц нового императора, отправленного в Италию, чтоб отозвать заслуженного и популярного героя Эдессы и Сицилии. Бешеный нрав Георгия Маниака не выдержал; он поднял руку с угрожающим жестом на презренного раба. Вскоре затем он сам провозгласил себя императором и переправился с войском в Булгарию (в феврале 1043 года).

Для нас важны некоторые указания на состав армии, которую успел собрать себе Маниак. Очевидно, что личность его возбуждала доверие и преданность во всех варварах, всегда уважающих силу и энергию. За ним последовало немало (французских) Норманнов, составивших потом особенный отряд в византийской армии (Маниакаты). При Острове Маниак пал, уже одержав победу, но застигнутый внезапным болезненным ударом. Часть его армии воротилась домой в соответствующие родные страны, другая перешла на сторону Константина Мономаха (Pselli hist. p. 142). В описании триумфа, в котором отрубленная голова Георгия была внесена в Константинополь, отмечаются меченосцы, жезлоносцы и те, [303] которые потрясают на правом плече секирами: ξιφηφόροι τινές καὶ ραβδοῦχοι καὶ οἱ τοὺς πελέκεις ἀπὸ τοῦ δεξιῶν σείοντες ὧμου (Psell. p. 142 в конце). Последний признак указывает на Варангов; но остается не совсем ясным в изложении

Пселла, суть ли это роды войска, перешедшие от Маниака, или же собственные люди Мономаха.

Конец истории Маниака дает нам повод спросить, что сделалось с Нордманном Гаральдом и его спутниками. Несомненно известно только одно, что в 1044 году Гаральд воротился на север и уже является действующим лицом в Скандинавии. Но он должен был воротиться чрез Киев, где он женился на дочери Ярослава. Есть, следовательно, /89/ прямое указание на то, что он ушел из Византии еще в 1043 году. Если бы связь его с Маниаком в самом деле была так прочна, как представляет это сага, то мы могли бы сказать, что он был в числе людей, воротившихся на родину после смерти Георгия. Во всяком случае, Гаральд едва ли мог оставаться в Константинополе весь 1043 год. ^[82] В июне месяце Русские, предводительствуемые сыном Ярослава Владимиром, угрожали Цареграду; союзниками Русских были «жители северных островов океана», то есть, Скандинавы. Очень возможно, что и Гаральд был в числе их, как зять Ярослава или еще только как жених Ярославны.

IX. Нашествие Русских на Константинополь и Варяги 1047 года

Поход Владимира Ярославича на Константинополь имеет не прямое отношение к нашему вопросу. Мы поэтому и не будем излагать того, что о нем известно из давно изданных источников. Но, исполняя данное обещание, мы приводим здесь рассказ Пселла (стр. 143–147), только недавно обнародованный и представляющий некоторые очень важные черты. [304]

«За низложением тирании (Маниака) последовала варварская война: русские ладьи (σκάφη Ῥωσικὰ), превышающие, так сказать, всякое число, прибыли в Пропонтиду, или тайком пробравшись мимо тех, которые должны были запираеть (путь в нее), или, проложив себе дорогу силою; густое облако, поднявшееся с моря, наполнило столицу мраком. Дошедший в своем рассказе до этого места, я хочу объяснить причины, вследствие которых они произвели это морское движение и наступление, тогда как император ни в чем не показал себя их противником.

«Это варварское племя всегда питало яростную и бешеную ненависть против греческой игемонии (ἐπὶ τὴν Ῥωμαίων ἡγεμονίαν); при каждом удобном случае изобретая то или другое обвинение, они создавали из него предлог для войны с нами. Когда умер наводивший на них страх император Василий, когда брат его Константин совершил предназначенную ему часть века, и зять его принял власть, [83] они тотчас возобновили против нас /90/ старую вражду и вскоре начали готовиться к будущим войнам. Но и царствование Романа показалось им блистательным и славным, а сами они не были в порядке со своими приготовлениями (не успели довершить приготовлений). Когда же и Роман, прожив короткое время, оставил царство, и власть досталась какому-то неизвестному Михаилу, то они стали вооружать против него собственные силы и, решив напасть на нас с моря, нарубили вверху лесу, выстроили из него малые и большие ладьи, тайком в короткое время сделали достаточные приготовления и уже готовы были плыть на Михаила большим флотом. Когда все было у них устроено, и война уже должна была начаться, сам император предупредил их нашествие, расставшись с земною жизнью. Умер и преемник его, едва оставив след во дворце, а власть перешла к Константину. Хотя варвары и не имели против него никаких обвинений, могущих служить предлогом для

войны, но чтоб их приготовления не оказались бесполезными, они подняли против него войну беспричинную: [305] такова безвинная вина их устремления против самодержца. Когда ж они, тайно пробравшись, очутились внутри Пропонтиды, то сначала полагали на нашу волю — заключить мир, если бы мы захотели заплатить им большую цену за этот мир; они определяли и число — именно тысячу статиров на каждую ладью, так чтоб условленно было, что не иначе отсчитаны будут эти статирсы, как на одну известную ладью их. Они предъявляли такие желания или потому, что предполагали у нас какие-то золотые источники, или потому, что, решившись во всяком случае сражаться, (нарочно) выставляли неисполнимые условия, дабы война с их стороны имела благовидный предлог. Когда их послы не были даже удостоены ответа, то (варвары) так были дружно настроены и так надеялись на свою многочисленность, как будто они рассчитывали сейчас же взять город со всеми его жителями.

«А у нас в это время морская военная сила была совсем недостаточна; огненосные корабли были рассеяны в береговых областях, охраняя ту или другую часть империи. Император собрал какие-то остатки от старого флота и скрепил их; согнал потом в одно место тяжелые перевозные дворцовые суда (ὀλκάδας τε τῶν βασιλικῶν σιναγηοῦχος), приготовил несколько триир (трирем), посадил на них боевых людей, снабдил корабли большим количеством влажного огня (διύγρον πῦρ), выстроил их супротив варварских лодок, (стоявших) при гавани на другой стороне (καὶ ταύτας δὴ κατέναντι τῶν /91/ βαρβαρικῶν σκαφῶν ἐπὶ τοῦ κατ' ἀντιέραν λιμένος συντάξας), и сам, имея с собою некоторую избранную часть синклита, ночью остановился якорем в той же самой гавани несколько выше и, таким образом ясно предвозвестив варварам морскую войну, вместе с наступлением утра построил корабли в боевой порядок (κατὰ φάλαγγα). Варвары, со своей стороны, снявшись, как будто из лагеря и окопа, от противоположных нам пристаней (λιμένων) и выйдя на довольно значительное пространство в открытое море, поставив потом все свои корабли по одному в ряд и этой цепью перехватив (ξυνδήσαντες) все море от одних до других пристаней, построились так, чтоб или самим напасть на нас, или принять наше нападение. Не [306] было человека, который, смотря на происходящее тогда, не смутился бы сильно душою; я сам стоял тогда подле императора, — а он сидел на одном холме, слегка покатым к морю, — и был зрителем совершающегося, не будучи сам видим (ἐξ ἀπόπλου).

«Итак, расположение с той и другой стороны имело вышеуказанный вид; однако никто не двигался вперед с целью битвы, но с той и другой стороны оба (морские) лагеря, сплотившись, стояли неподвижно. Когда

прошло уже много дня, тогда император, подав знак двум из больших кораблей, приказал понемногу двигаться вперед против варварских лодий. Когда они ровно и стройно вышли вперед, то сверху копьеносцы и камнеметатели подняли военный крик, а метатели огня построились в порядке, удобном для бросания его: тогда большая часть из неприятельских лодок, высланных (на встречу), быстро гребя устремилась на наши корабли, а потом разделившись, окружив и (как бы) опоясав каждую из отдельных триир, старались пробить их снизу балками (ковтоῖς), а другие (то есть, Греки), бросали сверху камнями и веслами. Когда же против них (то есть, Русских) огонь начал быть метаем, и в глазах их потемнело, то одни из них стали кидаться в море, как бы желая проплыть к своим, а другие совсем не знали, что делать, и в отчаянии отказались от всякого средства (к спасению). Затем подан был второй сигнал, и уже большее число триер двинулось вверх, за ними другие корабли, или следуя сзади, или плывя рядом; наша сторона уж ободрилась, а противная (неподвижно) стояла, пораженная страхом. Когда же, разрезая воду, триеры очутились подле самых неприятельских лодок, то связь их (последних) была разорвана, и строй /92/ рушился, и одни из них осмелились остаться на месте, а большая часть повернули назад. Между тем солнце, уже высоко поднявшись над горизонтом, внезапно стянуло к себе облако снизу и изменило погоду; сильный ветер двинулся с востока на запад; взмутив море вихрем, он устремил волны на варвара и потопил одни из его лодок тут же, так как море поднялось в средину им (?), а другие загнав далеко в море, разбросал по скалам и утесистым берегам; одни из них [307] были настигнуты триерами, которые и предали их пучине со всем экипажем, а другие, будучи рассечены пополам военными людьми на них, были вытянуты на ближайшие берега. Произошло большое избиение варваров, и море было окрашено по истине убийственным потоком, как бы идущим сверху из рек».

К этому рассказу Пселла мы должны прибавить следующие замечания. То, что Василий II держал Русских в страхе, это может иметь некоторое фактическое основание в событиях 988 года. И другой Византиец употребляет подобное выражение: «Варда склонился под жезлом властителя; его трепетали Грузины и страшились Тавроскифы» (ἔφριξαν τοῦτον Ἰβήρες, ἔλτηξαν Ταυροσκύθαι, Manasses, Compendium chron. p. 253, v. 5967). Но едва ли Пселл хорошо знал то, что делалось, и особенно что замышлялось на берегах Днепра; его известия о постоянном враждебном настроении Русских, о неоднократных их сборах к походу на Константинополь возбуждают недоумение и сомнение. Другое говорит

Кедрин или, что то же, Иоанн Фракийский. По его словам, Русские находились до июня 1043 года в совершенно мирных отношениях к Византийцам; обе стороны безбоязненно вели между собой торговлю, вступали в торговые сделки. ^[84] Самый повод к войне возник «среди скифских купцов», находившихся в Константинополе и поссорившихся с местными Греками; при столкновении, обратившемся в рукопашную схватку, был убит один важный Скиф, то есть, Русский. Владимир Ярославич, которого Кедрин считает повелителем Русских, отличаясь раздражительным характером, тотчас же стал собираться в поход. Во всяком случае — каковы бы ни были отношения между русскими **[308]** князьями, родственниками Василия II и Константина VIII, и византийскими императорами, мужьями Зои, не всегда к ней почтительными, — эти отношения не мешали Византийским государям держать при себе большой союзный русский корпус. Как бы ни мало развито было национальное сознание и представление о народном или государственном единстве в те /93/ времена среди Русских, все-таки, по-видимому, нельзя было верить ни безопасности императора, ни охранения империи единоплеменникам враждебного народа. Когда Русские действительно стали грозить нашествием, то, по свидетельству Кедрина (р. 552), византийское правительство нашло необходимым удалить из столицы, как русских купцов, так и русских военных людей: «Скифы, находящиеся в столице в виде союзников, были рассеяны в провинциях» — καὶ τοὺς μὲν ἐνδημούντας τῇ βασιλείῃ ἐμπόρους τῶν Σκυθῶν, ἔτι δὲ καὶ τοὺς κατὰ συμμαχίαν παρόντας διασκορπίσας ἐν τοῖς θέμασι. Это было сделано для того, чтоб уничтожить возможность какого-либо покушения или движения изнутри (ἵνα μὴ καὶ ἀπὸ τῶν ἔνδον ἐπιβουλή τις ἀνεγερθῆ: Cedren. II, 552). Кроме указания на присутствие русских союзников, русского союзного корпуса в Византии, для нас важна еще одна черта, отмеченная Кедриным-Скилицей (р. 551). В Константинополе знали, что Русские шли не одни, что и они имели много союзников, и что этими союзниками были народы, обитающие на северных островах океана: προσεταιρισάμενος δὲ καὶ συμμαχικόν οὐκ ὀλίγον ἀπὸ τῶν κατοικούντων ἐν ταῖς προσαρκτίοις τοῦ Ὠκεανοῦ νήσοις ἔθνῶν. Нет никакой причины сомневаться, что здесь разумеются жители Скандинавии и Исландии, которых Греки, а по следам их — и Византийцы, одинаково считали за островитян. Следовательно, Византийцы умели отличать Русских от Нордманнов и в случае нужды не затруднялись найти соответствующие слова и выражения для обозначения последних. Сумели бы они указать и на скандинавский характер варяжского корпуса, если б этого требовало самое существо дела.

Отсылая для дальнейших подробностей и для сличения новых данных Пселла с прежде известными к статье А. А. Куника об этом походе, напечатанной в одном из академических изданий, мы теперь можем идти далее. [309]

Непосредственно за рассказом о нашествии Русских на Константинополь следует у Пселла повествование о новом восстании против Константина Мономаха, виновником которого был родовитый магнат, Лев Торникий, по своему происхождению армянин, но по месту своего жительства — богатый Адрианопольский землевладелец: здесь, среди Македонян, то есть, Греков, он имел наибольшее число приверженцев и свою главную опору. По другим источникам мы имеем возможность точно определить хронологические границы события, что для наших дальнейших соображений окажется очень полезным. Начало /94/ восстания относится к концу сентября 1047 года, а его печальная, трагическая для соучастников развязка — к последним числам декабря того же года (Attaliot. pp. 22. 29 в конце).

Торникий подошел к Константинополю, и положение Мономаха было тем опаснее, что он мог рассчитывать только на крепость городских стен да на сомнительную преданность непостоянного Цареградского населения. Военных сил почти совсем не было у него под рукою. Факт этот, указанный прямо всеми источниками, очень естественно может быть поставлен в связь с известным нам удалением из столицы и рассеянием русского или, что то же, варяжского корпуса. Само собою разумеется, что связь эта может быть признаваема настолько, насколько беззащитность Константинополя зависела от отсутствия чужеземных сил, помимо местных, имперских. Но послушаем, что говорит Пселл (p. 153):

«Не было собрано ни собственного войска, ни союзного, исключая небольшой части наемников, которая обыкновенно следует (позади) при императорских (церемониальных) выходах. А что касается войска, находившегося на востоке, то отдельные части его даже не были собраны в каком-нибудь одном лагере, так чтобы могли по данному сигналу скоро собраться и подать помощь императору, находящемуся в опасности, но они отправились в поход в самую глубину Иверии, отражая нашествие одного варвара».

οὔτε γὰρ οἰκεῖον στρατεύμα, οὔτε συμμαχικὸν αὐτοῦ που συνείλκετο, εἰ μὴ τις ὀλίγη μερῆς ξενική, ὅποση τις εἴωθεν ἐφέλεσθαι ταῖς [310] βασιλείοις πομπαῖς. ὁ γέ τοι τῆς ἐφ᾽ αὐτὸν στρατὸς — ἐς τὰ βαθύτερα τῆς Ἰβηρίας ἐστρατοπεδεύκεισάν...

Пселл рассказывает о том же самом возмущении Торникия и в

похвальном слове патриарху Михаилу Кируларию (Sathas, Bibliotheca graeca, t. IV, 346). Бунтовщик поощрялся в своей дерзости двумя соображениями: он рассчитывал на многочисленность собственного войска и знал, что у императора нет никакой армии, которую он мог бы ему противопоставить. Только стены спасли нас в своей ограде от всесовершенного пленения. У императора, содержимого в осаде, осталась только небольшая часть целого строя: Χαταλέλειπτο γὰρ βραχεῖα μερίς τοῦ ὄλου συντάγματος. Мы привели этот отрывок для оправдания своего перевода, для доказательства его точности. Слова μερίς ξενική не обозначают здесь самостоятельного рода войска, /95/ но именно часть союзного корпуса. Мы, впрочем, уже ранее видели, что Пселл слова «союзники, союзный корпус» (συνμαχικόν) и «наемники, наемная сила» употребляет совершенно синонимически. Так, русский союзный отряд назван у него «наемной силой» при первом известии об его прибытии в Византию (988 г., см. гл. III). Так, император Роман, собрав наемные силы, нагрянул на врагов с громадой своих и союзников (см. гл. IV). Так, в истории низвержения Калафата у императора не было союзной силы, потому что наемники были ему неверны (гл. VII). Отсюда следует, что та часть наемников, которая сопровождала императора при церемониях, то есть, Варяги в тесном смысле, составляла только часть союзников, союзного корпуса, Варягов в обширном смысле. А до сих пор союзный корпус составляли исключительно Русские, как это было прямо сказано у Пселла: «союзники и наемники, я разумею Тавроскифов» (гл. VII).

Впрочем, допустим на время другое объяснение для того, чтоб его тем решительнее опровергнуть. В Константинополе при нашествии Торникия не было союзных сил, но был другой род войска, хотя и немногочисленный, была лейб-гвардия, были Варяги. Это царские телохранители, не имеющие ничего общего с «союзниками». Все они в полном составе своего корпуса находятся теперь, в 1047 году, подле императора. Выражения [311] Пселла для всякого, знакомого с греческим языком, ясно показывают, что именно весь отряд наемнический, то есть, варяжский, находится в Цареграде (μερίς ξενική ὀλόση τις). Другими словами: Варанги — только лейб-гвардия; вся лейб-гвардия теперь в столице империи.

А с нашей точки зрения помимо тех Варангов, которые оставались при императоре, в греческих провинциях должны находиться другие Варанги, соответствующие союзным силам Пселла, отсутствующим из Константинополя — притом они должны находиться и на востоке, и на западе.

Приводим теперь места южно-итальянских летописей за 1046, 1047 и

1048 сентябрьские годы:

1046. Ind. XIV. Perrexit imp. Palatino in Taranto et fecit proelium cum Normani et ciderunt Graeci et multi Antopii per gladio et in mare. Et reversu Ip. Catap in Bari. Et fecit Bari cum Umfreida comite. Et descendit Rafayl Catap. cum Guaranci et compraehenderet... stum.

1047. Ind. XV. Venit Johannes catapanus qui et Rafayl cum ipsis Guarangi in Bari. Intravit in curte Domnica et mansit ibi hunum diem; et deinde ibit et seditin ipsa Pinna dies 11 cum ip. Guarangi. (Chronic. Anonymi Barenis, Muratori V, 151).

1047. Comprehensum est oppidum Stira a Guaragnis in mense Octobris, et in mense Decembris depopulaverunt Liccem. (Lupi Protospath, MG. SS. V, 59).

1048. Ind. I. Bebellavit Tornibey (= Торникий) cum Makedonis et Botazzi consocruneo suo perrexit Constantinopolim, ut faceret se imperatorem. Argiro magistro exivit sub nocte cum aliquanti Franci et Graeci et. fecit ei damnum maximum. — Et compraehensa est Licce ab ipsi Guarangi (Chronic. Anonym. Barenis., Muratori V, 151).

Итак, нет ни малейшего сомнения, что современно с восстанием Льва Торникия Варяги действовали в южной Италии; они были там именно в октябре и декабре 1047 года, или же по сентябрьскому счету — 1048 года. Они оставались в Италии в то время, как магистр Аргир, хорошо известный в истории греко-норманнской и упоминаемый также Византийцами по поводу своего пребывания в Константинополе (Cedren. II, [312] 563), принимал участие в обороне от Торникия и Ватацци, двух бунтовщиков. Несколько Франков, то есть, Норманнов, прибывших, вероятно, с Аргиром, не могут идти в расчет при наших соображениях. Из Атталиоты (р. 24 sq.) мы видим, что кроме «царских копьеносцев» (βασιλική δоруφορία = Варанги?) были все-таки при начале осады, хотя в самом малом количестве, и другие роды войска, между прочим Агаряне (Ἀγαρηνῶν τῆς ξυμφορίας τῶν ἐπὶ τῆς φρουρᾶς). Ни Франков, ни этих последних не имел в виду Пселл.

Обратимся теперь на восток. Из византийских, армянских и грузинских источников мы знаем о политических и военных действиях Константина Мономаха в Армении за период времени от 1045 до 1047 года. Кедрин (II, 560) пишет, что византийская армия, под командою Константина (родом из Сарацин), начальника великой этерии (τῆς μεγάλης εταιρίας ἄρχων), осаждала одну армянскую крепость, и осажденные уже находились в большой крайности, когда пришли с запада известия о восстании Льва Торникия.

Дела армянские находились в тесной связи с грузинскими. Эмир

Тевина, крепость которого осаждал этериарх Константин, был женат на сестре Какига II Анийского, у которого Греки отняли царство, заманив его самого в Константинополь, и потому был претендентом на великоармянский престол; но Аристакес Ластивертский (перев. Prud'homme в *Revue de l'Orient et de l'Algérie. Nouv. série, vol. XVI* p. 69) объясняет /97/ нам, что была другая партия, которая хотела передать столицу государства (то есть, город Ани) Баграту IV, царю Картлии и Абхазии. Этому другому сопернику политика Константина Мономаха противопоставила некоего князя Липарита, имевшего большие владения на юге реки Кура (из фамилии Орбелиани). Кедрин в числе событий первого индикта (гг. 1047–1048), рассказывает, что Липарит разбил Баграта, загнал его в Кавказские горы и во внутреннюю Абхазию (р. 572 в конце) и овладел всею Иверией; а потом он послал письмо к Константину Мономаху, предлагая свой союз и дружбу (р. 573). Византийский монарх принял это предложение. Из Кедрина видно, что заключение союза предшествовало первому турецкому [313] нашествию (1048 года), в котором Липарит, сражавшийся на стороне Греков, попался в плен. По свидетельству грузинской хроники, Липарит вел войну с правителем города Тевина, Абул-Севаром, в интересах византийского императора, еще за год до появления Турок в пределах Армении (*Après une année revolue, les Turcs s'étant montrés au pays de Basian... — Brosset, Histoire de Géorgie, p. 332*). А так как Турки там явились около сентября 1048 года, то действия Липарита, на которые здесь указывается, будут почти одновременны с действиями византийских воевод против Абул-Севара.

Теперь мы можем выписать из грузинской хроники то, что немного предшествует походу Липарита на Тевин — то есть, октябрю (или ноябрю) 1047 года. Мы сейчас встретим союзный корпус Пселла, находящийся в Грузии.

«Зимой (1046–1047 гг.) Липарит поднял восстание. Он вызвал из Греции Димитрия, брата царя Баграта, который пришел (в Грузию), сопровождаемый греческим войском и снабженный греческими деньгами. Липарит, опираясь на Димитрия и его средства, посеял раздор и разделение в царстве своего монарха. Одни склонялись в пользу Димитрия, другие оставались верными царю Баграту. Кахетинцы были на стороне Липарита, и обе партии употребляли все усилия, чтоб одержать верх». Затем грузинская хроника, из которой почти буквально заимствован сейчас сообщенный отрывок, продолжает следующим образом:

«Когда три тысячи Варягов пришли на помощь Баграту, ^[85] то он расположил их при Бахе и взял из них только семьсот человек; потом

двинулся вперед с силами Хида-Картлии, присоединенными к Варягам, не ожидая Месхов. Битва произошла при входе в рощу Сасирет; армия /98/ Хида-Картлии дала тыл; Абусер опять попался в плен, и с ним другие дидебулы. Так как Варяги не могли принимать участия в сражении, то Липарит велел дать решета, которыми приготовили хлеб, чтобы представить им, так что они провели [314] весело время». (Trois mille Varangues étant venus asecours de Bagrat, il les posta à Bach, en prit seulement sept cents, et s'avanca avec les forces du Chida-Karthli, réunies à ces Varangues, sans attendre les Meskhes. L'on se battit à l'entrée de la forêt de Sasireth; l'armée du Chida-Karthli tourna le dos; Abouser fut de nouveau fait captif, et avec lui d'autres dideboulis. Les Varangues n'ayant pu prendre part au combat, Liparit fit donner des cribles, avec lesquels on prepara du pain, pour leur être présenté, de sorte qu'ils passèrent gaiment le temps). [86]

Войско, приведенное Димитрием из Греции, и 3000 Варягов, пришедших на помощь Баграту, конечно, одно и то же. Странное поведение этих Варягов, которые пришли к Баграту, но не считают возможным для себя принимать участие в сражении и заставляют Липарита кормить себя, объясняется, по нашему мнению, очень просто, если обратить внимание на некоторую бестолковость изложения, присущую грузинской летописи. Только после известия о победе, одержанной над Багратом партией Димитрия, она сообщает о смерти этого последнего, нисколько не скрывая своей несообразительности: «Прежде этого Димитрий, брат царя Баграта, умер»... (I, p. 322 в начале). Но если он умер прежде сражения, то положение греческих Варягов, приведенных Димитрием, было весьма неопределенно и двусмысленно. Того, за кого они должны были сражаться, не было более в живых, и царь, которому можно было служить, теперь налицо был только один, то есть, Баграт IV. Но с другой стороны, бунтовщик Липарит был союзник умершего и друг византийских властей. Здесь и заключается разгадка поведения Варягов. [87]

Таким образом, слова Пселла нашли себе полное, можно сказать — блистательное подтверждение. Кроме той части союзного /99/ корпуса, который служил для императора лейб-гвардией, [315] Варяги в 1047 году, осенью, сражались в Италии и были в походе на востоке. Помимо заключений, которые вытекают отсюда сами собою, обратим внимание на численный состав варяжского, или, что-то же, союзного (русского) корпуса. В одной Грузии мы находим три тысячи Варягов. Положим, что их было почти столько же в южной Италии, так как слишком мало предполагать их здесь нельзя уже потому, что на них лежит вся тяжесть войны, длящейся в

Апулии, и они все-таки берут города. Тогда мы получим шеститысячную цифру, первоначальный состав русского отряда, отправленного из Киева или Крыма в 988 году.

Способ доказательства, которого мы держались в этой главе, следующий:

Συμμαχικόν (союзный корпус) = Тавроскифы, то есть, Русские.

Συμμαχικόν = Варяги (в Грузии и южной Италии). Следовательно, Русские = Варяги.

Прибавление к гл. IX

Неудовлетворительность перевода, данного Броссе для той части грузинской хроники, о которой идет речь на стр. 313 сл., В. Г. Васильевский ясно чувствовал уже во время своей работы и еще сильнее отметил впоследствии на полях одного экземпляра своего исследования. Сообщаем здесь перевод, исполненный по нашей просьбе Н. Я. Марром и им же снабженный примечаниями.

Грузинские летописи, изд. Brosset, I, стр. 225, 9-20, ср. франц. перевод Brosset, Hist, de la Géorgie, I, стр. 321, 6 сл.

«Липарит вновь вывел из Греции Димитрия, брата царя Баграта. Греческий царь помогал ему деньгами и войском. Липарит вызвал раскол в жителях этого царства: ^[88] некоторых он представил Димитрию, а некоторые пребыли в верности Баграту. Иоанн, сын Липарита, оставался заложником в руках Баграта: Липарит выпросил его у Баграта, **[316]** а в замен отпустил с миром Абусера, возвратив ему крепость. Липарита поддерживали кахи (кахетинцы) с их силами и армянский царь Давид ^[89] с его силами. Благодаря этим силам они начали усиливаться на этой стороне Грузии, и дело (Липарита) велось искусно в обеих частях. ^[90]

Пришли Варанги, три тысячи человек, и он (Липарит) поставил их в Баше; ^[91] с собою взял (Липарит) семь сот человек. Баграт явился с войском внутренним (с востока, из внутренней Карталинии). Варанги ^[92] (бывшие с Липаритом) не смогли дождаться Месхов, ^[93] пришли и завязали бой (с Багратом) на рубеже Сасиретской долины: внутреннее (приведенное Багратом из внутренней Карталинии) войско бежало. В этой битве (войска Липарита) опять захватили Абусера и с ним также других знатных, которые не оказались в силах бороться с Варангами. Им (захваченным в плен князьям) Липарит дал сита, и те просевали муку ^[94] в присутствии их (Липарита с Варангами): так потешились (победители)» ^[95].

Х. Варяги и Франки во второй половине XI века

В продолжение полувека мы постоянно находили несомненные следы присутствия Русских военных людей в Византии и следили за судьбами и переходами Русского союзного корпуса. Нет сомнения, что основанием и первым ядром его [317] были те шесть тысяч человек, которые отправились из Киева или Херсона в 988 году. Время от времени этот первоначальный состав корпуса восполнялся разными русскими удалцами в роде Хрисохира и вольными пришельцами, искавшими добычи и богатства у щедрого византийского повелителя. Какими путями они пробирались в Константинополь, нельзя сказать определенно. Путь по Днепру и Черному морю, по-видимому, не был совершенно прегражден для русских людей. Печенеги, кочевавшие между Днепром и Дунаем, тяготели более к последнему. Но вот около половины XI века начинается страшное движение турецких орд в Европе и Азии. Печенежская орда переходит за Дунай почти одновременно с первыми успехами Сельджукидов в Малой Азии, одновременно с нашествием Тогриль-бея на византийскую Армению. Ее место в степях южной России заняли еще более дикие и свирепые кочевники — Турки, именуемые Половцами или Куманами. Сношения Руси с Константинополем и прямые пути сообщения /100/ сделались еще более затруднительными. Но мы все-таки встречаем в византийской армии русские полки или, по крайней мере, батальоны (τάγματα). Нет никакой возможности думать, что эти русские союзные полки, равно как и русский союзный корпус, не суть постоянное учреждение в византийской армии, а являлись всякий раз снова по вызову потребности, ощущаемой в Константинополе и признаваемой в Киеве, то есть, никак нельзя предполагать, что всякий раз, как встречается в византийских хрониках упоминание о русских союзных силах, мы должны подразумевать новые переговоры византийского монарха с русскими князьями и новую посылку последними военной помощи. Это было почти невозможно по самой природе вещей. Об этом нигде не говорится ни в русских, ни в византийских летописях, а пройти молчанием такие факты они не могли, или если могли, то один-два раза, а не всякий раз как бы систематически. Наконец, это противоречило бы прямым словам известного нам армянского историка, который утверждает, что очень хорошо известный ему русский

корпус 1000 года прибыл к Василию II за 12 лет перед тем; противоречило бы буквальному и прямому смыслу тех мест [318] в византийских хрониках, в которых русские полки появляются на театр военных действий в Азии или Европе не из Руси, а из Халдии или из других малоазиатских округов. Одним словом мы должны признать непрерывное существование русского союзного корпуса в Византии в виде постоянного учреждения.

Но заметно, что с половины XI века значение этого корпуса как будто падает. До 1050 года нет никаких следов, чтобы наряду с Русскими какая-либо другая национальность участвовала в войнах империи в такой же степени, как Русские, если исключить народы подвластные или вассальные в отношении к византийскому императору, то есть, Армян и Грузин. Сарацинский отряд, упоминаемый в 1047 году, был очень невелик, как показывает самый термин, употребленный для его обозначения Атталиотой, и маловажность его значения для обороны Цареградских стен против Торникия. Но с половины XI века наряду с Русскими постоянно встречаются Франки и с таким же совершенно значением союзников, союзного корпуса. Мы очень хорошо знаем, откуда явились эти Франки. В первый раз они появляются в армии Георгия Маниака при его сицилийском походе. Все византийские источники отмечают здесь тот факт, что Маниак набрал в /101/ Италии большую дружину из Франков (προσηταφίσατο Φράγγους πολλούς). Это были французские Норманны, привлекаемые в южную Италию славой о подвигах и удачах Райнульфа Quarrel, сделавшегося князем Аверсы, и братьев Готвилей. Точно так же прямо засвидетельствовано и первое появление значительного числа Франков в собственной Греции и в Константинополе. Скилица рассказывает (р. 720), что, когда Маниак восстал против Мономаха и был побежден, то Франки, переправившиеся с ним через море, вступив в службу императора, были названы маниакатами и надолго остались в империи; другие же не покинули Италии: οἱ μὲν σὺν οὐτῷ περαιωθέντες τῷ βασιλεῖ δουλωθέντες Μανιακάτοι τε ἐπωνομάσθησαν καὶ τῇ Ῥωμαίων πολλῇ ἐναπέμειναν, οἱ δὲ λοιποὶ ἐν Ἰταλίᾳ ὑπελείφθησαν. Уже в 1048 году отряд наемных Франков вместе с Варягами стоял в глубине Азии, на востоке. Его [319] начальником был Франк Ерве (Cedren. II, 597: Ἐρβέβιον τὸν Φραγγόπῳλον, ἄρχοντα τῷ τότε τῶν ὁμοεθνῶν), о котором известно, что он сражался с Маниаком в Сицилии, переселился потом в Византию и даже имел свой дом в Армении (Cedren. II, 617. Ср. Attaliot. р. 198). После он наделал много хлопот Византийцам за то, что они не дали ему звания магистра (Cedren. 617 sq.). Русская и варяжская дружина, что, по нашему мнению, для XI века одно и то же, прославила себя и оставила прочную память на всем севере. Но,

совершенно согласно с характером племени, к которому она принадлежала, из среды ее не выдвинулось, ни одной знаменитой личности, ни одного предводителя, которого история обязана была бы записать на свои страницы. Не так было с франко-норманнской дружиной. Ерве был первоначальником целого ряда героев, стоявших во главе франкской дружины, отличавшихся беспредельной энергией и беспокойной предприимчивостью. Таковы были по порядку времени: Роберт Крепен (Crespin, Robertus Crispinus, Χρῆσπῖνος у Византийцев), Урсель де-Баллейль, Pierre d'Aulps и другие. Все они играют видную роль в истории византийской XI века.

Итак, мы знаем время, когда образовалась постоянная франкская дружина в Константинополе. Она по своему происхождению не имеет ничего общего с Варягами и постоянно отличается от них у византийских писателей. На это следовало бы обратить внимание тем, которые утверждали, что Варяги постоянно отличаются от Русских, чего до сих пор мы не видели в нашем исследовании, и чему увидим прямое и решительное опровержение. Можно ли после этого говорить /102/ хотя бы только об этимологическом тождестве Франков и Варангов?... Обращаемся к разбору отдельных мест, в которых прямо говорится о Варягах.

В 1050 году против печенежской орды, опустошавшей Македонию и Фракию, угрожавшей самому Константинополю, были вызваны греческие силы, находившиеся в Азии. Между прочим, собраны были в одно место союзные корпуса Франков и Варангов: καὶ τὰ συμμαχικὰ πάντα συναθροίσας ὕφ' ἑν, Φράγγους φημι καὶ Βαράγγους (Cedren. II, 602). [320]

Приведенная греческая фраза буквально значит: «собрав в одно место все союзные силы, я разумею Франков и Варангов».

До сих пор мы доказывали посредством сопоставления различных мест у разных писателей и путем иногда несколько сложных соображений, что варяжский корпус был не что иное как союзный корпус, и что он понимается в известных местах под συμμαχικόν, συμμαχία. Теперь мы встречаем полное и непреложно фактическое подтверждение нашему взгляду. В приведенном сейчас месте, во-первых, Варанги наряду с Франками названы просто союзниками, союзным корпусом, и, во-вторых, сказано, что союзные силы византийской армии только и состояли что из Франков и Варангов. Франки и Варанги = πάντα τὰ συμμαχικά. Но так было с недавнего времени. Из кого же состояла византийская иностранная гвардия (если можно употреблять этот термин) до появления в Константинополе Франков? Кажется, ответ довольно ясен: из одних Варягов. Но мы знаем, что у Пселла несколько раз союзниками называются

Тавроскифы, и точно также именуются Тавроскифы-Русские у Скилицы и других Византийцев. Косвенно отсюда следует тождество Варангов и Русских Συμμαχικόν = Βάραγγοι + Φράγγοι. Συμμαχικόν — Φράγγοι — Ταυροσκύθαι. Следовательно, Βάραγγοι = Ταυροσκύθαι. [96]

/103/ В 1053 году Сельджукский султан опустошал Грузию, Константин Мономах отправил туда Михаила аколуфа, который был упомянут византийским историком в рассказе о [321] Печенежских делах 1050 года (Cedren. II, 603). Слово аколуф, то есть, спутник, сопровождающий, следующий за кем позади, — встречается уже у Константина Багрянородного, а у последующих писателей часто соединяется особенно тесным образом с варяжской дружиной. Аколуф даже прямо является начальником варяжской дружины, но, по-видимому, прежде всего начальником той небольшой части варяжского корпуса, которая состояла при особе императора, была его лейб-гвардией и следовала за ним в церемониальных выходах. Самое слово аколуф находится в очевидной связи с этим значением подчиненного ему отряда. Но ничто не мешало начальнику императорских телохранителей получать время от времени команду и над всеми иностранными силами, а иногда и над всею византийской армией. В 1053 году аколуф Михаил был вызван с запада и отправлен в Иверию против Сельджуков. Прибыв в Азию, он, прежде всего, собрал Франков и Варангов, рассеянных в Халдии и Иверии: ος ἐκεῖ γενόμενος καὶ τοὺς διεσπαρμένους ἐν τε Χαλδίᾳ καὶ Ἰβηρίᾳ Φράγγους καὶ Βαράγγους ἀνηρόως (Cedren. II, 606). Это место едва ли требует каких-либо новых замечаний. Ясно, что Варяги, собираемые Михаилом, — или те же самые, которые вызываемы были из Азии в 1050 году, или ж это другие, оставшиеся на месте, когда большая часть их товарищей ушла в Европу сражаться с Печенегами. В том и другом случае Халдия и Грузия являются постоянным местопребыванием Варягов, а они сами являются простыми защитниками византийских пограничных областей, а вовсе не императорскою лейб-гвардией.

В 1056 году, в царствование Михаила Стратиотика, произошло восстание со стороны одного вельможи, гордого своим родством с покойным Константином. Феодосий, как звали претендента, разломав двери государственной тюрьмы, освободил заключенных и бросился с ними на императорский дворец. Но восстание скоро сделалось известным евнухам. /104/ «Воины, содержавшие стражу во дворце, Греки и Варанги, — вооружились. — Феодосий, узнав об этом, оставил дворец в стороне и вместо того направился в великую (Софийскую) церковь; он надеялся, что патриарх и клир примут его с [322] удовольствием, соберется

много народа, и провозгласят его императором. Но случилось совершенно наоборот». У византийского писателя, который рассказывает все это, прибавлено совершенно неожиданное объяснение к слову Варанги. «Варанги, по происхождению Кельты, служащие по найму у Греков»: οἱ φυλάσσοντες ἐν τῷ παλατίῳ στρατιῶται Ῥωμαῖοί τε καὶ Βάραγγοι (γένος δὲ Χελτικὸν οἱ Βάραγγοι μισθοφοροῦντες Ῥωμαίοις) καθοπλίζονται (Cedren. II, 613).

Нельзя отрицать, что это место с первого взгляда совершенно противоречит тем заключениям о национальном составе варяжской дружины, какие нами были сделаны выше. Но нельзя также отрицать, что объяснительная заметка к имени Варангов на том месте, на котором она стоит, представляется в высшей степени странною. Разве в первый раз приходится Кедрину говорить о Варангах? Три раза это имя встречалось ранее в его компилятивной хронике, и ни один раз не оказывалось потребности объяснить его. Положим, первое упоминание о Варангах 1034 года могло быть уже забыто, так как оно находится далеко позади. Но о Варангах 1053 года речь шла только что на одном из предыдущих листов.

Мы знаем, что Кедрин, компилятор XII века, в этой части своей хроники рабски копирует сочинение Иоанна Фракисийского (Скилицы). Самое естественное предположение было бы то, что глосса, противоречащая всем историческим данным XI столетия, принадлежит Кедрину, и прибавлена им с точки зрения своего времени. Почти механически списывая страницу за страницей, Кедрин мог забыть, что, если слово Варанги требовало объяснения, то место этому объяснению было гораздо раньше, а не здесь, под 1056 годом. Но, по-видимому, глосса принадлежит самому Скилице. По крайней мере, она читается в старинном венецианском переводе Скилицы на латинский язык, который был сделан Баптистой Габием (*Historiarum Compendium a Ioanne Curopalate Scillizae (sic) conscriptum et nunc recens a Ioanne Baptista Gabio e Graeco in Latinum conuersum. Venetiis, 1570*). Соответствующее вышеприведенному греческому отрывку место здесь читается так: cito milites in /105/ palatii custodia dispositi Romani et Barangi (sunt autem [323] Barangi Celtica natio) mercede Romanis inseruientes, instruuntur (лист 123 на обороте). Кроме некоторой неисправности перевода, что встречается в виде еще более осязательном и в иных местах, мы не находим здесь никакого отличия от греческого текста Кедрина. Но вопрос этим еще окончательно не решается. Иоанн Баптиста Габий, как он сам объясняет в предисловии, переводил Скилицу по рукописи, подаренной кардиналу Антонию Амулио, его покровителю, вице-королем Сицилийским Мединою (Сидонием), но делал

при этом сличения с другим экземпляром сочинения, находившимся в Ватиканской библиотеке. Очень может быть, что этот второй экземпляр представлял Скилицу, переделанного или, лучше сказать, переписанного Кедриним, так что и у Габия глосса происходила бы от Кедрина. Вот один из случаев, в котором будет полезно издание подлинного греческого текста Скилицы, обещанное Сафой. Очень возможное дело, что там или не будет этих кельтических Варягов, или вместо Кельтов явятся секироносцы. Есть признаки, заставляющие думать, что Кедрин, редижируя Скилицу для своего издания, делал некоторые изменения в тексте, навеянные и подсказанные чтением Пселла. А у Пселла Варяги называются то секироносным родом, то щитоносным: τὸ γένος ὅσοι τὸν πέλεκυν — κραιναίνουσι (р. 105), τοῦτο δὲ γένος ἀσπίδοφόροι σύμπαντες (р. 281). Не следует ли читать в данном месте Кедрина: γένος δὲ πελεκυφόρων οἱ Βάραγγοι вместо γένος δὲ κελτικὸν οἱ Βάραγγοι? По способу написания оба предложения очень близки, особенно если мы будем иметь в виду греческую палеографию и то, что окончание ον в рукописях обозначалось только надстрочным знаком. Можно, конечно, допустить и другое объяснение, именно, что Скилица, писавший при Алексее Комнине (р. 739), сделал прибавку с точки зрения своего времени, когда действительно в составе варяжского корпуса и, особенно, в теснейшей варяжской дружине (лейб-гвардии) произошли изменения, могущие оправдать его выражение. Но тогда поразительна будет непоследовательность или невнимательность Иоанна Фракисийского. Мы далее увидим, что в других местах он ставит выражение Варанги взамен «Русских», стоящих в его [324] источнике, а потом сам объясняет, что внешние и дворцовые Варяги — одноплеменного происхождения. На основании последнего выражения, вполне соответствующего уже приведенной фразе Пселла о «части наемников-союзников», мы затрудняемся /106/ прибегнуть здесь к тому толкованию, которое, по-видимому, было бы всего естественнее: то есть, что Кедрин или Скилица понимают здесь только лейб-гвардию, которая могла состоять из Кельтов, и отличают ее от Варягов в обширном смысле, которыми были Тавроскифы. Может быть, всего проще в словах: «γένος κελτικὸν οἱ Βάραγγοι» видеть позднейшую глоссу, внесенную каким-либо переписчиком. Во всяком случае, эти слова не могут быть употреблены в пользу скандинавского состава варяжской дружины; одинаково трудно допустить как-то, чтобы Византийцы называли Кельтами Скандинавов, так и то, что они причисляли к Кельтам Русских. У Анны Комниной слово Кельты встречается постоянно, но оно обозначает Французов, французских южно-итальянских Норманнов; у других, нередко, оно означает и Немцев

Германской империи: Hamartol. p. 900 ed. Mur. Sp. Choniat. p. 342.

Михаил Стратиотик царствовал недолго. В июне 1057 года поднялось против него восстание, более опасное, чем безумная попытка Феодосия. История заговора византийских генералов и военный переворот, возведший на престол Исаака Комнина, рассказаны весьма подробно Кедриным (= Скилицей) и особенно Пселлом, который был очевидцем и участником в самых важных моментах византийской революции. Восстание было чисто военное, и все роды войск так или иначе играли в нем свою роль, так что именно здесь можно изучать состав византийской армии и отношения ее частей. Во-первых, мы находим на знакомом нам месте, именно в Халдии, на границе армянской, два полка Франкские и один русский, расположенные здесь на зимовку: δύο τάγματα Φραγγικὰ καὶ Ῥωσικὸν ἐν ἐπιχωριάζοντα τῷ τόλῳ πρὸς παραχειμασίαν (Cedren. II, 624). Один из главных заговорщиков смотрел на этих чужеземцев с большим опасением, считая их верными императору. Не прежде, как заручившись преданною ему силою в 1000 человек, Кекавмен (так звали византийского [325] генерала-заговорщика) решился открыть свои замыслы иностранцам. Он явился к ним с поддельным императорским указом и на основании полномочия, в нем выраженного, собрал в долине около Никополя (теперь Кара-Хисар) упомянутые три полка союзников — τὰ τῶν συμμάχων τρία τάγματα (Cedren. II, 625). Тут же были два полка местного греческого ополчения из Халдии и Колонии. Опять Кекавмен склонил в свою пользу сначала «греческие полки» (τὰ δύο Ῥωμαϊκὰ τάγματα) и потом уже стал действовать на иноплеменников (ἔπειτα καὶ τοῖς ἐξ ἔθνῶν προσήγαγε τὰς προσβολάς). Они /107/ оказались совершенно доступными обещаниям и соблазнам мятежника. Далее с такою же отчетливостью излагается Кедриным история отпадения других родов войска и перехода их на сторону Исаака Комнина. Только один род войска не упомянуть в этом рассказе, именно тот, который несомненно там должен был находиться, потому что находился там и в 1047 году, и в 1050, и в 1053: не упомянуты Варанги. Для нас это совершенно понятно: Варанги не упомянуты потому, что упомянуты Русские.

В конце августа (1057 года) Исаак Комнин со всеми восточными силами приближался к столице с другой стороны пролива. Что в это время делалось и предпринималось во дворце, мы с полною подробностью узнаем от Пселла. Занимая высокое положение при дворе и пользуясь полным доверием старого императора, Пселл советовал своему государю решиться на одну из трех мер: искренно сойтись с Исааком и разделить с ним власть, завязать дипломатические, то есть, лживые переговоры, дабы

выиграть время, или же, наконец, собрать полки, стоящие на западе, обратиться к соседним варварам с просьбой о союзной помощи, (таким образом) подкрепить оставшиеся на стороне его наемные (иностранные) силы, и поставить во главе храброго вождя. Вообще интересный, совет Пселла важен для нас в том отношении, что из него обнаруживается вполне синонимическое употребление слов *συμμαχία* (в конкретном значении, то есть, — *συμμαχικόν*) и *ξενική* (союзники и наемники): *συμμαχίας τε παρὰ τῶν γειτονούντων βαρβάρων ἐπικαλέσασθαι καὶ τὰς παρ' ἡμῖν ξενικὰς δυνάμεις κρατῦναι* (р. 214). А так [326] как мы под тем и другим термином находили прежде Русских, то и теперь должны думать, что помимо того русского полка, который стоял в Азии, были другие русские отряды, оставшиеся на западе и сохранившие верность Михаилу VI (но нуждавшиеся в подкреплении).

Они и в самом деле являются в дальнейшем ходе истории. Стратиотик избрал последнее из предложений Пселла, и вскоре произошло сражение — неподалеку от Никеи. В схватке, решившей вопрос о престоле в пользу претендента и узурпатора, сам он едва не потерял жизни. Несколько человек из западного лагеря заметили в середине врагов самого Исаака, не более как в числе четырех человек бросились на него со своими копьями и, хотя не успели нанести ему вреда, но своими /108/ копьями, устремленными с разных сторон, сжали его так, что он с трудом мог освободиться: *τοῦτον γοῦν ἔνιοι τοῦ καθ' ἡμᾶς στρατοπέδου ἑωρακότες, ἦσαν δὲ τῶν περὶ τὸν Ταῦρον Σκυθῶν τῶν τεττάρων οὐ πλείους, τὰ δόρατα κατευθύναντες ἐπ' αὐτὸν ἐξ ἑκατέρας πλευρᾶς ὤσαντο...* (р. 216).

Победа осталась на стороне Исаака. Стратиотик, совершенно упав духом, теперь, когда уже было поздно, решился исполнить второй совет Пселла и просил его принять на себя посольство к Комнину. Философ Пселл, очень хорошо понимая неудобство и опасность предлагаемой ему роли, старался отклонить от себя высокую честь и уступил только настоятельным требованиям своего государя, который называл его своим другом. История этого посольства в настоящее время может быть читаема в весьма подробном и занимательном рассказе самого Пселла (р. 217–227). Прибыв в лагерь, расположенный в окрестностях Никомидии, он был отведен к царской палатке узурпатора. «Палатка была окружена большою массою вооруженного народа: одни из них были опоясаны мечами, другие потрясали на плечах тяжелыми железными секирами, третьи держали в руках копья» (р. 220: *οἱ μὲν ξίφη περιεζώννυντο, οἱ δ' ἀπὸ τῶν ὤμων ῥομφαίας βαρυσιδήρους ἐπέσειον, καὶ ἄλλοι δὲ δόρατα ἠγκαλίζοντο*). Когда поднялся занавес громадной палатки, способной вместить в себе целый лагерь и все

наемные силы, пред изумленными глазами Пселла открылось величавое зрелище. [327]

Исаак Комнин сидел на императорском троне, который был приподнят на воздухе и блистал золотом. Вблизи трона стояли приближенные и составляли несколько кругов, постепенно удаляющихся, опоясывающих друг друга. «Тесный и более короткий круг состоял из ближних людей; это были первейшие лица из самых лучших фамилий, изображавшие собою полный образ героического величия и представлявшие образец наилучшего порядка для других следующих за ними. Их опоясывал второй круг, щитоносцы первых и ближайшие их помощники. — За ними следовали беспоясые и свободные (οἱ ἄζωνοι καὶ ἐλεύθεροι), и наконец, после этих — союзнические силы, которые пришли к ним от иноплеменников, то есть, Итальянцы и Тавроскифы. Они были страшны и видом своим и наружностью; те и другие имеют светло-голубые глаза, но одни подделывают цвет (краску) и обнажают поверхность своих щек (то есть брились), другие сохраняют это в природном виде; одни ужасны в натиске, легкоподвижны и стремительны, другие яростны, но медлительны; одни неудержимы в /109/ первом порыве их нападения, но скоро насыщают свою страстность, другие же не так стремительны, но зато не щадят своей крови и презирают свои раны (буквально: не обращают внимания на куски мяса, то есть, теряемые в сражении). Они (то есть, Итальянцы и Русские) заключали собою цикл кругов, нося продолговатые копья и с одной стороны заостренные топоры; но последние они опирали на своих плечах, а древки копий протягивали с той и другой стороны вперед и (таким образом) как бы осеняли кровом промежуточное пространство».

Большой интерес и важность этого описания требуют, чтобы мы привели его в подлиннике, несмотря на некоторую длину, тем более, что сочинение Пселла еще не успело достаточно распространиться.

κύκλοι δὲ περὶ αὐτὸν πλείστοι περιεστῆκεσαν, ἀλλ' ὁ μὲν ἀγχοῦ καὶ βραχύτερος τοῖς πρώτοις περιελίττετο' ἄνδρες οὗτοι τῶν τε καλλίστων γενῶν τὰ πρῶτα καὶ τῆς ἠρωικῆς οὐδὲν ἀπεοικότες μεγαλειότητος, εἰστήκεσαν δὲ ὑποδείγματα τοῖς μετ' ἐκείνους, τῆς κρείττονος γενόμενοι τάξεως τούτους δὲ χορός περιεκύκλου ἕτερος, ὑπασπισταὶ τούτων καὶ πρωταγωνισταί, ἔνιοι δὲ καὶ τοὺς ἐφεξῆς ἀνεπλήρου [328] λόχους, οἱ δὲ καὶ ἡμιλοχῖταί τίνες ἦσαν τῶν πρώτων, καὶ πρὸς τῷ εὐωνύμῳ κέρατι ἕστασαν τούτους δὲ περιεστεφάνου οἱ ἄζωνοι καὶ ἐλεύθεροι, μεθ' οὓς αἱ συμμαχικαὶ δυνάμεις ὅποσαι παρὰ τῶν ἔθνῶν αὐτοῖς παρεγένοντο, Ἴταλοί τε καὶ Ταυροσκύθαι, φοβεροὶ καὶ τοῖς εἶδεσι καὶ τοῖς σχήμασιν, ἄμφω μὲν γλαυκιῶντες, ἀλλ' οἱ μὲν τὸ χρῶμα ὑπονοθεύοντες, καὶ κατακενοῦντες τοὺς τῶν βλεφάρων ταρσοὺς, οἱ δὲ φυλάττοντες γνήσιον, οἱ μὲν

ἔμπληκτοι ταῖς ὀρμαῖς, εὐκίνητοι τε καὶ ὀρμητῖαι, οἱ δὲ μανικοὶ καὶ ἐπίσχολοι, κάκεῖνοι μὲν ἀνυπόστατοι τὴν πρώτην πρὸς ἔφοδον ὀρμὴν, ταχὺ δὲ τοῦ ὀξέος πιμπλάμενοι, οἱ δὲ ἦττον μὲν ἐφορμῶντες, ἀφειδεῖς δὲ τῶν αιμάτων, καὶ τῶν κρεῦλλίων καταφρονοῦντες. Οὗτοι γὰρ οὖν τὸν κύκλον τῆς ἀσπίδος ἐπλήρουν, ἐπιμήκη τε δόρατα φέροντες καὶ ἀξίνας ἑτεροστόμους' ἀλλ' ἐκείνας μὲν τοῖς ὄμοις ὑπῆρειδον, τοὺς δὲ τῶν δοράτων ἐκατέρωθεν ἐλεκτείνοντες στύρακας, τὸ μεταίχιμον, ἴν' οὕτως εἴπω, περιωρόφουν (p. 221 sq.).

Итак, союзные силы состоят теперь из Итальянцев (то есть, южно-итальянских Норманнов) и Русских. Но — что еще важнее — Итальянцы и Русские здесь прямо являются в том виде, в каком мы привыкли представлять себе Варангов по описаниям византийских авторов XII и следующих веков (Никита Хониат, Кодин): они окружают трон императора, составляют некоторого рода гвардию и вооружены топорами. /110/ Так как Франки не встречаются в настоящее время ^[97] (в XI и XII веках) в виде специальных секироносцев, то можно даже думать, что им принадлежат копья, а секиры — Русским, то есть, что собственно Варангами были только Русские. В высшей степени любопытна характеристика двух национальностей, сообщаемая таким наблюдательным философом и государственным человеком, каким был Пселл. В нравственном отношении Французы представляются нам с обычными признаками галльского характера, подвижными, стремительными только [329] при первом натиске, но при неудаче скоро ослабевающими. Русские отличаются более холодным, флегматическим темпераментом, более сдержанною и менее остывающею храбростью. С внешней стороны различие заключается в том, что одни обнажают поверхность (площадь) щек (τοὺς ταρσοὺς τῶν βλεφάρων: употребление βλεφάρων в этом значении указано в Thesaurus Этьеня) и, по-видимому, подкрашивают их, а другие этого не делают. Опять исконный галльский обычай; Цезарь говорит о Бриттах: omni parte corporis abrasa, praeter caput et labrum superius. Известно также изображение Кельта на Риминийской бронзе (aes Ariminium): гладко выбритое лицо с большими усами на верхней губе. В таком же образе явился пред Византийским двором в начале XII века Норманнский князь, герой первого крестового похода — Боэмунд Тарентский. Цесаревна Анна, тщательно описывая его наружность и цвет его волос, сожалеет о том, что не может определить, какой краски была его борода, потому что (по его щекам и подбородку) тщательно прошла бритва: τὸ δὲ γένειον εἴτε πурсόν εἴτε ἄλλο τι χρῶμα εἶχεν, οὐκ ἔχω λέγειν ὁ ξυρός γὰρ ἐλεξῆλθεν αὐτὸ καὶ τιάνου παντὸς ἀκριβέστερον (Alexiad. XIII, 10 p. 404 B ed. Paris). Мы не совсем понимаем, что значит у Анны упоминание об извести или гипсе (τιάνου). Быть может, здесь

заключается намек на тот блестящий голубой (caeruleus) состав (vitrum), которым, по описанию Цезаря, намазывали себя кельтские Бритты для внушения страха неприятелям во время сражения: ^[98] тогда и слова Пселла о поддельной краске будут для нас ясны. Если мы сравним описание норманнского героя, Боэмунда, с изображением наружности русского героя, то есть, Святослава, у Льва Диакона, то характеристика Пселла станет для нас еще более ясною: Святослав имел густые брови, голубые глаза, редкую бороду и т. д. (IX, 11, p. 156 sq.). Πεζομαχία, πύρρη κόμη, γλαυκίωντες ὀφθαλμοί — общие признаки Тавроскифов (ibid, p. 150, 10).

Не следует думать, что церемониал, которым окружил себя **[330]** Исаак Комнин, имел какой-либо необычайный характер, соответствующий революционному положению узурпатора, и что Тавроскифы и Норманны занимали здесь чужое место только потому, что они были сообщниками Исаака с самого начала его похода. У Пселла (p. 105) есть другое описание придворного византийского чина, относящееся ко времени императриц Зои и Феодоры (1042 г.) и опущенное нами для настоящего более удобного случая. Из этого описания видно, что и тогда, при двух совершенно законных, то есть, признанных и венчаных императрицах — было тоже самое, что после при Исааке Комнине. «Образ царской власти для двух сестер был тот же самый, какой был в обычае при предшествовавших императорах. Они сидели обе на царском седалище на одной как бы линии, немного уклоняющейся к Феодоре, а вблизи находились жезлоносцы и копьеносцы и люди племени тех, которые потрясают секирою на правом плече. Далее внутри за ними то, что имело наибольшее благорасположение, и те, которые отправляли подлежащие им дела. Окружала их (то есть, императриц) и другая копьеносная стража, имеющая второе место, как более верная; все при этом стояли со страхом, опустив глаза в землю. После них первосоветники (ἡ πρώτη βουλή) и чин избранный, а затем — получившие второй и третий классы» (то есть, патриции и члены синклита, συγκλητικοί у Константина Багрянородного): καὶ ἀγχοῦ μὲν οἱ ῥάβδοῦχοι καὶ ξιφηφόροι καὶ τὸ γένος ὅσοι τὸν πέλεκυν ἀπὸ τοῦ δεξιοῦ ὤμου κραδαίνουσι τούτων δὲ ἐνδοτέρω μὲν τὸ ἀγαν εὐνοῦστατον καὶ οἱ διαχειριζόμενοι τὰ καθήκοντα περιεστεφάνου δὲ αὐτάς ἔξωθεν ἕτερα τις δορυφορία δευτέραν ἔχουσα τάξιν τῆς πιστοτέρας и т. д.

Здесь мы находим совершенно тот же самый придворный **/112/** чин, которым был после обставлен Исаак Комнин. Различие в описании состоит только в том, что в одном месте Пселл начинает исчисление отдельных групп или циклов от императора, а в другом идет от более отдаленного пункта к императрицам. «Племя (τὸ γένος), потрясающее секирами на

плече», очевидно — иностранцы и, без сомнения, те самые «наемники и союзники», которых «кормили во дворцах» византийские императоры Михаил V Калафат и его предшественники, и [331] которые не задолго пред тем Пселлом были упомянуты, то есть, Тавроскифы, прямо названные во втором описании. Слишком далеко повело бы нас сравнение обоих мест Пселла с описанием церемониального приема арабских послов к императорам Константину и Роману (около 945 года). Но мы имеем право сказать, что сличение в высшей степени подробного и даже мелочного описания церемонии, сохраненного нам самим императором Константином Багрянородным (*de cerimonia*. 1. II с. 15), с отрывками Пселла может служить хорошим комментарием к последним и полным доказательством совершенного консерватизма придворных византийских обычаев как при Зое и Феодоре, так и при Исааке Комнине.

Варанги далее упоминаются, но у одного только Скилицы (р. 644), в истории низложения с патриаршества знаменитого Михаила Кирулария. «Когда наступил праздник архангелов, патриарх удалился в одно из городских предместий; а император, опасавшийся, чтобы не произошло какого шума и смятения, ухватился за этот удобный случай и послал отряд военных людей, которые на общеупотребительном языке называются Варангами; они с позором стащили его с престола и, посадив на лошака, отвезли к Влахернскому берегу»: $\sigma\tau\acute{\iota}\phi\omicron\varsigma \sigma\tau\rho\alpha\tau\iota\omega\tau\iota\kappa\omicron\nu \acute{\alpha}\pi\omicron\sigma\tau\epsilon\acute{\iota}\lambda\alpha\varsigma$ (Βαράγγους αὐτοὺς ἢ κοινὴ ὀνομάζει διάλεκτος).

Способ выражения Скилицы не дает никакого права заключать, чтобы здесь под Варангами разумелись царские телохранители или лейб-гвардия: это, по его словам, просто военный отряд, $\sigma\tau\rho\alpha\tau\iota\omega\tau\alpha\iota$. К сожалению, ни Атталиота ни Пселл не передают нам никаких подробностей о низложении Кирулария. Только в похвальной речи последнего умершему патриарху есть немногие намеки, которые, впрочем, мало уясняют дело и могут быть отнесены как к отряду телохранителей, так и к простому военному отряду, посланному распоряжением, вышедшим из дворца. Пселл в вышеозначенном сочинении, напечатанном теперь Сафой (*Bibliotheca graeca*, IV, 368), /113/ говорит, обращаясь к слушателям: «Вы знаете эту осаду, заключение, оскорбительное пленение и позор; как мой Иисус, он (патриарх) не противопоставил толпе другую толпу, [332] меньшей — большую, то есть, толпе от дворца — толпу из города» ($\omicron\upsilon \pi\lambda\acute{\eta}\theta\epsilon\iota \pi\lambda\acute{\eta}\theta\omicron\varsigma \acute{\alpha}\nu\tau\iota\acute{\alpha}\xi\alpha\varsigma \acute{\epsilon}\lambda\acute{\alpha}\tau\tau\omicron\nu\iota \mu\epsilon\acute{\iota}\zeta\omicron\nu, \tau\tilde{\omega} \acute{\epsilon}\kappa \tau\tilde{\omega}\nu \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\omega\nu \tau\omicron \acute{\alpha}\pi\omicron \tau\tilde{\eta}\varsigma \pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\omega\varsigma$). И здесь противопоставляется только военная сила, солдаты, городскому населению, гражданам, и дворец, опирающийся на войско, — столичному населению, стоявшему за патриарха.

Что касается того, что войны, отправленные против Кирулария, назывались Варангами на общеупотребительном языке, то это выражение (ἡ κοινὴ διάλεκτος) само по себе вовсе не указывает на простонародный говор, на какое-либо искаженное простонародною речью слово. Здесь, разумеется, именно общераспространенный средне-греческий или византийский язык, которым говорили одинаково и во дворце и на улице, но которого ученый педантизм и чисто внешнее поклонение классической форме не допускали в литературном сочинении, имеющем притязания на красоту и изящество. Скилица хочет сказать только, что слово Варанги не классическое, не освященное древностью, а не то, чтоб это было слово искаженное или простонародное. Слово Русь, Ῥῶς, без сомнения, часто произносилось не только на улице, но и во дворце, а со времени патриарха Фотия и в храме, но тем не менее и это слово принадлежит только к общеупотребительному говору, ἡ κοινὴ διάλεκτος, классическое же, изящное выражение будет «Тавроскифы». Ταυροσκυθαί — , οὗς ἡ κοινὴ διάλεκτος Ῥῶς εἶωθεν ὀνομάζειν, пишет Лев Диакон (IV 6 р. 63, 9 ed. Bonn).

В 1066 году, когда судьба Англо-Саксов, также имеющих близкое отношение к последующей истории варяжского корпуса, решалась на полях Сенлака (Senlac), мы встречаем еще раз Варягов в южной Италии, как бы в доказательство того, что они и теперь не были только царскими телохранителями. В хронике Анонима Барийского отмечено под означенным годом прибытие в Бар-град, все еще остававшийся во власти Греков, какого-то Маврикия на судах с Варангами: *Mabrica cum chelandiis venit Bari cum Guaraugi* (Muratori V, 153). ^[99] [333]

Нужно думать, что Бари, центр византийской власти и влияния /114/ в южной Италии, главный военный пункт в борьбе с Норманнами, был таким же почти постоянным местом прохождения и постоя варяжских союзных сил, как и азиатская окраина в Халдии и Армении. Некоторые Варяги оставались здесь, по-видимому, навсегда, обзаводились домом и семейством и были основателями известных фамилий, разумеется, подвергавшихся в той или другой степени италиянизации. Таков был Гримоальд Варяжкин (*Grimoaldus de Guaragna, filius Guaragne*), играющий важную роль в городских смятениях города Бари в начале XII столетия (Muratori V, 155 sq.). Быть может, это близкое знакомство Варягов с Бар-градом не осталось без влияния и на русский Киев, на скорое установление праздника в память перенесения в Бар мощей Николая Чудотворца, похищенных у Греков Малой Азии (1088 г.). Тогда Бари был уже под властью Норманнов.

1-го января 1068 года вдовствующая после смерти Константина X

Дуки императрица Евдокия провозгласила своим мужем и вместе императором Романа Диогена. Это нарушало права, ее собственного малолетнего сына, Михаила Дуки, а также обещание, данное умиравшему первому мужу. Прямой протест против поступка Евдокии последовал со стороны Варангов. Скилица (р. 666) представляет факт в таком виде: «Диоген ночью был введен во дворец, обвенчан с императрицей и тотчас провозглашен императором тайно от всех сыновей императрицы. Тогда же, однако, было поднято большое смятение Варягами, которые не допускали у себя провозглашения Диогена вопреки общему решению (γίνεται δὲ παραυτίκα τάραχος παρὰ τῶν Βαράγγων πολὺς, μὴ ἀνεχομένων αὐτὸν φημίσαι παρὰ τὰ κοινῇ δόξαντα). Но сын ее (Евдокии) Михаил, появившись вместе с братьями, объявили, что случившееся совершилось с их согласия, и тогда они сами (Варяги), сейчас же одумавшись (μετατραπέντες), громкими и пронзительными голосами провозгласили Диогена императором».

Не лишнее заметить, что об этой минутной оппозиции Варягов говорит только один Скилица. Внимательный читатель легко убедится, что в истории Романа Диогена вообще и в [334] частности в истории его воцарения Иоанн Скилица Фракисийский находится в сильной зависимости от Атталиоты. В сущности, он копирует Атталиоту, сокращая его и слегка перефразируя. Но пять строк, относящихся к Варягам, составляют вставку, неизвестно откуда заимствованную и очень неловко /115/ вклеенную. Атталиота, сказав, что все приближенные императрицы без всякого сопротивления признали Диогена, потом делает такое замечание: «и, как оказалось на деле, не напрасно надеялись на него многие» (р. 101, 18 sq.). И Скилица, сообщив нам о сопротивлении Варягов, то есть, о том, что многие не хотели Диогена, необдуманно и рабски повторяет за своим господином (р. 666, 22 sqq.): «как оказалось из этого, не напрасно надеялись на него многие».

А мы из такого образчика можем почерпнуть надежду, что почтенный сановник императора Алексея Комнина не будет слишком много мудрствовать со своими источниками; благонадежно будет держаться своего основного текста, но зато — где вознамерится комбинировать его с другими попавшимися под руку сведениями, сделает это не всегда разумно и внимательно. Далее: Пселл в своей истории очень подробно описывает события той ночи, которая привела Романа Диогена на византийский престол; а что он хорошо знал все подробности дворцовых происшествий, в этом нет никакого сомнения, ибо он именно и был главным советником императрицы Евдокии и воспитателем ее сына. Между тем Пселл, сопровождавший Евдокию в спальню ее сына, присутствовавший при

объяснении матери с сыном и при той сцене, в которой юный Михаил признал мужа своей матери своим отцом и соимператором, ничего не говорит о какой-либо оппозиции с той или другой стороны.

Из этого не следует, что факт, сообщаемый Скилицей, должен быть отвергнут. Мы не можем только поручиться за то, что он действительно должен стоять на том месте и в той связи, в какой он стоял в представлении Скилицы, или, по крайней мере, в какой он очутился под его пером. Другими словами: нельзя сказать наверное, относится ли факт сопротивления Варягов к подробностям драмы, разыгравшейся внутри Влахернского дворца в ночь на 1-е января 1068 года, [335] или же он случился после того как во дворце уже все было решено, то есть, при объявлении нового императора армии. Следовательно, из вышеприведенного отрывка Скилицы невозможно сделать никакого вывода о положении Варягов в Византии и о том, о какого рода Варягах сейчас шла речь. Иначе мы признали бы, что в рассказе Скилицы о восшествии на престол Романа Диогена разумеются такие же дворцовые Варяги, как и в истории возмущения Феодосия против Стратиотика (см. выше).

Роман IV Диоген оправдал общие надежды в том /116/ отношении, что немедленно по восшествии на престол стал энергически готовиться к борьбе с Турками-Сельджуками, что именно и требовало и мужественного вождя, и напряжения всех сил империи. История азиатских походов героического, но несчастного императора прекрасно изложена спутником, секретарем и советником его, Михаилом Атталиотой. Другие только сокращают то, что мы можем читать у Атталиоты, и, прежде всего, таким образом, поступает много раз упомянутый Скилица. Только в самом начале своего повествования об этих походах Скилица обнаруживает легкое поползновение к самостоятельности. Вот его слова: «император вел с собою войско не такое, какое подобало императору Ромеев, но такое, какое доставляло (делало возможным) его время, то есть, Македонян, Булгар, Каппадокийцев, Узов и других случайно попавшихся иноплеменников, а сверх того — Франков и Варангов» (р. 668): ἔξ τε Μακεδόνων καὶ Βουλγάρων καὶ Χαλπαδοκῶν καὶ Οὐζῶν καὶ τῶν ἄλλως παρατουχόντων ἔθνικῶν, πρὸς δὲ καὶ Φράγγων καὶ Βαράγγων.

Далее Скилица буквально списывает, но этих сейчас приведенных слов нет в таком виде у Атталиоты. Мало того, Варанги вовсе не упоминаются Атталиотой во всей истории походов Романа, точно так, как не упоминаются и Узы. Откуда же взял свои точные сведения о составе армии Диогена наш Иоанн Фракисийский?

У Атталиоты нет общего перечисления составных частей хорошо

знакомой ему армии; но зато в рассказе о военных действиях эти части весьма отчетливо выступают на вид со всеми своими особенными, характеристичными чертами. Когда имеешь [336] перед глазами подлинник Атталиоты и сокращенную несколько в размере копию Скилицы, то видишь совершенно ясно, из каких именно строк Атталиоты позднейший компилятор составил свою общую характеристику византийской армии. На странице 102 у Атталиоты сказано, что Роман Диоген собрал свое войско в западных провинциях империи и в Каппадокии и, сверх того, призвал Скифов. Вместо «запада» Иоанн Фракисийский только поставил две главные европейские (западные) провинции, из которых больше всего набиралось византийского войска: Македонию и Булгарию, и удержал Каппадокийцев. Под Скифами Атталиота понимает тюркские племена, принятые в пределы империи, то есть, прежде всего, Печенегов, а вместе с тем и соплеменных им Узов: Скилица уже забыл /117/ о Печенегах и не только здесь, но и во всей истории похода систематически вместо Скифов ставит Узов, вместо общего — частное наименование, так как рассказ о принятии на византийскую службу Узов стоит в оригинале гораздо ближе к 1068 году, чем история поселения Печенегов в пределах империи. Далее следуют Франки: их Скилица мог для себя отметить, прежде всего, из того места Атталиоты, где уже говорится о военных действиях около Мелитины (Malatia), и где секретарь императора Диогена в первый раз упомянул об этих «кроволюбивых и воинственных людях» (Attaliot. p. 107, 13). Остаются теперь одни Варанги, имени которых вовсе нет на страницах первоначального историка. Но можно a priori догадываться, что Скилица нашел и Варягов у своего руководителя под каким-либо другим наименованием. До сих пор самый порядок, в каком Скилица разместил различные роды византийского войска, вполне соответствует тому порядку, в каком они постепенно выходят на сцену в повествовании Атталиоты. Варанги или соответствующее им наименование должны, поэтому стоять у Атталиоты, в ходе его рассказа, на последнем месте. Так это и будет. Через несколько страниц после того места, где Атталиота упомянул Франков, он рассказывает о взятии Византийцами города Иерополя (армянск. Менбедж, Mambeg', на северо-восток от Халепа или Веррии) и об упорном сопротивлении гарнизона мусульманского, державшегося в городской [337] крепости (акрополе). Эта крепость была взята при помощи одного местного жителя, родом из Антиохии, который умел без труда пробраться к акрополю, и овладел его воротами при помощи русского оружия: προσίόντος εὐμηχάνως τῆ ἀκροπόλει καὶ τὰς πύλας Ῥωσικοῖς ὄπλοις ἐν τῷ εἰσίειναι κατεσχηκότος τῆς ἀκροπόλεως (Attaliot. p. 110, 23 sq.). Не подлежит

ни малейшему сомнению, что своих Варягов Скилица нашел именно здесь, что вместо русских, упомянутых у Агталиоты, он считал естественным и позволительным поставить Варягов, точно так, как вместо Скифов он постоянно называет Узов; значит — в его глазах Русские и Варяги были одно и то же. Можно, конечно, догадываться, что под «русским вооружением», которое помогло при занятии ворот крепостных, Скилица разумел, как это и естественно, топоры, секиры, и что представление его о тождестве Русских с Варягами основано именно на этом признаке. Но что ж из этого? Этот признак, действительно, может служить доказательством тождества Варягов и Русских. Варангами называется у Византийцев особый род /118/ войска, вооруженный секирами, а по своей национальности это главным образом Русские, о которых мы действительно знаем, что они были вооружены топорами-секирами (см. выше у Пселла и у Льва Диакона).

Что Русские в самом деле играли не последнюю роль в походах Романа Диогена против мусульманских завоевателей — Турок, мы удостоверяемся в этом свидетельством того арабского историка, известия которого вообще отличаются поразительной точностью и правдивостью. Ибн-эль-Атир пишет, что армия Романа Диогена численностью доходила до 200 тысяч и состояла из Византийцев, Франков, Русов, Бажднаков (Печенегов), Арабов и Грузин (в подлиннике Курчь). ^[100] Русские [338] опять занимают то место, которое у Скилицы принадлежит Варягам. Далее, Ибн-эль-Атир заставляет Русских сражаться с Турками Альп-Арслана при Хелате (Хλίот, Khelat по-армянски), куда, как известно, Роман Диоген отправил значительный отряд от Манцикерта. «У Хелата (авангард Альп-Арслана) встретил предводителя Русов, сопровождаемого приблизительно десятью тысячами Византийцев. Они сразились, и были разбиты Русы, и был взят в плен их предводитель и был приведен к султану, и тот ему отрезал нос». Эль-Макин в соответствующем месте пишет: «Султан Альп-Арслан устремляется к Хелату навстречу Византийцам с 40000 всадников; против них вышел с большими силами один патриций, но султан победил их, взяв в плен самого предводителя, у которого он отрезал нос». Известие Атира, отчасти подтверждаемое Макином, для нас драгоценно; но, несмотря на высокие качества Багдадского астронома-историка, мы должны спросить себя, не противоречит ли он византийскому историку, современнику и очевидцу. У Агталиоты не говорится прямо о Русских, как участниках в роковых битвах при Хелате и Манцикерте. Но зато мы от него имеем подробные сведения о том, кто именно был под /119/ Хелатом, и кто под Манцикертом: оба пункта находятся в близком расстоянии один от другого.

Сначала отправлены были императором Романом к Хелату Узо-Печенеги (Скифы), а вслед за ними — Франки с их предводителем, знаменитым Норманном Урселем, впоследствии заступившим место Роберта Кренена. [101] Можно было на минуту подумать, что Урсель, называемый у Византийцев часто Руселем (Attaliot. p. 148, 22: Ῥουσέλιος), и есть тот предводитель Русов, о котором идет речь у арабских писателей, то есть, другими словами, можно было предполагать довольно грубое недоразумение, основанное на смешении имени Урселя с именем Русских. Такое объяснение можно бы подкрепить свидетельством Амата [339] Монте-Кассинского [102] о том, что Урсель действительно попался в плен к Туркам. Но все это было бы, однако, крайне шатко. Известие Амата о плене Урселя есть не более как ошибка, ибо оно противоречит свидетельству Атталиоты и притом вдвойне. Амаг говорить, что Урсель взят в плен Турками вместе с императором Романом в решительном сражении при Манцикерте. Но, во-первых, из Атталиоты мы видим, что Урсель не был под Манцикертом, а оставался под Хелатом, а во-вторых, византийские писатели прямо говорят, что Урсель ушел от плена (Attaliot. p. 148 sq., 185, а также 167; ср. Scylitz. p. 695). Пойдем далее. Атталиота говорит, что Роман Диоген, считая нетрудным делом осаду Манцикерта и не ожидая близкой опасности со стороны Турок, отправил, сверх Печенегов и Франков, к Хелату новые, еще более значительные силы, поручив их магистру Иосифу Траханиоту (у Скилицы Траханиоту): «В этом числе был значительный отряд пехотинцев; и вообще корпус, порученный Траханиоту, состоял из отборных и храбрейших воинов, занимавших обыкновенно передовые и самые опасные позиции во всех боевых стычках и сражениях». По своему количеству этот корпус превосходил число войска, оставшегося под командой императора пред Манцикертом. Атталиота тут же объявляет, каким образом Роман Диоген, после стольких походов, был все-таки в состоянии отделить такие /120/ значительные силы к Хелату. «В предшествовавших битвах Греки еще не доходили до такой крайности со своим императором, чтобы нужно было подвергать опасности и выводить в битву и его собственную часть, называемую обыкновенно сменой (τὴν αὐτοῦ μοῖραν, τὸ λεγόμενον συνήθως ἀλλάγιον); но в то время как остальные вперед захватывали себе победу, отряды, зависевшие непосредственно от императора и окружавшие его (οἱ τῷ βασιλεῖ περιартώμενοι λόχοι), оставались вне боевых схваток» (Attaliot. p. 149, 14-150, 1). Очевидно, здесь идет речь о какой-то [340] пешей императорской гвардии (но не о лейб-гвардии) или об отборных пеших полках, находившихся под

непосредственной командой императора. Значение слова «ἀλλόγειον» довольно темно; [103] но из позднейших примеров мы видим, что царская «смена» состоит из иностранцев. Мы думаем, что именно в этой отборной пехоте, отправленной к Хелату, и нужно искать тех Русских, о которых говорится у Ибн-эль-Атира. Только при этом не следует в начальнике Русов, взятых в плен, видеть самого Траханиота, потому что и он вместе с Урселем избежал такой беды (Attalios. p. 158. Scylitz. p. 695).

Варяги еще раз являются на сцену в трагической истории Романа Диогена и косвенным образом способствуют ее ужасной развязке. Роман Диоген, как известно, был освобожден из плена султаном Альп-Арсланом, но только для того, чтобы найти более жестоких и безжалостных врагов в своем отечестве. В его отсутствие власть захватили родственники: дядя (кесарь Иоанн) и двоюродные братья Михаила VII Дуки; да и сам Михаил VII, по совету своего наставника и руководителя Пселла, не хотел более делиться престолом с мужем своей матери. Слух об освобождении Романа и о возвращении его на царство произвел смятение и ужас во дворце. Юный император Михаил принял решение, которое Пселл называет самым разумным. Посоветовавшись со своей фамилией, он убежал от матери, которая, конечно, подозревалась в расположении к мужу, и склонил на свою сторону придворную стражу. При этом случае Пселл объясняет нам, [121] кого нужно разуметь под стражей. «Это племя — все щитоносцы и они потрясают на своем плече некоторого рода секиру, с одной стороны острую и тяжеложелезную. Они дружно загремели своими щитами, подняли крик такой, какой только могли вместить их головы (закричали во всю голову), скрестили свои секиры и зазвенели ими, собрались кругом царя, [341] находящегося в опасности, и, обвинив его своим кругом, неприкосновенно отвели его в верхние комнаты дворца» (Pselli hist. p. 281 sq.).

Пселл, по обычаю, не употребляет здесь термина Варяги, но очевидно — понимает их. Нужно только заметить, что здесь он уже не называет своих секироносцев союзниками (συνμαχικόν, συνμαχικῶν δυνάμεις), как это делал прежде, но прямо указывает на их дворцовое значение, характеризует их как телохранителей императорских; то есть, здесь у Пселла несомненно идет речь о варяжской дружине в тесном смысле слова. Является следующий вопрос: как представлял себе Пселл отношение этой малой (варяжской) дружины к большому (варяжскому) союзному корпусу — по их племенному составу? Мы видели выше, что Пселл смотрит на лейб-гвардию, сопровождающую императора при выходах, как на малую часть иностранного наемного корпуса. И здесь мы должны предполагать такое же точно представление у Пселла, потому что нет никакого основания для

противного. В настоящее время (1071 год) союзный византийский корпус состоит из Русских и Франков (то есть, французских Норманнов): нужно думать, что они же входят в состав и лейб-гвардии, то есть, и здесь понимаются те Тавроскифы и Итальянцы, которые окружали Исаака Комнина с теми же самыми секирами и щитами (см. выше). Правда, около этого же времени появляются упоминания и о Немцах, но почти нет никаких указаний, чтоб они когда-либо входили в состав собственно варяжских дружин. Да и самые Франки постоянно отличаются от Варягов, так что несомненными членами лейб-гвардии остаются одни Тавроскифы.

По-видимому, иначе, чем Пселл, представлял себе эти отношения Никифор Вриенний, муж цесаревны Анны Комнины и автор плохого неоконченного исторического сочинения, имеющего целью доказать законность престолонаследия в династии Комнинов и прославить подвиги недавно умершего (в 1118 г.) основателя ее, Алексея I. По его словам (р. 45), секироносцы, под защиту которых прибежал Михаил Дука, происходили «из варварской страны вблизи океана и отличались издревле /122/[342] верностью византийским императорам». Слова Никифора о варварской стране, соседней с океаном, сами по себе довольно неопределенны и могли бы относиться даже к Французским Норманнам, которые чрез южную Италию наплывали в Византию. Но они слишком напоминают способ выражения, усвоенный писателями XII века для обозначения тогдашних Варягов с острова Фулы, то есть, английских или британских Варягов, так что всего вероятнее — и Никифор Вриенний имел в своем уме этих последних секироносцев. Но тогда он положительно ошибался и делал, хотя естественный и обычный, но грубый анахронизм. Во всяком случае, в продолжение 50 или 60 лет многое могло измениться, и потому Никифору Вриеннию следовало, рассказывая о давнопрошедших временах, точнее держаться своих источников, хотя и не так буквально переписывать их, как он это делает. Теперь, когда история Пселла находится у нас в руках, мы видим, что муж знаменитой и ученой Анны, восхваляемый ею за большое литературное образование, выписывает у философа без зазрения совести целые страницы, желая, однако, сохранить вид и наружность самостоятельного писателя. Этого он думает достигнуть довольно дешевыми средствами, именно анахроническими вставками, в роде вышеприведенной, и мелкими стилистическими изменениями подлинника. Вот пример, который служит, кстати, подлинным текстом к вышеприведенным отрывкам Пселла и Вриенния:

Пселл, р. 281 sq.

ὁ βασιλεὺς Μιχαήλ...

τοὺς περὶ τὴν αὐλὴν φύλακας οἰκιοῦται· τοῦτο δὲ γένος ἀσπιδοφόροι σύμπαντες καὶ ῥομφαίαν τινὰ ἀπὸ τοῦ ὤμου ἑτερόστομον καὶ βαρυσίδηρον ἐπισειόντες· κτυπήσαντες γοῦν τὰς ἀσπίδας ἀθρόον καὶ ἀλαλάξαντες ὅσον ἐχώρουν αἱ κεφαλαὶ τὰς τε ῥομφαίας πρὸς ἀλλήλους συντρίψαντές τε καὶ συνηγήσαντες, ἐπὶ τὸν βασιλεύοντα ὡς κινδυνεύοντα συνανίασι καὶ χορὸν περὶ αὐτὸν ἐλίξαντες ἀθιγῶς ἐπὶ τὰ ὑψηλότερα τῶν ἀνακτόρων ἀναγουσιν.

Вриенний, ρ. 45, 10 sqq.

τοὺς περὶ τὴν αὐλὴν φύλακας εὐθὺς οἰκιοῦται· τοῦτο δὲ τὸ γένος ὄρμητο ἐκτῆς βάρβαρου χώρας τῆς πλησίον ὠκεανοῦ, πιστὸν δὲ βασιλεῦσι Ῥωμαίων ἀρχῆθεν, ἀσπιδοφόρον ξύμπαν καὶ πέλεκύν τινα ἐπὶ ὤμων φέρον. — οἱ δὲ περὶ τὸν καίσαρα κτυπήσαντες τὰς ἀσπίδας ἀθρόοι καὶ βαρβαρικὸν ἀλαλάξαντες τὰς τε ῥομφαίας πρὸς ἀλλήλων συντρίψαντές τε καὶ συγκροτήσαντες περὶ τὴν βασιλίδος ἐχώρουν σκηνήν. [343]

XI. Прямые доказательства существования Варяго-Руси в XI веке

Мы разобрали значительное количество мест и отрывков /123/ у византийских писателей, где, так или иначе, упоминаются Варяги. Отдавая при этом, согласно с законами критики, преимущество первоначальным и современным источникам пред позднейшими и несамостоятельными, мы нашли, что большая часть приведенных нами мест, при взаимном их сопоставлении, указывает на тождество варяжского и русского корпуса, и что другие места, которые на это не указывают, уже ничего не указывают, ничего не говорят ни за ни против той или другой предполагаемой национальности Варягов. Не знаем, в какой степени наши соображения и толкования покажутся убедительными для других. Во всяком случае, несомненно то, что ни в одном из византийских, а равно и южно-итальянских упоминаний о Варягах не содержится ни малейшего намека на их скандинавское происхождение, не исключая даже Никифора Вриенния, свидетельство которого относится к XII веку и сейчас оценено нами по достоинству. Скандинавизм Варангов, правда, и доказывался всегда не столько византийскими источниками, сколько исландскими сагами. Но мы знаем ценность этого свидетельства и думаем, что вопрос об авторитете саги можно считать решенным. Далее, мы до сих пор не нашли ни одного места — и несомненно, что нельзя найти такого места, — в котором Варяги противопоставлялись бы Руси, состоящей на византийской службе, где Русь и Варяги прямо отличались бы между собою; потому что ни в одном из приведенных мест Русские не поставлены наряду с Варягами, а есть только такие случаи, что где у одного писателя стоят Русские, там у другого стоят Варяги. На наш взгляд, это последнее обстоятельство имеет очень большой вес, но нельзя ручаться за то, что оно будет иметь такой же вес в глазах ученых, сроднившихся с другим воззрением. Обыкновенно такого рода [344] доказательства сильно действуют только тогда, когда их имеешь пред глазами во всей наглядности. Мы не могли, например, выписывать по нескольку страниц из Пселла и Вриенния, из Атталиоты и Скилицы для очевиднейшего доказательства, что один из них рабски копирует другого, и что прибавки, делаемые позднейшим компилятором, имеют /124/ большей частью такую же цену, как и его убавки и пропуски. А между тем, многое в нашем исследовании построено на изучении взаимного отношения между

источниками. Это одна черта, которою наше рассуждение о Варангах отличается от многих других, касающихся того же вопроса. Другая — состоит в том, что мы обращали внимание не только на одно упоминание или употребление имени Варанг и Вэринг у писателей, а также и на реальную обстановку явления, на реально-исторические соотношения, в сопровождении которых выступают на сцену Варанги или Вэринги. Наконец, третье, самое важное, хотя и случайное отличие состоит в том, что нам первым пришлось воспользоваться новыми источниками для византийской истории XI века, Пселлом, изданным только в 1874 году, да, отчасти, и Атталиотой. Все это объясняет возможность нового решения вопроса, которое мы предлагаем. Родоначальники скандинавской теории происхождения Варягов не имели в руках Атталиоты, изданного только в пятидесятых годах настоящего столетия. Это, правда, несколько не может быть считаемо вредным в истории науки, так как Атталиота мог бы только послужить новым отличным подкреплением скандинавизма Руси и Варягов до самого конца XI века. Но следует пожалеть, что никто из новейших исследователей, отвергающих существование Руси скандинавской в XI веке, не изучал надлежащим образом названного писателя. Иначе не было бы возможности утверждать, что Византийцы постоянно отличают Русь и Варягов: именно у Атталиоты, который, наряду с Пселлом, есть главнейший и лучший источник для XI столетия, Варяги и Русь — одно и то же, синонимы. Мы приводим отрывок, служащий прямым доказательством этой истины, составляющей основную тему нашего исследования. Атталиота, как современник и очевидец, подробно рассказывает о [345] последних днях царствования Михаила VII Дуки и о двух восстаниях, поднявшихся против него одновременно в Азии и Европе. Во главе европейского восстания стоял Никифор Вриенний (отец одноименного писателя), провозгласивший себя императором в Диррахии (Драче) и направившийся с своими приверженцами к Адрианополю (начало ноября 1077 года). Брат его Иоанн успел склонить на сторону возмущения часть военных сил империи, расположенных в западных (то есть, европейских) ее провинциях; в этом числе было большое количество Франков и Варангов (Attaliot. p. 242): τινὰς τῶν ἑσπερίων δυνάμεων εἰς τὴν ἰδίαν ἐπίβουλήν καταρτίσας, μεθ' ὧν ἦσαν Βαράγγων καὶ Φράγγων πλῆθη πολλά. Ср. Scylitz. p. 727, 10. Итак, еще раз Варяги являются /125/ нам не телохранителями царскими, а иностранным корпусом, расположенным в провинциях. Сверх того, мы сейчас увидим, что в то же время Варяги находятся и в столице, оставаясь верными императору Михаилу. В начале 1078 года Иоанн Вриенний со своим войском сделал неудачную попытку

против Константинополя и отступил к городку Афиру (Attalios. p. 252, 19: τὸ τοῦ Ἀθύρα πολίχνιον), при заливе, образуемом устьем реки или потока того же имени (теперь Кучук-Чекмадие), в четырех или пяти часах от столицы (Ср. Agath. histor. V, 14 p. 158 С ed. Paris.), где он распустил на зимовку большую часть своей армии. В Константинополе сделалось известным, что брат Никифора Вриенния стоит в Афире вполне спокойно и небрежно; решено было воспользоваться его беспечностью и захватить его в плен. Во главе экспедиции поставлены были президента (πρόεδρος) Алексей Комнин, будущий знаменитый император, и храбрый Франк Урсель, который недавно сидел в тюрьме за измену, а теперь в виду опасности был освобожден и дал самые страшные заклęcia быть верным Михаилу VII. Участвовали в экспедиции Варяги, которые должны были напасть с моря, и военные люди Алексея и Урселя. Следует рассказ Атталиоты (p. 253, 21 — 255, 1): «Русские корабли, получившие приказание напасть с моря, подали знак воинам на суше, чтоб они ранее утром в одно [346] время с ними (Русскими) подступили к Афиру, заперли там внутри противника со всеми его сообщниками и, вступив с ним в бой, оборотили его (к морю) и, таким образом, загнали бы всех как бы в сети под руку их самих (Русских), от которой враги найдут плен или убийство. Это был план ясный, стратегический и обещающий хороший улов добычи (τοῦ θηράματος σύνοχος). Но в своем исполнении, не будучи вполне соблюден, он погубил плоды победы. В одном и том же месте собрались сухопутное и морское войска; но воины сухопутного отряда, отправившись вперед к городку, уклонились со своего пути, заметив каких-то Македонян, расположившихся в отдалении на полях, и желая захватить их: их они не поймали и промахнулись в своей попытке, да и с Варягами не успели соединиться, когда те подступили к Афиру (как было условлено). Между тем Варяги все-таки, разломав ворота, проскочили (проникли) внутрь городка и еще ранним утром бились полным боем (πανόπλοις ἐπιφοραῖς) с приверженцами Вриенния. Но последние, будучи конниками, сели на лошадей и устремились в бегство. /126/ Так как на сухом пути (то есть, со стороны суши) не было видно военных людей, которые могли бы встретить их (то есть, преградить отступление), то они избегли гибели. Позже явился Урсель вместе с председателем Алексеем и погнались сзади, но когда они хотели продолжать преследование и уничтожить большое число противников, потрясенных страхом и бегущих без оглядки, то не нашли послушания у собственных воинов, так как они боялись исхода (этой погони). Несколько Македонян все-таки пало в замке от Русских, а другие были взяты в плен (ими же), а равным образом и конниками»: Ῥωσικᾶ-

πλοῖα, τὴν ἀπὸ θαλάσσης παραγγελθέντα ἐπίθεσιν, σύνθημα παρέσχον τοῖς καὶ ἤπειρον στρατιώταις — συνήρχοντο — ἐν ταυτῷ τό τε πεζικὸν καὶ ναυτικὸν στράτευμα — οἱ τῆς πεζικῆς μοίρας στρατιῶταί — τοῖς δὲ Βαράγγοις οὐ συνεδύασαν, ὅτε τῷ Ἀθύρᾳ προσέβαλον. ὅμως δ' οὖν οἱ μὲν Βάραγγοι — τοὺς τοῦ Βρυεννίου κατηγωνίσαντο — ἔπεσον δὲ τίνες Μακεδόνες ἐν τῷ κάστρῳ (= πολυχνίῳ) παρὰ τῶν Ῥῶς, ἄλλοι δὲ ζῶντες ἠχμαλωτίσθησαν. (Ср. Scylitz. p. 730). [347]

Итак, вот, наконец, место, в котором Варяги прямо называются Русскими. С двух сторон решено было нападение на Афир: с моря и с суши. Морем отправились корабли русские, то есть, не те русские ладьи (σκάφη), на которых разъезжали по Черному морю Русские, а византийские суда, на которых были посажены Русские. Не знаем, нужно ли из этого отрывка заключать, что в византийском флоте была теперь постоянная специальная русская часть, как это было, по-видимому, до времен Константина Багрянородного. До сих пор Русские в нашем исследовании всегда являлись на суше; и теперь они называются морским войском (ναυτικὸν) только потому, что прибыли морем, точно так, как люди Урсея и Алексея названы πεζικὸν (собственно пехотою) только в смысле сухопутного войска. Во всяком случае, люди, прибывшие на русских кораблях, умеют сражаться на суше, разбивают ворота и сражаются полным боем с приверженцами Вриенния, то есть, с Греками Адрианопольской области, из которых главным образом состояла армия Вриенния. Сама фамилия Вриенниев была из Адрианополя (Anna Comnena, X, p. 274 ed. Paris.), в этом городе он был принят жителями с особенным восторгом (Attalios. p. 248), наконец, и в составе его войска прямо указаны Македоняне (Attalios. p. 246), а это точно также, как и в истории возмущения Торникия, означает жителей области, центром которой был Адрианополь. В то время, как люди, прибывшие на русских кораблях и названные /127/ потом Варягами, бились внутри городка, конный отряд Алексея и Франка Урсея напрасно терял время, гоняясь за другими Македонянами, расположенными не в самом Афире, а вдали от него на полях. Это дало возможность спастись «Македонянам» Афира, потому что Варанги не были конниками. Тем не менее, несколько Македонян еще в самом городке были убиты (ἔπεσον) и взяты в плен Русскими (Варангами) и потом подоспевшим, хотя поздно, конным сухопутным отрядом.

Атталиота употребляет выражения Русь и Варанги вполне синонимически. Это для нас в высшей степени важно не только потому, что так пишет бывший военный судья императора Диогена, участник походов этого императора, в которых он [348] превосходно изучил характер и состав

византийской армии, но еще по другой причине. В настоящее время изданы две новые грамоты, в которых упоминается о Варягах, и обе эти грамоты даны Атталиоте. Очень возможно, что они и писаны под диктовку Атталиоты, который при императорах, подписавших своими красными чернилами эти грамоты, был уже важным придворным сановником. Особенное употребление имени Варангов и Русь, как в этих, так и в других однородных грамотах, должно быть объясняемо в согласии с употреблением этих терминов в историческом сочинении Атталиоты.

Мы должны по порядку времени начать с хрисовула, данного в 1060 году императором Константином X Афонской лавре св. Афанасия. Согласно с просьбою монахов этого монастыря, Константин Дука подтвердил привилегии прежних государей и освободил имения лавры от всех податей и повинностей — государственных, земских, военных и таможенных — и от денежных сборов для Варягов — Руси, или Саракин, или Франков: λογαριακῆς εἰσπράξεως Βαράγγων Ῥῶς, ἢ Σαρακινῶν, ἢ Φραγγῶν (История Афона преосв. Порфирия, III, 1 стр. 186 изд. 1877 г.).

В 1075 году император Михаил VII, сын предыдущего Дуки, согласно с просьбою проконсула (анфипата) и верховного судьи (ἐπί τοῦ ἰπλοδρόμου καὶ τοῦ βήλου) Михаила Атталиоты, освободил его дом в городе Рэдесте (Родосто) и все его благоприобретенные имения в округе Фрако-Македонском (κατὰ τὸ θέμα Θράκης καὶ Μακεδονίας) от всяких податей и повинностей, /128/ и, между прочим, — от постоя военных властей как окружных (областных ополчений, поставляемых провинциями, или темами), так и строевых (регулярных); «еще же Руси Варягов, или Колбязгов, или Франков или Булгаров, или Сарацин, или каких других: ἐξκουσσευθήσονται δὲ καὶ ἀπὸ μιστάτου ἀρχόντων ταγματικῶν ἢ θεματικῶν, ἐπι τε Ῥῶς, Βαράγγων, ἢ Χουλπίγγων, ἢ Φράγγων, ἢ Βουλγάρων, ἢ Σαρακηνῶν, ἢ ἄλλων τινῶν (Sathas, Bibliotheca graeca t. I, p. 55).

В мае 1079 года новый император, Никифор Вотаниат, при котором Атталиота получил уже сан магистра и поручение написать историю последнего времени, дал новую грамоту [349] своему доверенному сановнику. Хрисовул освобождал от всяких податей и повинностей монастырь и богадельню, основанные Атталиотой в Рэдесте, которым он отдал свой дом и часть имений. В важной для нас части хрисовула повторяются почти буквально выражения грамоты Михаила VII: ἐξκουσσευθήσονται δὲ καὶ ἀπὸ μιστάτου ἀρχόντων ταγματικῶν ἢ θεματικῶν, ἐπι τε Ῥῶς, Βαράγγων, ἢ Χουλπίγγων, ἢ Φράγγων, ἢ Βουλγάρων, ἢ Σαρακηνῶν, καὶ ἄλλων τινῶν. (Sathas, *ibid.* p. 64).

Наконец, к 1088 году относится хрисовул Алексея Комнина, данный

Христодулу, монаху и ктитору монастыря на острове Патмосе. Сказанный монастырь освобождается «от постоа начальников регулярных и областных, отрядов греческих и иностранных, а также русских Варягов, Колбягов, Англиан (Англичан), Франков, Немцев, Булгаров, Сарацин, Алан, Обезов (Абхазов), бессмертных и остальных всех Греков и чужеплеменников»: ἀπὸ — μιτάτων ἀρχόντων ταγματικῶν καὶ θεματικῶν, ῥωμαϊκῶν τε παραταγῶν καὶ ἔθνικῶν ἐτι τε ρώσων, βαράννων, κουλπίννων, ἰγγλίνων, φράγγων, νεμίτζων — ἀθανάτων καὶ λοιπῶν ἀπάντων ῥωμαίων τε καὶ ἔθνικῶν. (Zachariae, Jus Graeco-latinum III, 373). В другом издании (Сакеллиона) читалось 'Ρώσων, Βαράγγων (см. у Гопфа: Geschichte Griechenlands vom Beginn des Mittelalters <Allgem. Encyklopadie herausg. von Ersch und Gruber, 1. Sect., 85 Th.>, стр. 149а).

При малочисленности и редкости византийских хрисовулов, каждое слово и каждая буква приведенных нами документов должны быть ценимы исследователем как величайшая драгоценность. Что мы в них замечаем относительно Варягов и Руси? Во-первых, во всех четырех грамотах слова Варяги и Русь стоят рядом, и, во-вторых, ни в одной из грамот между Варягами и Русью не стоит разделительной частицы или (ῆ), которою в трех грамотах отделяются члены /129/ предложения. Автор Истории Афона, у которого мы заимствовали отрывок первой грамоты, может, без сомнения, быть почитаем специальным знатоком греко-византийского языка, и он перевел слова Βαράγγων 'Ρῶς выражением Варяго-Россы. Мы с удовольствием подкрепляем свое мнение его авторитетом. В самом деле — почему частица или (ῆ) в трех первых [350] хрисовулах не следует тотчас за словом Варяги, а начинает повторяться только вслед за словом Русь? Если бы слово 'Ρῶς (Rhos) составляло особенный, отдельный член в разделении, или особую статью в перечислении, то юридическая точность жалованной грамоты и логическая правильность речи требовали бы разделительной частицы уже после первого члена, пред вторым, пред словом Русь. Так оно и бывает в тех случаях, где этому быть следует. Излишне было бы приводить примеры для этого, потому что нам пришлось бы выписывать страницы из «Василик» (Βασιλικὰ) для доказательства того, что естественно и необходимо само по себе. Желаящие иметь такие доказательства пусть прочитают внимательно, положим, самую грамоту Христодулу, и они найдут примеры на указываемое нами правило. Удовольствуемся, со своей стороны, напоминанием о другом правиле греческой грамматики, по которому имена народов часто ставятся совершенно как прилагательные при личных существительных (Krüger, Griechische Sprachlehre I § 57, 1, 4), как, например, в следующей фразе: οἱ

"Ἑλληνας πελτασταὶ ἔθεον ἐπὶ τοὺς πολεμίους (Ксенофонт). В нашем случае слову πελτασταὶ соответствует Βάραγγοι, равным образом обозначающие род войска и вооружения, а слову "Ἑλληνας — Ῥῶς: Ῥῶς Βάραγγοι. То, что слово Ῥῶς иной раз ставится впереди, а другой раз позади другого существительного, здесь ровно ничего не значит; и в вышеприведенном примере могло быть сказано οἱ πελτασταὶ "Ἑλληνας. Такое небольшое изменение в расстановке без окончательного разлучения обоих речений доказывает только то, что соединение их не случайно. Одним словом, Ῥῶς Βάραγγοι или Βάραγγοι Ῥῶς значит: Русь Варяги или Варяги Русь. Хрисовул 1088 года, отличающийся от других бессоюзием, нисколько этому не противоречит, как выражение Русские Варяги не противоречит выражению «Варяго-Русь». Запятые между Ῥῶς и Βαράγγων поставлены, само собою, разумеется, только издателями, по их собственному соображению и согласно с общепринятым доселе воззрением.

Любопытны также три раза упомянутые Колбяги — ибо, /130/ конечно, они разумеются под Кулпингами или Кулпиннами. Мы [351] не имеем побуждения пускаться в исследование о их происхождении. На первый взгляд слово Колбяги, Кулпинги всего скорее напоминает немецкое kolbe, которому в северном скандинавском языке соответствует kylfa или kylfi, дубина, κορύνη, ῥόπαλον; следовательно, Колбяги будут κορυνοφόροι, а может быть, и часто упоминаемые наряду с секироносцами ῥαβδοῦχοι. В скандинавских памятниках это — Кильфинги, Kilfingar, следовательно, также Русские, но, по-видимому, отличающиеся от собственной, южной Руси. В географическом сочинении и аббата Николая, относящемся к XII веку, говорится, что в той части света, которая называется Европою, находятся следующие страны: Великая Швеция и земля Кильфингов, которую мы называем Гардарикою — Kylfíngaland, that kollum vèr Gardharíki (Antiquites Russes II, 401) и т. д. А ниже (р. 403): «в восточной части Европы находится Гардарика, где лежат Кэнугард и Гольмгард (Киев и Новгород), Палтеския (Полотск) и Смаленския». Замечено уже, что на всем финском севере много местностей с названиями Колбь, Колбино; только сомнительно, чтоб эти названия происходили от финского kolba, kolva, рыбная вода (см. Н. П. Барсова, Очерки русской исторической географии. География начальной летописи, изд. 1873 г. стр. XV, прим. 44). Для нас важно только то, что под Колбягами опять нельзя разуметь ни Скандинавов, которые сами отрицаются от колбяжества устами авторитетного свидетеля, ни Немцев, как это можно было бы ожидать по фонетическому характеру наименования, потому что Немцы упоминаются особо от Кулпингов. Этим мы можем ограничить свои замечания о Колбягах, чтоб опять воротиться к

Варяго-Руси, или к Русским Варангам.

В конце хроники Иоанна Скилицы Куропалата мы встречаем еще раз тех самых Варангов Русских, о которых была речь у Атталиоты и у самого Скилицы по поводу Афирского дела. Ими убит был прежний их предводитель Иоанн Вриенний, брат претендента Никифора Вриенния, теперь (1079 г.) ослепленного. Причина убийства излагается следующим образом: «Когда Вриенний отложился, и внешние Варанги согласились (соединились) с ним, то находящиеся внутри дворца [352] Варанги выбрали одного из среды себя и послали его к своим единоплеменникам с требованием, чтобы те оставили отступника (то есть, Вриенния) и пристали к императору. Посланный был узнан, схвачен, подвергнут страшной пытке и открыл всю истину о своем поручении; за то он был лишен /131/ носа, и приказал это изуродование именно Иоанн. Варвар не остался равнодушным к обиде, которую он потерпел, и убил Иоанна, когда он выходил из палат, поразив его иноплеменническими секирами. Варанги восстали также и против императора (Вотаниата) и покушались убить его. Но когда им противостали люди императора, то они обратились к просьбам о помиловании и, умиловив царя, получили прощение» (Scylitz. p. 737 sq.): τοῦ — Βρυεννίου ἀποστατήσαντος καὶ τῶν ἐκτὸς Βαράγγων ὁμοφρονησάντων αὐτῷ, οἱ ἐν τῷ παλατίῳ Βάραγγοι-πρὸς τοὺς ὁμοεθνεῖς ἀποστέλλουσιν — ὁ βάρβαρος ἀναιρεῖται τὸν Ἰωάννην — μαχαίραις ἐθνικαῖς. (Ср. Bryenn. p. 105; Hamart. p. 897 ed. Mur.). Здесь всего важнее для нас указание на двоякого рода Варягов, внешних и дворцовых. В предыдущих частях исследования нам приходилось несколько раз отметить то обстоятельство, что Варяги, то являются простыми союзниками Византии, то придворной лейб-гвардией. Мы догадывались, что так было в действительности, то есть, что варяжский корпус, в самом деле, выставял из среды себя часть для охранения особы императора, и поэтому мы не считали возможным остановиться на предположении, что наряду с варяго-русским корпусом существовала варяго-скандинавская или какая другая лейб-гвардия. Иоанн Фракийский теперь прямо говорит, что и внешние и дворцовые Варяги были ὁμοεθνεῖς, единоплеменны...

Что касается восстания Варягов против Никифора Вотаниата то оно гораздо подробнее описано Атталиотою (p. 294 sq.), который, впрочем, термина Варанги при этом не употребляет. Но сомнения о тождестве никакого быть не может. Бунтовщики Атталиоты суть люди, имеющие стражу во дворце, «мужи душегубные и иноплеменные», τοῖς τὴν φυλακὴν ἔχουσι τοῦ παλατίου θυμοφθόροις ἀνδράσι καὶ ἐθνικοῖς (p. 294,17); по древнему обычаю они имеют предстояние пред императором со щитами и

[353] прочим вооружением в руках (τὴν παράστασιν ἐνώπιον τοῦ κρατοῦντος — ἀναπληροῦντες). Неизвестно, что было причиною раздражения этих иноплеменников, но только однажды вечером они с яростным, смертоубийственным и распаленным духом устремились против самого императора, который находился (приникал, проκύπτοντος) над ними в одном из верхних открытых царских переходов. Одни из них, воспользовавшись луками, пустили против него стрелы; другие, опираясь на ведущие вверх лестницы, с большим усилием и с мечами в руках старались открыть себе вход наверх; тогда был /132/ ранен стрелою в шею один из секретарей царских, стоявших вблизи. Но сам император, несмотря на совершенную нечаянность нападения, не потерял присутствия духа и, соединив около себя небольшую кучку людей, которые пробежали мимо, начал борьбу с бешеной и пьяной яростью варваров; ибо варвары действительно были пьяны, потому что был уже вечер, когда они теряли всякий рассудок вследствие излишнего употребления вина, притом, по их обычаю, в чистом, беспримесном виде («Руси веселие есть пити»). Варяги были удержаны, сбиты с лестниц, по которым они ломились вверх; между тем подоспели Греки (Ῥωμαῖοι), державшие царскую стражу, и варвары потерпели окончательное поражение, но все-таки они еще сопротивлялись несколько времени, запершись, как в какой-нибудь крепостце, в верхней части дворца, отведенной для жительства им (р. 296, 2: ἀπονεύμηται γὰρ αὐτοῖς ἄκρα τις ἐν τῷ παλατίῳ μετέωρος εἰς κατοίκησιν). Наконец, утомленные напрасными усилиями, они покорились и стали просить прощения. Никифор Вотаниат, прославляемый Атталиотою за кротость и человеколюбие, по словам его, и в этом случае обнаружил великодушие и не настаивал на казни всей совокупности варваров, служивших телохранителями (παντὶ μὲν πλήθει τῶν σωματοφυλακούντων βαρβάρων τιμωρίαν οὐκ ἐπεστήριζε), но дал им прощение (συμπαθείας ἐπηξίωσε). Только те из них, от которых нельзя было ожидать исправления к лучшему, и которые обличены были на суде и розыске посредством «надлежащих угроз» и посредством показаний самых своих единоплеменников в наибольшей виновности, были разосланы в виде [354] каких-то отверженников по гарнизонам разных крепостей (Attalioi. р. 296; сравни также Zonar. XVIII 19, tom. II, р. 292 ed. Paris.: здесь так же, как у продолжателя Амартола и у Скилицы, прямо употреблен термин Βάραγγοι).

Мы привели рассказ Атталиоты, большею частью удерживая собственные его выражения. Нам кажется, что изложенная сейчас история имела важное значение в судьбе византийского варяжского корпуса. Одна часть Варягов, как прямо сказано, отправлена была в ссылку, а что касается

той части, которая получила прощение, то и о ней едва ли следует думать, что прощение было для нее полное. Мы думаем, что, если вскоре после варяжского бунта 1079–1080 года Русские перестают быть Варягами, то виною тому была отчасти дурная репутация, оставшаяся за ними после возмущения. Они еще остаются некоторое /133/ время в иностранном византийском корпусе, удерживая свое прежнее наименование, хотя уже в самой грамоте Алексея Комнина, на основании которой мы это утверждаем, соединение слов Варяги и Русь не так тесно, как в предыдущих хрисовулах (ῥώσων, βαράννων, κουλίνων). Но слухи о немилости, которой подверглись сосланные, могли дойти до Руси, и служба в Константинополе делалась уже менее привлекательною. С другой стороны, утверждение Половецкой орды между Днепром и Дунаем делало более затруднительными сообщения между Русью и Византией. Если с конца X века по конец XI Русские встречаются почти непрерывно в описаниях византийских походов и сражений, то в XII веке они встречаются на страницах византийских историков весьма редко. Анна Комнина ни разу не упоминает о них, исключая ссылки на старые времена, на времена Святослава Игоревича и его соперника Цимисхия. Нужно, кроме того, заметить, что и новая династия, воцарившаяся в 1081 году, отличалась от предыдущих императоров особенною склонностью и любовью к западу, к западным людям. Крестовые походы надолго связали Комнинов тесными, хотя не всегда приятными и мягкими, узами с рыцарством Франции, Италии и Германии. Целые толпы этих людей нахлынули теперь в город Константина. Все это объясняет нам, почему имя Русских становится столь редким в [355] сочинениях писателей XII века. Уже с конца XI века в варяжском корпусе являются Англичане, сначала с преобладающим значением, а потом с исключительным. Они заменили Русских, сделались вместо них царскими телохранителями и царскою иностранною гвардией.

XII. Англичане на византийской службе в виде Варягов

Причиной появления Англо-Саксов в Византии было известное отдельное и весьма громкое событие, то есть, завоевание Англии Вильгельмом Норманнским (1066 г.). Как история русского варяжского корпуса в Византии началась прибытием туда большой, именно шеститысячной массы людей, отправленных Владимиром в 988 году, точно так не отдельные охочие люди из Англо-Саксов составили варяжский английский корпус, а масса людей, лишенных отечества суровым мечом завоевателя. Ясно с первого взгляда, что эти новые пришельцы были самыми желанными гостями в Византии и /134/ самым подручным орудием в ее различных столкновениях с людьми запада. Они не имели отечества, ради которого стали бы изменять византийскому властителю; они были ожесточенными врагами всех французских Норманнов, как тех, которые захватили Англию, так и тех соплеменников их, которые еще ранее завладели южною Италией. Их национальная ненависть простиралась на всех Норманнов. Связь между успехами Роберта Гвискарда и Вильгельма Завоевателя сознавалась уже в XI веке и указана уже Монтекассинским монахом Аматом, в начале его сочинения; тот и другой были одинаково Норманны, и один подражал другому. Между тем новая династия Комнинов не имела врага более упорного, более предприимчивого и более опасного, чем Роберт Гвискард, его дети и братья, его помощники и рыцари. Вот здесь-то Англо-Саксы и были величайшею находкой; в борьбе с Норманнами они мстили за поражение при Секлэне (Гастингсе) и заслужили здесь свою первую варяжскую славу. Никому другому Алексей [356] Комнин не мог с такой уверенностью отдать в руки свою безопасность и охрану, как этим новым слугам своим.

Не тотчас после роковой битвы 1066 года Англо-Саксы отчаялись и стали бросать свою родину. Известно, что борьба в форме восстаний, более или менее упорных, возобновлялась несколько раз, и только после их неуспеха, после того как они потушены были новыми казнями и новыми потоками крови, товарищи английского Гаральда и графа Валтгеофа не хотели более сносить ярма на поработанной земле предков. Только в конце царствования Вильгельма, и в начале царствования Алексея (1081 г.), встречаются несомненные признаки и указания на англо-саксонскую

эмиграцию в Греческую империю. ^[104] В первый раз Англичане прямо указаны в истории воцарения Алексея I. Восстав против своего государя, Никифора Вотаниата, он стоял уже под самую столицей, и овладеть ей было для него главной и самой трудной задачей. Приходилось рассчитывать на хитрость или измену. Алексей советуется с умнейшим и опытнейшим из своих сообщников. Тот его спросил, какие силы охраняют городскую стену. Поименованы были, во-первых, так называемые «бессмертные», туземное греческое войско, уже упоминаемое Львом Диаконом и снова организованное одним из последних императоров; во-вторых, /135/ Варанги с острова Фулы (Туле) οἱ ἐκ τῆς Θούλης Βάραγγοι, под которыми, по объяснению Анны Комниной (II 9, p. 62 В ed. Paris.), следует разуметь «секироносных варваров» (τοὺς πελεκυφόρους βαρβάρους); затем, в-третьих, Немцы (οἱ Νέμιτσοι), также варварский народ, издревле служащий империи Греческой (ἔθνος — δουλεῖον ἀνέκαθεν), но, на самом деле, упоминаемый только со второй половины XI столетия.

Алексею был подан совет — не пытаться соблазнить «бессмертных», потому что они земляки императору Никифору и так привязаны к нему, что скорее положат за него свою душу, чем предадут его. Равным образом и «те, которые потрясают на плечах мечами», не будут доступны внушениям измены. «Верность императору для них есть отеческое [357] предание, как бы завет и наследие; принимая по преемству один от другого охранение царской персоны, они сохраняют к нему непоколебимую верность и не допустят даже легкого намека на измену. Но вот если сделаешь опыт над Немцами, то, быть может, недалеко попадешь от цели, и тебе удастся войти в башню, ими охраняемую». Алексей Комнин вошел в Константинополь (апрель 1081 г.), действительно, изменой Немцев и их начальника, как это засвидетельствовано многими другими источниками и помимо Анны; а Варанги с острова Фулы (τοὺς ἀπὸ τῆς Θούλης νήσου βαρβάρους, или, как читается в Коаленевом списке, Βαράγγους) оставались ему верными до последней минуты (Arm. Comn. II 11, p. 66 С. ed. Paris.).

Любопытный рассказ Анны возбуждает некоторые сомнения именно в отношении к Варангам с острова Фулы. Мы видели, что в грамотах Михаила Дуки и Никифора, данных Атталиоте, Англяне еще не упоминаются, а в Патмосской грамоте (1088 г.) они поименованы (ἰγγλίνων). У Пселла и Атталиоты, то есть, у писателей современных и доведших каждый свою историю до Никифора Вотаниата (последний — включительно), нет ни малейшего намека на то, чтобы в Константинополе были люди с острова Фулы, то есть, Англичане. С другой стороны, в самой грамоте 1088 года Англичане еще не названы Варягами и поставлены

совершенно отдельно от них. И так, очень трудно думать, чтоб уже у Никифора Вотаниата его варяжская гвардия всецело состояла из английских пришельцев, или, даже, чтоб Англо-Саксы составляли важную в ней часть.

Есть другие признаки, что дочь Алексея Комнина, которая описывала деяния своего отца не ранее как в сороковых годах XII века, хотя бы по рассказам и даже письменным сообщениям его сподвижников, не дала себе труда вполне перенестись в обстановку описываемого момента и в /136/ подробностях литературной, стилистической обработки своих материалов допустила легкие нарушения хронологии. Если мы предположим, что только в последний год Никифора, после возмущения Русских (Варягов), Англичане сделались Варягами, то как могло образоваться у них в такое короткое время [358] какое-либо предание о верности императору, и как цезарь Иоанн Дука, упомянутый советник Алексея, мог говорить о их испытанной преданности? Наоборот, если жители острова Фулы и были именно Варягами, возмущившимися против Никифора Вотаниата в 1079 году, то, как можно было толковать о непреклонно-верной службе людей, которые недавно только что не убили своего императора?

Вся ошибка Анны Комнины состоит в том, что она не вникала в историю варяжской дружины, так как главный интерес для нее представляли подвиги ее отца, и не отметила переходного периода в этой истории, вообще трудноуловимого. Мы, однако, не отказываемся от надежды более точным образом определить, как и когда именно Англо-Саксы сменили Русских в Варангии.

По всем признакам, более точные и верные известия об англо-саксонской эмиграции в Византию сообщаются одним из западных писателей, именно Ордериком Виталием (ум. 1142 г.), который вообще имеет наилучшие и наиболее отчетливые сведения о делах норманнских. Ордерики, родившийся от французского отца в 1075 году и постригшийся в монахи в Нормандии (в монастыре Saint-Evroul), считал себя, однако Англичанином и умел соединить удивление к Вильгельму со своими симпатиями к побежденным, к памяти Гаральда и графа Валтгеофа. Он представляет дело таким образом, что английские изгнанники предложили свои услуги только императору Алексею в то время, когда ему предстояла борьба с Робертом Гвискардом, герцогом Апулии. Предложение было принято благосклонно, и Англо-Саксы были противопоставлены норманнским легионам: *Amissa itaque libertate, Angli vehementer iugemiscunt, et vicissim qualiter intolerabile jugum sibi hactenus insolitum excutiant, subtiliter inquirunt. — Ultro in exsilium aliqui profugiunt, quo*

extorres vel a potestate Normannorum sint liberi, vel opibus alienis aucti contra eos ad recidivum certamen revertantur. Quidam autem ex eis pulchrae juventutis flore vernantes louginquas regiones adierunt et militiae Alexii imperatoris Constantinopolitani sese audacter obtulerunt. Erat enim multum sapiens et mirae dapsilitatis, [359] contra quem Rodbertus Wiscardus Apuliae dux cum suis omnibus /137/ arma levaverat. — Exsules igitur Anglorum favorabiliter a Graecis suscepti sunt, et Normannicis legionibus, quae nirauium Pelasgis adversabantur, oppositi sunt (Orderici Vitalis Historia ecclesiastica: Migne, Patrologia latina, t. 188 col. 309; ср. col. 519). Это будет относиться к началу осени 1082 года, когда сам Алексей прибыл с армией к Драчу. Точность указания, сообщаемого Ордериком, подтверждается косвенным образом в самой Алексиаде. Описывая затруднительное положение своего отца в начале царствования, цесаревна Анна замечает, что военные силы империи в 1081 году были крайне недостаточны: «Новый император не имел войска, которое было бы достойно Римской (Ромэйской) империи. У него было не более трехсот (греческих собственно) стратиотов, да и то Хоматинов (из азиатско-каппадокийской провинции Хома, Хῶμα, Χῶματος), лишенных мужества и военной опытности, у него было небольшое число варваров, имеющих обычай носить меч на правом плече» (Anna Comn. III 9, p. 91 C ed. Paris.). [105] Анна обвиняет беспечность и небрежность предшествовавших императоров, не заботившихся об армии, и выставляет на вид хлопоты и усилия своего отца для восполнения оной. Это небольшое число наемных варваров в 1081 году, с одной стороны, находится в полном согласии с некоторым раскассированием варяжского корпуса в 1079 году, а с другой — противоречит тому значению, с которым этот же корпус является в 1082 году.

В октябре 1082 года Алексей Комнин явился на выручку Драча, осаждаемого Норманнами. Его армия представляла самую пеструю смесь племен, языков и вероисповеданий. Наряду с Греками Македонии и Фессалии, Анна Комнина (IV 4, p. 109 C) называет отряд экскубиторов (τοὶ τῶν ἐξκουβίτων τάγματος), тоже, по-видимому, греческого происхождения. Затем следуют Охридские Турки, поселенные среди Болгарского племени и до новейших времен сохранявшие свой язык; в 1082 г. начальство над ними было поручено известному сподвижнику и [360] другу Алексея, крещеному мусульманину Татинию. Филиппопольские манихеи, или павликиане, бросавшиеся в глаза своим особенным способом творить крестное знамение одним перстом /138/ (Вильгельм Апулийский), явились со своими двумя вождями Ксантой и Кулеоном. Отряд вестиаритов состоял из ближних людей императора благородного происхождения. Далее следовали

Франки, то есть, главным образом, южно-итальянские Норманны, состоявшие под начальством одного из младших родственников Роберта, ушедших в Константинополь вследствие обиды или неудовольствия. Варанги были поставлены под начальство Набида, или Нампита (IV 5, p. 112 D: ὁ τῶν Βαράγγων ἡγεμὼν Ναμίτης), происхождение которого неизвестно. В самом сражении под стенами Драча (18 октября) Варанги занимали самые важные места; им также принадлежала наиболее видная роль в битве. Вот рассказ Анны (IV 6, p. 115 sq. ed. Paris.).

«Разделив на части войско, Алексей не удерживал стремительности тех варваров, которые пошли на палатки Роберта; но тех, которые носят на плечах острые мечи (τοὺς — τὰ ἑτερόκολα φέροντας ξίφη), удержал при себе вместе с их предводителем Нампитом и приказал им, сошедши с лошадей, идти впереди на небольшом расстоянии и в порядке. А все люди этого племени суть щитоносцы (τοῦτο δὲ γένος ἀσπίδηφόρον ξύμπαντες).

«Но секироносцы (οἱ πελεκυφόροι) и предводитель их Нампит вследствие неопытности и горячности пошли слишком быстро и оставили довольно далеко позади себя греческий строй; они спешили к схватке с таким же одушевлением, как и Кельты (то есть, Норманны), потому что и они не менее Кельтов выходят из себя ради боя, и в этом отношении нисколько им не уступают. Вследствие того они скоро утомились и запыхались; когда это увидел Роберт, обративший внимание на быстрое движение, на расстояние и на тяжесть их вооружения, то приказал некоторым из своих пехотинцев наскочить на них. Уж утомленные, они оказались более слабыми, чем Кельты. Все варвары здесь пали, а те из них, которые спаслись, бежали к храму архистратига Михаила и [361] одни вошли внутрь церкви, сколько она могла вместить, а другие взобрались наверх церкви и стали там, отыскав, как им думалось, себе спасение. Но Латины (Роберта), пустив против них огонь, сожгли всех вместе с храмом».

Вслед затем длился несколько времени упорный бой с прочими частями армии. Бегство Турок и отступление вассала и союзника, Бодина Сербского, решили судьбу сражения в пользу Норманнов: «Роберт занял храм св. Николая, где была царская палатка и весь снаряд греческого строя, и вслед затем послал наиболее крепких людей, какие у него /139/ были, в погоню за Алексеем, мечтая о захвате самодержца» (IV 7, p. 118 B).

Что выдержавшие, хотя и неудачно, первую схватку с Норманнами были Варяги — это ясно как из предшествовавшего наименования Нампита предводителем Варягов (p. 112 D), так равно из прочих признаков. Указание на пылкость и горячность отличает их от Тавроскифов Пселла. То, что они первоначально были на конях и сошли с них только пред сражением, есть,

по-видимому, старый обычай варяжской гвардии; так, пехотинец из шеститысячного корпуса Русов, поспоривший из-за сена с Грузином, имел лошадь. Но не так очевидны признаки, что эти Варяги были Англичане; у Анны на сей раз не сказано даже, что происхождение их на острове Фуле. Секира или топор не решают дела, хотя англо-саксонский топор хорошо известен; западным писателям топор этот, *securis amazonica*, *securis danica*, казался исключительной принадлежностью Скандинавии и Англии, но это совершенная ошибка. Начиная с армии Ксеркса, продолжая с некоторыми пропусками — Франками Хлодовиха и Тавроскифами Льва Диакона, топор или секира была более признаком известной степени культурного состояния, чем национальности. Указание на щиты напоминает только буквально, слово в слово, сходную фразу Пселла, которая почему-то понравилась Анне, хотя была сказана, по-видимому, о других Варангах и уже повторена была с легким изменением Вриеннием, мужем писательницы.

Что Варяги сражения при Драче были Англо-Саксы, это [362] видно из сличения византийского рассказа с норманнским, принадлежащим Годфриду Малатерре, автору Сицилийской истории (*Historia Sicula*), написанной по поручению брата Роберта Гвискарда, Рожера, и оконченной 1099 годом. Вот как представлены здесь моменты битвы, для нас имеющие интерес:

«Англяне, которых называют Варангами — *Angli, quos Waringos appellat*, — выпросили у императора для себя почин сражения и, вступив в бой неравным оружием, с длиннорукоятчатыми двузубцами, *caudatis bidentibus*, которые этот род людей преимущественно употребляет, наступали весьма неприязненно и сначала сильно беспокоили наших. Но, когда один наш отряд ударил им с противоположной стороны в правый бок (*sub nudo latere*), то они, в сильной схватке покрытые кровью, оставили свое начинание и принуждены /140/ были обратиться в бегство. Бежали они к церкви св. Николая, которая была по соседству, и ожидали там найти убежище для сохранения жизни. Но, когда одни входили, сколько позволяла вместимость, другие в это время взобрались на крышу в таком множестве, что под тяжестью их самая кровля, разорвавшись, обрушилась, и они, давя тех, которые вошли внутрь, вместе с ними задохнулись в запертом пространстве». Император, видя, что Варинги, в которых заключалась главная надежда на победу — *Waringos, in quibus sibi maxima spes victoriae fuerat* — , окончательно побеждены, обратился в бегство. (Gaufred. Malat. 1. III c. 27: Murator. t. V, 584).

Несмотря на некоторое разногласие в подробностях, случай передается

один и тот же; вполне ясно, что секироносцы Анны 1082 года суть Англиане и Варяги норманнского писателя. Не лишнее, однако, заметить, что у Малатерры нет тех указаний на давность пребывания Англо-Саксов на византийской службе, которые читаются во французской сокращенной переделке его сочинения, известной под именем хроники Роберта Гвискарда и напрасно приписывавшейся Амату. Там прибавлено об Англичанах, что они уже обыкновенно сражались впереди Греков и придавали им бодрость: *Li Engloiz — soloient [363] doner cuer à li Grex* (см. Champollion-Figeac, *L'Ystoire de li Normant et la Chronique de Robert Viscart*, p. 305. Что эта хроника не принадлежит Амату, доказано Вильмансом и Гиршем (Ср. О. Delarc, *Ystoire de li Normant par Aimé* p. XXXVII слл.)).

Овладев Драчем, Роберт Гвискард пошел вслед за Алексеем в Булгарию и достиг Костура (Кастории). «В этом городе находилось триста Варингов — *trecenti Waringi in eadem urbe habitabant* — , отправленные для стражи (*custodes*) императором; их охраною и трудом город был сильно защищаем» (Gaufred. *Malat.* 1. III с. 29; *Murator.* V, 585; ср. *Anna Comn.* V 5, p. 137 ed. Paris.). Итак, в сражении 18-го октября вовсе не были истреблены все Англиане, прибывшие к Алексею; впрочем, мы можем предполагать, что вслед за первою эмиграцией Англо-Саксов продолжался некоторое время постоянный прилив их.

Само собою понятно, что только что прибывшим с чужбины людям, еще не доказавшим своей храбрости и своей верности, византийский император все-таки не мог вверить своей личной безопасности. В борьбе с Робертом Англичане являются Варягами только в смысле наемников или союзников, совершенно так же, как это было с Русскими в первое время после прибытия их корпуса (988 года). Дальнейшие, /141/ очевидно — совершенно точные, совершенно специальные сообщения Ордерика Виталия указывают, довольно определенно, тот момент, когда английские Варяги-союзники сделались Варягами-телохранителями, Варягами дворцовыми. Ордерик (col. 309 B) пишет, что «император Алексей вздумал построить для Англиан по ту сторону Византии город, называемый Кеветотом»: *Augustus Alexius urbem, quae Chevetot dicitur. Anglis ultra Byzantium coepit condere*. Но потом, когда Норманны крайне стали беспокоить (снова империю), перевел их в столицу и передал им главный дворец с царскими сокровищами: *sed nimium infestantibus Normannis, eos ad urbem regiam reduxit et eisdem principale palatium cum regalibus thesauris tradidit*. В другом месте (col. 66 °C) Ордерик упоминает о постройке Кеветота в истории первого крестового [364] похода, прибавляя, что император Алексей начал строить его недавно и хотел передать

Англичанам.

Когда началась постройка города, упоминаемого Ордериком, — нам очень хорошо известно. В VI книге (с. 10 р. 174 Paris.) Анна пишет, что когда Турки-Сельджуки овладели из Никеи Никомидией, столицей Вифинии, то император Алексей, желая выгнать их отсюда, решил построить другой городок (πολίχνιον) при море. Он торопился исполнить это во время перемирия с эмиром Абуль-Касемом (Ἀλελχασήμ), во время пребывания последнего в Константинополе, где его принимали с величайшими почестями и устраивали для него конные ристалища в большом театре Константина: все это напоминало классически образованной Анне историю афинского посольства в Спарту во время Фемистокла. В приморском городке, построенном Алексеем на другой стороне Пропонтиды в Никомидийском заливе, еще Дюканж узнал Кивот (Χίβωτον) Греков и Чивитот (Civitot), или Кеветот, западных писателей. Начало постройки, как это обнаруживается из всех подробностей, относится к 1085 году, ко времени окончания войны с Робертом, умершим 17-го июля того же года. По истечении известного периода, Англо-Саксы были переведены в столицу, им поручено было охранение главного дворца. Если мы припомним выражения Пселла о наемниках, содержащихся во дворце, о Тавроскифах, кормимых во дворце, о секироносцах, охраняющих императора во дворце, то для нас будет совершенно ясно, что только после 1085 года Англо-Саксы сделались Варингами в смысле лейб-гвардии. /142/ Под новыми враждебными действиями Норманнов, по всем соображениям, должно понимать угрожающее положение Боэмунда в начале его крестоносного похода, в 1096 году. Из Эккегардовой всеобщей хроники (MG. SS. VI, 216), а также из других источников нам известно, что в это время стянуты были в Константинополь все силы, какими мог располагать Алексей, а сверх того Варанги прямо названы (у Эккегарда р. 212) защитниками Константинополя против Турок:

«Итак, вот по какой причине Англо-Саксы (Saxones Angli) отправились в Ионию и стали служить верно, они сами и их [365] наследники, священной империи (sacro imperio), и с большой честью до настоящего времени (1140 года) остаются между Фракийцами (Греками), любимые цезарем, сенатом и народом». Этими словами заключает Ордерик (col. 309 B) свое повествование о судьбах англо-саксонских изгнанников. Совершенно согласно с подробностями, сообщаемыми в его церковной истории, другой английский писатель XII-го века, именно Вильгельм Мальмезберийский, пишет: «Император Алексей придумал много злого против крестоносных пилигримов, однако, замечая верность Англичан,

помещал их в числе преимущественнейших домашних слуг своих и завещал любовь к ним своему сыну»: *Anglorum tamen fidem suspiciens, praecipuis familiaritatibus suis eos applicabat, amorem eorum filio transcribens* «*Willelmi Malmesbiriensis monachi de gestis regum Anglorum 1. II § 225 p. 276 cd. Stubbs*».

То, что здесь говорится об Англо-Саксах, повторяется о Датчанах или Данах (*Dani*) у Саксона Грамматика «XII, p. 407, 2 Holder»: *Inter ceteros — , qui Constantinopolitanae urbis stipendia merentur, Danice vocis homines primum milicie gradum obtinent, eorumque custodia rex salutem suam vallare consuevit.* А у Альберта Ахенского (*Alberti Aquensis hist. 1. IV cap, 40: Recueil des historiens des croisades. Hist. occidentaux. T. IV p. 417*) вместо людей датского языка прямо стоят Датчане (*Dani*). Нет нужды объяснять, что под Датчанами могут разумеаться те же Англо-Саксы, родственные с ними по языку, по крови, по многочисленным поселениям Датчан в северной Англии; а также нет ничего невероятного в том, что среди англо-саксонской варяжкой дружины, поддерживаемой новыми пришельцами с севера, появлялись, время от времени, и собственные Нордманны, жители Дании, Исландии и Норвегии, даже самой Швеции, вообще заслоняемой в средние века Норвегией. Некоторые, впрочем, сомнительные указания на это находятся в сказании о чудесах св. Олафа. Мы уже заметили, [\[106\]](#) что победа, подавшая повод к основанию в Царьграде храма в честь Олафа, не приписывается здесь «*Antiquites Russes I 468*» **[366]** Гаральду и не относится ко времени императора «Михаила» (как в редакциях Гаральдовой саги), но соединяется с именем императора Алексея и помещается в земле Куманов (*in terra Blacumannorum*). Никому не запрещается думать, что такая замена одного имени другим произошла не без причины, а именно вследствие смешения двух действительных фактов. Судя по упоминанию не только Франков, но и Флэмингов (Фламандцев), в легенде, в самом деле, чувствуется какой-то отголосок действительности. Мы узнаем во Флэмингах тех рыцарей Фландрии, которые были присланы императору Алексею его другом — графом Робертом Фризом (см. *Anna Comn. VII 6, p. 201 D ed. Paris.*). Эти рыцари, прибывшие в Константинополь около 1089 года, действительно участвовали в сражении с Печенегамы 1091 года (*VIII 3 p. 227 B*), но, конечно, не в земле Куманов. С обычным преувеличением, скандинавская сага свои полпяты сотни Нордманнов выдает не только за единственных Вэрингов, но и за единственных виновников победы (*Scripta historica island. V, 147 и сл.*). Теперь и после — для скандинавской поэзии не существует именно настоящих Варягов, не существует Англо-Саксов, как прежде не

существовало Русских (см. Scripta V, 341: Radius Эйнара Скуласона, относящийся к XII веку).

С завещанием императора Алексея своему сыну — любить верных Англо-Саксов мы переходим в XII столетие и встречаем Варангов при самом вступлении на престол Иоанна Комнина (1118 г.). Зонара (XVIII, 29 tom. II p. 308 ed. Paris.) рассказывает, что, когда Иоанн, назначенный в преемники умирающим Алексеем, вопреки желанию и интригам императрицы Ирины, его матери, пришел в главный дворец, то Варанги, заняв проход в караульной его части, где было их местопребывание (ἐν τοῖς ἐξκουβίτοις διειληφότες ὁδὸν, ἔνθα περ τοῦτοις καὶ ἡ κατοικησις), не пропускали наследника и никому не позволяли приблизиться к царским комнатам. Иоанн послал спросить, что это значит, почему они не позволяют пройти царю в царский дворец. Варанги отвечали, что пока жив император, они никого другого не пропустят. Посланный утверждал, что император Алексей уж [367] умер, но Варанги потребовали, чтоб он дал в этом клятву, и тогда только уступили. С другим оттенком /144/ передается сцена у Никиты Хониата (p. 11, 22). «Иоанн, прибыв к большому дворцу, не легко нашел в него доступ, потому что стража (τῶν φυλάκων) не довольствовалась тем, что он показал перстень, но требовала еще и другого свидетельства на то, что он прибыл туда по приказанию отца».

Так доказали Англо-Варяги свою верность при начале нового царствования. Вскоре затем (в 1122 г.) они являются в борьбе Кало-Иоанна с последним нашествием и с последними остатками Печенежской орды. Никита (p. 22, 10) говорит о «телохранителях, которые защищаются продолговатыми щитами и заостренными с одной стороны секирами» (τοὺς ὑλασπιστὰς, οἱ περιμήκεσιν ἀσπίσι καὶ πέλυξι ἑτεροστόμοις φράγγυνται). Очевидно, что этот писатель, с которым мы здесь знакомимся, избегает неклассического выражения «Варанги», и это вполне согласно с искусственным и несколько высокопарным строем его речи, с его любовью к Гомеровским словам и поэтическим выражениям. К счастью, другой историк периода Комнинов, Иоанн Киннам, был гораздо умереннее в своих литературных притязаниях и любил выражаться проще. От него мы гораздо отчетливее узнаем, о ком идет речь. Чужестранцы, решившие победу над Печенегами, были «секироносцы, а это Британский народ, издревле служащий императорам Греческим» (p. 8, 15): τοῖς — πελεκυφόροις' ἔθνος δὲ ἐστὶ τοῦτο Βρεταννικόν βασιλεῦσι Ῥωμαίων δουλεῖον ἀνέκαθεν. Вот вполне отчетливое, совершенно ясное и не нуждающееся ни в каком объяснении показание: во время Киннама, который был спутником походов третьего Комнина (Мануила, 1143–1180 гг.), Варягами были преимущественно

Британцы, то есть, Англичане. Сам Никита Хониат, употребляющий иногда выражения, способный ввести исследователей в заблуждение, подтверждает это самым блистательным образом. Для него самые жители Англии, подданные Ричарда I Львиного Сердца, суть секироносцы, хотя в новой Норманнской Англии едва ли англо-саксонский топор был еще в моде: так тесно в Константинополе соединилось к началу XIII столетия понятие [368] об секироносце с представлением об Англичанине. Говоря об участниках третьего крестового похода, Никита двоих из них обозначает следующим образом (р. 547, 2): ὁ ῥήξ Φραγγίας καὶ ὁ τῶν πελεκυφόρων δὲ κατάρχων Βρεττανῶν, οὗς νῦν φασὶν Ἰγγλίνους — король Франции и властитель секироносных /145/ Бриттов, которых теперь называют Англичанами. Важную роль играют секироносцы в печальную для Византии эпоху 1203–1204 годов; их роль в событиях, кончившихся разграблением Константинополя и основанием Латинской империи, не осталась незамеченной как у византийского историка, так и у всех других.

При первой попытке войти в Константинополь (17-го мая 1203 г.) через Золотой Рог, крестоносцы встретили упорное сопротивление от греческих союзников — Пизанцев и от секироносных варваров, которые их сталкивали с набережных подъемов и многих ранили (Nicet. p. 721, 18): πρὸς — Πισσαίων καὶ τῶν πελεκυφόρων βαρβάρων — ἀπεκρούσθησαν. Секироносцы участвовали в возведении на престол Исаака после бегства в Девелт Алексея III-го (Nicet. p. 727, 18). С согласия «секироносцев» Мурцуфл начинает действовать против Алексея, сына Исаакова, и грозит ему восстанием «варваров вооруженных топорами» (р. 745). В роковой и страшный день 12-го апреля 1204 года, когда Мурцуфл бежал, и Франки готовились овладеть городом, Феодор Ласкарис хотел еще противиться; он собрал вокруг себя «тех, которые потрясают на плечах смертоносным железом» — τοὺς σεείοντας ἐξ ὠμῶν τὰ ἀρεϊκὰ σιδήρια — и говорил им, что они не менее, чем Греки, должны бояться гибели, если империя попадет во власть другого народа, так как им уже не придется более получать щедрой платы за свою службу, занимать почетное звание царских стражей, но вместо того им грозит унижительное положение латинских рабов (р. 756). Но секироносцы требовали уплаты обещанного жалованья и без этого не хотели сражаться: Франки вошли в город, не встретив сопротивления.

В двух последних из сейчас приведенных мест в самом издании византийского историка, пережившего горькие [369] события 1203 и 1204 годов, находится прямое объяснение, кого следует разуметь под секироносцами. В одной из рукописей, сохранивших нам произведение Никиты, место секироносцев здесь, как и в других местах, занимают

Варанги. Но если бы мы усомнились в правильности такой замены одного слова другим в рукописи, очевидно, позднейшей и отвергли бы выражения «греко-варварского списка», как поставленные произвольно, то у нас все-таки осталось бы другое свидетельство в пользу того, что секироносцы в начале XIII века именовались Варангами и были с ними тождественны. В русской Новгородской летописи находится рассказ о взятии Константинополя Латинами, очевидно, принадлежащий /146/ современнику и очевидцу; и в этом рассказе защитниками города наряду с Греками являются Варяги, очевидно, соответствующие секироносцам Никиты. Русский самовидец даже сообщает нам, что предсказание Ласкариса секироносцам об их судьбе под латинскую власть частью сбылось над Варягами:

«И бяхуть (Франки) с высоких скал на граде Грькы и Варягы камениемь и стрелами и сулицами, а с нижних на град слезоша».

А по взятии города: «Черныче же, чернице и попы облунуша и неколико их избиша, Грькы же и Варягы изгнаша из града, иже бяхуть остави». [\[107\]](#)

Что касается национальности Варягов, защищавших Константинополь против своих западных собратий, то она прямо обозначена двумя французскими историками четвертого крестового похода, Вильгардуэном и Робертом де-Клари. Описывая первый приступ крестоносцев, Вильгардуэн говорит, что они устроили пред городскими стенами у моря две лестницы, а стена была покрыта большим количеством Датчан и Англичан: *Et drecierent a une barbeaue deux eschieles enpres la mer; et li murs fu mult garniz d'Englois et de Danois* (La Conquete de Constantinople par G. de Ville-Hardouin p. 97, § 171 изд. de-Wailly). Это те самые лестницы, с которых у Никиты Пизанцы и секироносцы сталкивают **[370]** нападающих, и те самые скалы, о которых говорится в сказании Новгородской летописи. Когда после бегства Алексея III крестоносцы послали своих послов в столицу (18-го июля 1203 г.), то Жоффруа Вильгардуэн с своими товарищами, пропущенные в ворота, увидели, что «Греки расположили Англичан и Датчан с их топорами от самых ворот до Влахернского дворца» (ibid. p. 107 § 185: *d'Englois et de Danois a totes les baches*). Роберт де-Клари повествует, что когда Феодор Ласкарис бежал, то в лагерь Французов явилась процессия из греческого духовенства, Англичан, Датчан и людей других наций и просила пощады и милости: *Prestre et cleric revestu, Engles, Danois estoient et gens d'autres nations, si vienent il a l'ost as Franchois a pourchession, si leur crient il merchi* (Robert de-Clary, La prise de Constantinople: Chroniques Gréco-romanes, publiées par Charles Hopf, Berlin

1873, р. 63, с. 80). Это те самые секироносцы, которые отказались сражаться, не получив жалованья.

Итак, нет сомнения, что в продолжение всего XII столетия /147/ варяжский корпус в Византии состоял главным образом, а, может быть, даже исключительно, из Англичан — англо-саксонского и датского происхождения. Основание корпусу положено было изгнанниками, оставившими отечество, покоренное Норманнами; он поддерживался, конечно, сыновьями и потомками первоначальных пришельцев, а, вероятно, и новыми переселенцами. Почти во всех тех случаях, где историк XII столетия говорит о секироносцах, мы должны разуметь Варягов. Мы уже заметили, что так именно и понимал дело тот переписчик Никиты Хониата, которому принадлежит так называемый варварский список (Codex Graeco-barbarus), представляющий весьма много любопытных вариантов. Кроме двух указанных случаев, еще в семи других (224, 239, 323, 342, 344, 447, 532) описательные, искусственные выражения Никиты он заменяете термином Варанги, или точнее: Βάρανγοι καὶ λαράνοαί. Все эти варианты сами по себе не подают никакого повода к сомнениям; они, очевидно, вполне правильны, если можно так выразиться, и не касаются сущности дела, а только стиля, не заставляют писателя говорить [371] другое, а не то, что было в его намерении и представлении. Тем не менее, мы считаем нужным сделать предостережение тем, кто вздумал бы придавать всем разночтениям «варварского кодекса» слишком большое значение. Что разночтения эти не принадлежат Никите, это — очевидно; что список, в котором они находятся, принадлежит позднему времени — это доказывается турецкими словами, в нем встречающимися (замечено Г. С. Дестунисом при одном случае). Но сверх того можно доказать, что не всегда виновник происхождения вариантов в варварском кодексе оставался невинным и безгрешным в своих стремлениях упростить искусственную речь Хониата; есть случаи, где он впадает при этом в очевидные ошибки. Так, Никита, говоря о пребывании Андроника у Тавроскифов, о его охоте на зубров в земле Тавроскифов, понимал, конечно, под Тавроскифами Русских и ту самую Галицкую землю, о которой сам говорил раньше. Между тем любитель варварских терминов, избегаемых Никитой, два раза вместо Тавроскифов ставит Куманов, то есть, Половцев (pp. 405. 433); точно так же поступает он и в другом случае (р. 384, 14). Здесь уже нельзя освободить его от упрека в непонимании и грубом промахе. Славянским переводчикам Зонары и Амартола простительно было писать: «роди нарицаемии Руси, иже и Кумани, живяху в Евксинопонте», так как по словоупотреблению их времени Скифы (Σκύθαι) уже были /148/

преимущественно Куманами. Но была бы непростительна такая ошибка для Византийца, если б он был современником событий, каков был автор переписываемого сочинения, то есть, Никита Хониат. К вопросу о Варягах эти замечания имеют следующее приложение. Один из русских ученых пишет, что «относительно отечества Варангов византийские известия указывают иногда на Германию» (см. выше, стр. 177). Мы знаем только одно место византийского писателя, на основании которого это могло быть сказано. Именно, у Никиты Хониата (р. 323, 20) говорится о стране германской, вооруженной секирами (φρουρᾶΓερμανῶν, οἱ κατωμαδὸν τοὺς ἑτεροστόμους πελέκεις ἀνέχουσιν): кодекс варварский по обычаю заменяет эти описательные выражения термином «Варанги». На основании приведенных выше [372] примеров весьма позволительно усомниться в правильности замены. Есть, правда, еще другое место у того же писателя (р. 118, 5), где упоминается стража или гарнизон из Германцев, между тем как в соответствующем месте другого автора, именно Киннама (р. 97, 19) стоят секироносцы. Опять, следовательно, можно думать, что, по мнению Никиты, Варягами были Германцы.

«Германцы» очень могли быть Варангами в XII столетии, только, во всяком случае, Германцы не немецкие. Византийские писатели XII века употребляют это имя совершенно в другом смысле, чем мы. Германцы означают у них Французов. На это может быть указано несколько совершенно не подлежащих сомнению примеров. Так, у Киннама (р. 67, 3 sq.) Кельты и Германцы названы в числе участников второго крестового похода, а далее (р. 69, 9 sq.) сказано, что впереди двигался Аллеман (Ἀλαμανός) — так всегда называются Немцы, — а затем Германец (ὁ Γερμανός), то есть, Французы Людовика VII. Рассказав неудачный поход Конрада и Людовика, Киннам (р. 87) прибавляет: «такой конец имели дела Конрада; а король Германцев (то есть, Людовик VII) возвращался в отечество на кораблях» и т. д. Точно так же и знаменитый Евстафий Солунский противопоставляет германского (то есть, французского) властителя алеманскому (то есть, немецкому): *Opuscula*, ed. Tafel, p. 281, 39 sq.; ср. p. 239.

Итак, если вместе с Англичанами и Датчанами служили в Варангии Германцы, то под этими Германцами нужно понимать Французов, людей Французского языка, точно так же, как /149/ под «секироносным и кельтическим народом» — γένους πελέκουφόρου καὶ Χέλτικῶ, — о котором говорится у Никиты в другом месте (р. 342, 22). Далее, если мы припомним, как тесно были соединены в XII веке Франция и Англия, если припомним, что в самой Англии некоторое время господствовал

французский язык, и что, наоборот, к Англии принадлежали французские земли на материке, то нам не будет необходимости прибегать к каким-либо сложным разысканиям о том, могли ли быть и были ли когда Французы членами Варангии: некоторые члены варяго-английской дружины могли называться [373] с таким же правом Французами, как и Англичанами, хотя господствующим языком среди Варягов до самого турецкого завоевания был язык английский. Это последнее обстоятельство мы узнаем от Кодина, сочинение которого о придворных должностях и обрядах Византийского двора относится уже к XV столетию. «Варанги (во время трапезы) восклицают императору многие лета на своем отечественном языке, то есть, по-английски, и при этом, ударяя своими секирами, производят шум» (de officiis Cpolititanis, p. 57): πολυχρονίζουσιν — κατὰ τὴν πατρίον — γλῶσσαν αὐτῶν, ἤγουν Τυκλινιστί. По сочинению Кодина можно изучать значение варяжской дружины в последние времена византийской империи; но мы не считаем нужным идти так далеко. Видно, что в его время Варанги были только дворцовой стражей, лейб-гвардией, то есть, что значение их сузилось против первоначального смысла, соединявшегося с этим термином в XI столетии. Приводим одно замечание Кодина, которое возвращает нас к исходной точке нашего исследования: «В древности, когда императорский отряд состоял из шести тысяч человек, каждые пятьсот человек стояли под отдельным знаменем» (p. 48): ἦν μὲν οὖν πάσαι συνήθεια, ὅτε ἡ τοῦ βασιλέως σύνταξις ἦσαν ἑξακισχίλιοι, ἦσαν καθ' ἕνα ἕκαστον φλάμουλον πεντακόσιοι.

Эти шесть тысяч человек императорского особого войска и суть, по нашему мнению, те шесть тысяч Русских, о которых говорилось у армянского историка, — то царское отборное войско, которым командовал лично император Роман Диоген под Хелатом, — другими словами: те παραμοναί, которые не имеют коней, или та смена (τὸ ἀλλάγιον), о которой говорится у самого Кодина. Древность, к которой относится существование шеститысячного корпуса, есть конец X и начало XI столетий.

Повторим вкратце содержание нашего исследования.

Из византийских и арабских источников мы знаем, что /150/ в 988 году из Руси отправлен был в Византию вспомогательный военный корпус. Армянский современный историк определяет его численность в 6000 человек. Вслед затем [374] мы постоянно встречаем Русских как участников в войнах империи, преимущественно на азиатской границе и в южной Италии. Там те, и прежде всего и чаще всего, история и сага локализирует Варягов, так что необходимо предполагать какую-либо связь между теми и другими. Под Варягами XI столетия обыкновенно разумеют

скандинавских Нордманнов. Но уже самая численность варяжского корпуса, определяемая тем, что 3000 Варягов на походе в Грузию составляют только часть корпуса, дает повод усомниться в справедливости этого мнения. Критический разбор скандинавской саги убеждает нас в том, что роль Нордманнов в Византии сильно преувеличена, даже извращена позднейшими слагателями саг, что, напротив, в песнях скальдов XI столетия слово «Варяг, Вэринг» имело другое значение, не прилагалось к Нордманнам, или прилагалось не к одним Нордманнам. Пребывание Гаральда Гардрода в Византии совпадает, правда, с появлением слова «Варанги» в византийских источниках; но Гаральд прибыл в Греческую землю из Руси, в одно время и вместе с Русскими сражался с Сарацинами Сицилии и Азии, а там где является отдельно от Русских со своим скандинавским отрядом, он и его отряд по византийским источникам называются не Варангами, а другим специальным термином. У самых скальдов Вэрингами названы те люди, которые охраняли особу императора, ослепленного Гаральдом, а по прямому указанию историка Пселла, это были Тавроскифы, то есть, Русские. Итак, Варягами были Русские. Если мы рассмотрим с этой точки зрения все византийские и южно-итальянские упоминания о Варягах (до конца XI века), то не только не найдем прямых противоречий такому предположению, но напротив, при этом предположении многое в истории становится проще и в источниках яснее. Прежде всего, нам становится понятно, почему нигде и никогда (в XI столетии) имя Русских не встречается наряду с Варягами, а либо одно, либо другое, или у одного писателя Русские, а у другого — на том же месте Варяги. Нам становится понятным, почему, например, Скилица слово «Русские», которое читается у Атталиоты, заменил словом Варяги. Но самое главное, [375] современные свидетели и первоначальные источники для византийской истории XI века суть Пселл и Атталиота. У первого слово /151/ Варяги не встречается ни разу, но совершенно ясно и отчетливо в соответствующей роли выводятся на сцену Русские. Атталиота же прямо употребляет слово «Варяги» и «Русь» как синонимические. После этого нам оставалось только обратить внимание на способ выражения документальных источников, современных Пселлу и Атталиоте. Мы увидели, что в четырех хрисовулах два слова, Варяги и Русь, соединяются особенно тесным образом; они всегда стоят нераздельно — с тем только различием, что впереди ставится то одно, то другое; что эти два слова в грамотах выражают одно целое, противоположное Сарацинам, Франкам, Немцам и Англичанам. Одним словом, византийский официальный язык употребляет выражения: «Русь-Варяги, Варяго-Русь».

Все это, взятое вместе, убеждает нас в том, что Варягами назывался в XI столетии русский корпус, отправленный Владимиром в конце X века и, очевидно, существовавший непрерывно; из среды этого корпуса были и те императорские телохранители (лейб-гвардия), которые именуются также «Варягами» — в тесном смысле. Одна заметка, читаемая у Кедрина и Скилицы, могла бы подать повод к предположению, что было некоторое различие между Варягами в обширном смысле и Варягами, составившими охранную стражу императора. Но выражение, что Варяги, находившиеся во дворце императора, были кельтический народ, очень неопределенно, противоречит другим показаниям Скилицы и Кедрина и, по всей вероятности, составляет позднейшую глоссу. Тем не менее, мы все-таки не считаем возможным устранить вполне скандинавских Нордманнов из предполагаемого состава варяжского корпуса и варяжской дружины. Скандинавы приходили в Константинополь чрез Россию, где они составляли наемную дружину Русских князей; как в Киеве, так и в Византии, они служили вместе с Русскими, но в Цареграде были еще менее многочисленны, чем в Киеве или Новгороде, составляли только небольшую часть варяго-русского корпуса и дружины. Мы думаем, что и те Скандинавы, которые ушли в Византию в [376] 980 году от князя Киевского Владимира, сначала рассеянные по разным местам, после могли поступить в состав корпуса, организованного чрез восемь лет. Мы думаем, наконец, что самое имя Варягов по своему происхождению принадлежит скандинавскому северу, но пришло в Византию из Киева. В Киеве наемниками были Скандинавы, и они называли себя Вэрингами; /152/ имя сделалось обычным и для Русских, так что и русские союзники и наемники в Константинополе стали называть себя Варягами, а по-гречески — Варангами.

С конца XI века начинается прилив в Византию Англо-Саксов. Совершенно отчетливые свидетельства Ордерика Виталия дают возможность определить как время появления Англо-Саксов в византийской армии, так и эпоху, когда они из простых союзников и наемников сделались Варягами в тесном смысле, то есть, императорскими телохранителями. Это случилось незадолго до первого крестового похода. Поворот к западу, начавшийся с утверждением в Византии новой династии Комнинов, выразился в замене русских православных людей людьми запада.

Вопрос о византийских Варангах, по нашему мнению, требовал нового и подробного исследования. Но его важность заключается, как мы убеждены, в нем самом, то есть, в существовании постоянной, живой и

осязательной связи между Русью и Византией, а чрез нее — с азиатским Востоком и европейским Западом в продолжение всего XI столетия. Мы только в виде догадки указали на возможность объяснять более положительным и наглядным образом некоторые литературные явления именно существованием такого рода связей. Это — тема, которая принадлежит не нам, но для нас вполне достаточно, что от тех, кому принадлежит вопрос о литературном общении Востока и Запада, мысль наша не встретила осуждения и порицания. Быть может, и русская археология и нумизматика должны будут принимать в расчете пребывание русского шеститысячная корпуса на сарацинской границе в Азии. Что касается отношения, в каком вопрос о византийских Варангах находится к вопросу о русских Варягах и о начале Русского государства, то мы уже отчасти высказали [377] свой взгляд, несмотря на обет воздержания, принятый в начале. Мы думаем, что скандинавская теория происхождения Русского государства до сих пор остается не поколебленною, и что те, которые пытались поколебать ее, потерпели заведомую неудачу. Она покоится, главным образом, на двух столпах: на именах Русских князей и на названиях Днепровских порогов, которые все-таки остаются не славянскими, несмотря на разные попытки ненаучной филологии объяснить их по-славянски. С наукой мы не хотим быть в противоречии и, думаем, не находимся.

К рецензии Д.И. Иловайского.

---

notes

Примечания

1

[1\)](#) «Отрывки из исследований о варяжском вопросе. Прилож. ко II-му тому Записок Имп. Академии Наук. № 3 стр. 138. 164 сл.»

[2\)](#) «О мнимом призвании Варягов, Русск. Вестн. 1871 г., ноябрь, стр. 21 сл.»

3) <Д. Иловайский, Еще о Норманизме, Русск. Вестн. 1872 г., декабрь, стр. 504.>

4) «Н. Ламбин, Источник летописного сказания о происхождении Руси в Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 173 (1874 г.), Отд. II, стр. 259; ч. 174 (1874), Отд. II, стр. 71.»

5) [Вовсе не важно, образовали ли они лейб-гвардию или особенный корпус; вопрос в том, были ли они в ней? Кажется, нужно будет признать первоначально отдельное существование Варангов с 980 года.]

6) [Удивительно, что в Византийской хронике нет никаких следов, несмотря на очень подробную повесть о военных действиях 980-го и следующих годов. Еще удивительнее, что и северные источники, Скандинавские саги, не дают определенных указаний, а оставляют большой промежуток. Однако промежуток не так велик, как мне прежде представлялось. Болле был, положим, первый норманн на византийской службе, но Варанги и их дружины были там ранее.]

7) См. Peter Erasmus Müller, Sagenbibliothek (Aus der danischen Handschrift übersetzt von K. Lachmann. Berlin, 1816) I, стр. 162 и след., а также Rosselet, Islandische Litteratur в Энциклопедии Эрша и Грубера, II-е отделение, том 31, стр. 302. «Критическое издание саги дал Kalund (Копенгаг. 1889-91), со всеми вариантами и т. п. Текст этого издания повторен им и снабжен предисловием и примечаниями в Altnordische Saga-Bibliothek IV, Halle 1896. Критический разбор саги см. у F. Jonsson, Den oldnorske og oldislandske Litteraturs Historie II, 1 (1898) p. 440–453, и у Mogk, Gesch. d. norw.-isl. Litteratur p. 198 ss. (Grundriss d. germ. Phil. ed. Paul, 2 изд.) Ф. Б.».

8) Müller-Lacbmann, Sagenbibliothek, I, 163. «Пребывание Болле младшего в Константинополе определяется сагой хронологически точнее, чем думал В. Г. Родившись после смерти отца в 1007 г., Болле женится 18-и лет от роду, т. е. летом 1025 г. (гл. 70 § 11 сл.). Прожив год с женой, он в обществе своего брата Торлейка отправляется в путешествие летом 1026 г. (73,1); осенью они приезжают в Норвегию, где Торлейк остается, тогда как Болле той же осенью направляется в Данию (73, 16), где проводит зиму 1026-27 г., и лишь весной 1027 г. предпринимает поездку в Миклагард, о которой говорится в вышеприведенном отрывке (гл. 73, 17–19). В Византию он мог прибыть, следовательно, не раньше лета 1027 г. Во время его отсутствия (а не до его отъезда) погибает его вотчим Торкель Эйольфсон, — факт, определяемый вполне точно 1026 годом. Через 4 года (гл. 77, 1), т. е. в 1030 г., Болле возвращается в Исландию. С этим вполне согласуется указание саги (78, 1), что через год умер Снорри Годи: смерть этого знаменитого исландского деятеля действительно относится к 1031 г. Следовательно, служба Болле у византийского императора продолжалась с 1027 до 1030 г., т. е. всего три года, что не вполне согласно с утверждением саги (73, 19), будто он был в Миклагарде «очень много зим» (*mjok margá vetr*). Но и помимо этого, весь эпизод путешествия Болле в Норвегию и Византию, и вообще вся последняя треть саги (после 1007 г.) обставлена хронологически очень сбивчиво и находится в полном противоречии с указаниями других саг. (F. Jonsson 1. с. р. 445. Ср. предисловие к изд. Kalunda 1896 г. стр. V sq.), вследствие чего достоверность всего рассказа о службе Болле в Константинополе подлежит серьезному сомнению. Весьма возможно, что рассказ этот вовсе не принадлежал к составу устного предания и присочинен автором саги в первой половине XIII-го в. лишь с целью прославления Болле, выдвинутого в конце саги на первый план. Генеалогия потомков Болле в гл. 78 и некоторые другие признаки заставляют признать за этой частью саги явную тенденцию возвеличения этого героя. Может быть, автор саги принадлежал к числу его потомков или находился в каких либо отношениях к ним. Во всяком случае, указанными фактами сильно подрывается доверие к этому эпизоду. Ф. Б.»

9) Müller-Lachmann, p. 29. Rosselet, p. 300. Сравни, впрочем, Konrad Maurer, *Island* (München, 1874) p. 463. «Сага о Вига-Стире, оригинал которой до нас не дошел, составляла, вероятно, одно целое с *Heidharvígasaga*, служа как бы введением к последней. Хронологическое определение, даваемое в тексте, несколько преувеличивает древность саги: она относится не к первой половине, а к концу XII-го века. См. о ней теперь F. Jonsson 1. c. II 485 sq. и Mogk, *Gesch.* 1. c. p. 204. Последнее издание: Valdimar Asmundarson, *Vígastyrssaga ok Heidharvíga*, Reykjavik 1899. Ф. Б.»

[10](#)) *Islendinga Sogur* (Kjobenh. 1847) II, 304 сл.: «Гест видел, что он не в состоянии держаться против происков Торстейна в Норвегии, и отправился на юг в Миклагард и нанялся там служить с Вэрингами: он рассчитывал там быть лучше скрытым. До Торстейна дошлиотом вести, и он в то же лето отправился в Миклагард. Но таков обычай у Вэрингов и Норманнов, что день они проводят в играх и борьбе». Торстейн, вступивший в среду Вэрингов, застал Геста во время борьбы, выхватил меч и ранил его. Вэринги подбежали и хотели тотчас убить Торстейна, потому что был такой закон, что если кто покусится на жизнь другого во время игр, то должен потерять свою. Но сам Гест освободил Торстейна, заплатив за него выкуп и потом помирившись с ним. Ср. Müller-Lachmann, *Sagenbibl.* I, 28.

[11\)](#) Müller-Lachmann. Sagenbibl. I, p. 30. Ср. Eosselet, p. 300, примеч. 49-е.

[12\)](#) <Сага возникла одновременно с Вигастировой, с которой составляла, вероятно, одно целое. См. выше, стр. 1181. В «хорошей рукописи», которую разумеет В. Г., т. е. в *cod. holm. perg. 18,4°*, сохранилась лишь часть саги. Ф. Б.>

[13\)](#) Для перевода нужных нам мест в сагах, не переведенных на латинский язык, мы обращались к профессору А. Н. Веселовскому.

[14\)](#) Müller-Lachmann, Sagenbibl. I, 32.

15) Müller-Lachmann, I, 43; Eosselet, p. 300. Сравни замечания Конрада Маурера в только что вышедшей книге (Island, p. 57–65, 66 иосамой саге p. 59): Manches deutet darauf bin, dass die Sage in der Gestalt, in welcher wir sie allein kennen, eine spätere Ueberarbeitung eines älteren Originals sei и т. д. «В том виде, в каком она до нас дошла, сага сочинена, вероятно, лишь во второй половине XIII-го в. Автор при этом слил две саги, первоначально самостоятельные, оГуннаре иоНьяле. Критическое издание: Islendinga Sögur III; текст также у V. Asmundarson-a, Reykjavik 1894. — Разбор саги см. у F. Jonsson, 1. с. II, 525 sqq., Mogk 1. с. p. 214 sq. Ф. Б.»

[16\)](#) «Так действительно и читается в рукописях. См., напр., текст в *Antiquites Russes* II р. 246. Московия оказалась здесь лишь по неточности переводчика. Ф. Б.»

[17](#)) «Именно тот отрывок, которым здесь пользуется В. Г. (18-ая глава саги), без всякого сомнения — поздняя вставка и не принадлежит к составу древнего предания: Колскеггу снится сон, который истолковывается так, что ему предстоит сделаться «божьим рыцарем» (gudhs riddari). В виду этого хронологические выводы, построенные на этом отрывке, теряют всякую почву. Ф. Б.»

[18\)](#) «Если верить хронологии самой саги (а нет никакого основания не верить ей), то пребывание Грися в Константинополе должно относиться к более раннему времени. Разговор, отрывок которого приведен в тексте, происходил никак не позже 994-го года, так как лишь после него и после свадьбы Грися и Кольфинны, которую любил Галльфред, последний уезжает в Норвегию, где застаёт ещё в живых ярла Гакона, умершего в 995 г. А в этом разговоре о пребывании Грися в Миклагарде говорится, как о событии прошлом. Оно должно относиться поэтому к 985–993 годам. Ф. Б.»

[19\)](#) «Прибытие в Константинополь как Торстейна Дромунда, так и Торбиорна Онгула определяется сагой 1032–1033 годами. Ф. Б.»

[20\)](#) «Аргументация Василья Григорьевича, поскольку она основана на материале исландских саг, содержит в себе несколько недоразумений и в некоторых своих частях значительно устарела. Безусловно неверен исходный ее пункт, основанный на слишком большом доверии к рассказу Лаксдэльской саги: Болле Боллесон никоим образом не может считаться «первым норманном, вступившим в военную службу к византийскому императору», даже если мы припишем эпизодом устному преданию (см. выше, стр. 1871). Утверждение саги об этом-либо сознательно тенденциозно, либо основано на недоразумении. Вследствие этого и общий вывод Василья Григорьевича, направленный против Гедеонова, теряет свою силу. Саги, знающие норманнов в Византии с 80-х годов X века, косвенно скорее подтверждают догадку Гедеонова. Прямых доказательств, однако, саги ни в том, ни в другом направлении не дают. Ф. Б.»

[21\)](#) См. об этом в превосходной статье К. Маурера: «Ueber die Ausdrücke altnordische, altnorwegische und isländische Sprache», примечание 71 на стр. 705, в Abhandlungen der Bayer. Akademie der Wissensch. Philol. Classe, Bd. XI (1867 г.). Там приведено много примеров того и другого словоупотребления.

[22\)](#) «Здесь мы опустили несколько строк, которые в экземпляре Василья Григорьевича зачеркнуты.»

[23\)](#) Одна и та же комета предвещала для Льва диакона и возмущение Варды Фоки (987–989 гг.), и взятие Херсона Русскими.

[24](#)) < Mich. Psell. ed. Satbas, Bibl, gr. med. aevi, IV, p. 10>.

[25\)](#) День смерти Варды Фоки отмечен у Кедрина (vol. II р. 446 Вонп.) в апреле 647 (989-го) года. Дельфин разбит несколько ранее того — в феврале или самом начале марта того же года. Это видно из отчетливого рассказа армянского историка Асохика (перевод Эмина, стр. 479). Сражение около Скутари полагается в 988 году, но это год мартовский. Непосредственно затем читаем: «с наступлением (989) следующего года — время стояло весеннее — царь Василий отправился» против самого Фоки. На Муральта полагаться нельзя.

[26\)](#) Грузины участвовали в походах в южную Италию. См. Attaliota, р. 9: σύμμαχοι καὶ τῆς ἰσοπολιτείας ἡμῶν συμμετέχοντες, ὡς καὶ αὐτῆς τῆς θρησκείας Ἄλβανοί. Ср. Zonar. II, 101 A Paris.: Ἄλανούς, οὓς Ἄλβανούς ὁ Προκόπιος γράφει. Из Аланов тем легче могли сделаться Гуаланы, что и в греческом средневековом языке говорилось вместо ἀναξ — γουαναξ, вместо ἐλένη — Γουελένη. Впрочем, мы не имеем ничего против всякого другого объяснения: можно под Вандалами разумеать жителей северной части Ютландского полуострова (Wendile); можно разумеать и славянских Вендов, как это принимает г. Гедеонов. К несчастью, всего этого места нет у анонима Барийского, напечатанного у Муратори и представляющего более древнюю и несравненно лучшую редакцию Барийских летописей. О Русских мы все-таки не можем сомневаться, потому что уж Адемар засвидетельствовал их подвиги в южной Италии, а Венды или Вандалы остаются еще вопросом.

[27\)](#) L'empereur Basile se mit en campagne contre lui avec toutes les troupes de la Grece et avec un nombre considerable d'etrangers. Brosset, Histoire de Georgie traduite da Georgien I, 306.

[28\)](#) Les bataillons russes de l'empereur ayant charge, il n'echappa qu'un petit nombre des premiers verms и т. д. Brosset, Histoire de Georgie I, 309.

[29\)](#) Histoire d'Armenie par Arisdagues de Lasdiverd, traduite par E. Prud'homme, p. 34 и сл. Ср. Cedren. II, 478.

[30\)](#) Чтобы не было никаких сомнений, мы здесь же, отступая от принятого порядка, приводим слова Пселла (стр. 91), относящиеся ко времени Михаила V (1041–1042 гг.): ὅσον ξενικόν τε καὶ συμμαχικὸν εἰώθασι παρατρέφειν οἱ βασιλεῖς, λέγω δὲ τοὺς περὶ τὸν Ταῦρον Σκύθας... то есть: «наемники и союзники, которых привыкли держать при себе (кормить) императоры; я разумею Тавроскифов».

[31\)](#) Abulpharagii sive Bar-Hebraei chronicon Syriacum (ed. Bruns et Kirsch, Leipzig, 1789), II, 230, говорит о Славянах, начальствовавших в армии.

[32\)](#) [По сообщению Х. П. Патканова, в тексте Матвея Эдесского, напечатанном в Иерусалимском издании, стр. 69–70, ясно написано: ougoiz arnen = (от слуги Маниака) от Русского человека.]

[33\)](#) Cedren. II, 502: τὸ φρούριον τὸ λεγόμενον Περκρίν — ἔγγιστα Βαβυλῶνος διακείμενον. Под Вавилоном собственно должен разумеаться Багдад, но невозможно предположить, чтобы Греки зашли так далеко: может быть, Кедрин имел здесь в виду Мосул. Мы думаем, что Περκρί та же самая крепость, окоторой говорится чрез несколько лет (1036) у Матвея Эдесского, и которая у него именуется Пергри, Pergri (стр. 60). По объяснению Дюлорье, это теперешний Баркири (Barkiry) в пашалыке Ван, на северо-восток от озера Вана (примеч. к главе 49, стр. 396).

[34\)](#) Но Муральт ошибается, переводя ἀκινάκης военным топором; этого не значит самое слово, да и подробности рассказа не позволяют предполагать, что речь идет о топоре.

35) Первые четыре главы этой статьи напечатаны в ноябрьской книжке Журн. Мин. Нар. Просв. за 1874 год. Появление следующих глав замедлилось по двум причинам. Одна из них указана в тексте, а другая состоит в очень приятном для нас внимании к нашему косвенному вторжению в область первоначальной русской истории со стороны ученого авторитета в этой области. А. А. Куник, которого мы слегка упрекнули в том, что он выпустил из своих рук вопрос, которого хозяином он уже был давно, в последнее именно время напечатал в Записках Академии Наук две статьи, сюда относящиеся. В одной из них («О записке Готского топарха») он упоминает, в приложении, о нашем исследовании и, хотя признает за ним некоторую заслугу, но эта заслуга состоит в разъяснении, хотя важного, но побочного для всей статьи вопроса. По главному вопросу он высказывает свое почти полное несогласие, и если делает уступку, то самую маловажную. При этом он отсылает нас к другой своей статье, имеющей скоро появиться в «Каспии» акад. Дорна. Благодаря благосклонной любезности автора, мы получили возможность ознакомиться с этой второй статьей г. Куника прежде ее выхода в свет и ради ее несколько приостановились своею работой. Прочитав большую и поучительную статью А. А. Куника, мы все-таки остаемся также при своем мнении. Сильные удары, наносимые в ней противникам норманской теории в русской истории, на нас не падают, ибо мы рассуждаем исключительно о византийских Варангах. А что касается этих последних, то мы еще не успели в первой статье высказать все свои соображения и доводы об их славяно-русском происхождении. Поэтому мы воспользовались статьей А. А. Куника так, как это, по нашему мнению, более всего требовалось интересами науки, то есть, усилив некоторые места, направленные против противоположного нашему мнения. Остальное пусть пока остается без перемены.

[36\)](#) «След нашелся впоследствии в византийском памятнике XI века, найденном самим Васильевским. См. его статью «Советы и рассказы византийского боярина XI века» в Ж. М. Н. Пр. 1881. Текст издан им же и В. К. Ернштедтом в Записк. ист. — фил. фак. С.-Пб. университета, ч. 38 (Se-caumeni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regiis libellus, 1896). См. в там стр. 10. 14. 97. — Ф. Б.»

[37\)](#) «О неточности перевода этой фразы автором см. ниже стр. 231 примеч. З. Ф. Б.».

38) «В оригинале не сказано, что Сигурд — Грек. С точки зрения саги он мог быть и Скандинавом. Ф. Б.».

[39\)](#) Из истории литературного общения Востока и Запада. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе, стр. 24.

[40\)](#) <Эпизод о Спес в нашей саге гораздо более позднего происхождения, чем думал В. Г. Васильевский, см. ниже. Что же касается мотивов из романа о Тристане и Изольде, то они заимствованы, вероятнее всего, из немецкого источника. Ф. В.>

[41\)](#) «Сближение рассказа о Спес с монгольской и индейской сказками здесь излишне, потому что рассказ этот не принадлежит к устному преданию и никогда в устной редакции, которую допускает наш автор выше, не существовал. Как доказал Воег в указанном выше издании Греттировой саги (предисловие стр. XXVI сл.), весь *Spesar thátttr* не что иное, как довольно неудачная литературная переделка одного из эпизодов саги о Гаральде Гардраде в редакции *Morkinskinna* или близкой к последней. Автор Греттлы прибавил от себя лишь мотивы, заимствованные из романа о Тристане. Ф. Б.»

[42\)](#) <Зависимость Греттлы от Гаральдовой саги гораздо более значительна, чем полагал В. Г. См. выше стр. 229 наше примечание о Spesar thattr. Ф. Б.>

[43\)](#) «Точнее — к 1032-33 г. См. выше стр. 1922. Ф. Б.»

44) <Перед нами тут прямое недоразумение, вызванное неточным латинским переводом в *Antiquites Russes* I, 298, которым пользуется в данном случае Васильевский. В оригинале, фраза, приведенная им целиком выше на стр. 223, имеет именно многократный смысл: многие Норманны в то время «отправлялись» в Византию и «поступали» там на службу. Речь идет здесь не об одних только спутниках Гаральда, что явствует как из контекста нашей саги, так и из самой саги о Гаральде: когда последний прибыл в Миклагард, то там уже было «великое множество (*mikill fjöldi*) Норманнов, которых зовут Вэрингами»: *Fornm. sögur* VI, 135. Ср. также *Flateyjarbók* III, 290. Вообще из саги о Гаральде видно, что последний застал в Византии уже вполне организованный корпус Вэрингов-Норманнов. Ф. Б.>

45) <Это положение остается в силе и теперь еще, так как сделанная Воег'ом (в предисловии к критическому изданию 1900 г.) попытка выделить из общего состава письменной традиции древнейшую, т. е. первоначальную редакцию сагиоГреттире, близкую к устному преданию, единогласно отвергнута критикой. См. Mogk. 1. с. 203, F. Jonsson, L. N. II, 751 s. Тем не менее, общий вывод, делаемый отсюда В. Г. Васильевским, едва ли может считаться достаточно обоснованным. Во всяком случае, вопрос об исторической достоверности рассказа о мести Торстейна над Торбиорном (без эпизода о Спес) этим не решается. Он должен быть поставлен на более широкую базу, и решение его находится в зависимости от решения тех общих вопросов, которых наш автор касается в шестой главе. Ф. Б.>

[46\)](#) Saxon. Grammatici liber I, p. 12 (ed. *Stephani*), liber II, p. 21. Ср. впрочем *Annales Ryenses*: MG. SS. XVI, 392.

[47\)](#) «Именем вэрингов в саге о Дитрихе называются не византийские Варанги, а вообще Скандинавы. Вопрос об источниках решается самой сагой, по которой главными источниками ее были «рассказы немецких мужей и отчасти их песни». См. издание Unger'a, 1853 стр. 2. 334. Ф. Б.»

[48\)](#) «См. предыдущее примечание. Ф. Б.»

[49\)](#) См. Rosselet, Isländische Litteratur, стр. 290 (в Энциклопедии Эрша и Грубера).

50) «Приговор слишком строгий. Новейшая критика по-прежнему причисляет Греттирову сагу к историческим сагам об исландцах (Jslendingasögur), чем, конечно, еще не признается историческая достоверность всех ее эпизодов и подробностей. С большим правом название «вымышленной саги» (lygisaga) может быть применено к Финнбоговой саге (о которой см. между проч. исследование Ф. Д. Батюшкова в Ж. М. Н. Пр. февраль-июль 1885), тогда как сагаоРафнкеле снова возвращает нас к чистому типу Jslendingasaga. Ф. Б.»

51) Конрад Маурер относительно собственно исландских саг замечает, что Мюллер и его последователи все-таки слишком рано полагают письменную редакцию оных. По его мнению, предположение, что уже в течение XII века было записано значительное количество исландских саг, основано на ложном объяснении и, быть может, на ложном чтении одного и единственного места в *Sturlungasaga*, между тем как самые полновесные свидетельства отодвигают начало сагописания к 1170–1180 годам. Стиль и язык сохранившихся до нас саг вполне сходится с такими указаниями, так что из всех дошедших до нашего времени исландских саг-'*Íslendinga Sögur* — только самая древняя, именно *Heidharvigasaga*, может принадлежать концу XII века (Ueber die Ausdrücke, стр. 497 и сл.). «Известная фраза *Sturlungasaga* (ed. Vigfusson I, 86), на которую здесь намекает В. Г. Васильевский, была предметом долгих споров между учеными, но в настоящее время вопрос ее смысле может считаться окончательно решенным теми соображениями, которые привел F. Jonsson (в предисловии к изданию *Egilssaga Skallagrímssonar* 1894, стр. IV примеч.; ср. также его *L.N. II*, 269 ss. и *Mogk* 1. с. р. 182). В результате получается вывод, что большинство так наз. '*Íslendingasögur* действительно записано еще в XII веке, а не одна только *Heidharvigasaga*, как полагал В. Г. Впрочем, вопрос этот не имеет существенного значения для его выводов. В общем, он был прав, доверяя главным образом работам Маурера, взгляды которого легли в основу почти всех дальнейших работ в этой области. Ф. Б.»

52) Говоря это, мы имеем в виду, главным образом, исследования и статьи Конрада Маурера в Записках Мюнхенской Академии (*Abhandlungen der Bayer. Academie der Wissenschaften. Philos.-Philol. Classe, XI Bd., S. 457–706, 1867 г.*; много раз цитуемое нами сочинение носит такое заглавие: *Ueber die Ausdrücke altnordische, altnorwegische und isländische Sprache*) и в Журнале для немецкой филологии (*Zeitschrift für deutsche Philologie. Erster Bd., 1869: Ueber die norwegische Auffassung der nordischen Literaturgeschichte, S. 25–88*). В дальнейшем изложении мы не только опираемся на общепризнанный авторитет Маурера, но заимствуем у него иное буквально.

53) <Так как сочинение Сэмунда до нас не дошло, то мы не можем сказать ничего определенного о характере и методе изложения его. Даже язык неизвестен. Вероятно впрочем, что он писал по латыни, — если вообще писал, что некоторыми учеными, напр. Штормом, совершенно отрицается. Ф. Б.>

54) «Сохранились лишь отрывки исландского перевода в трех редакциях, тогда как латинский оригинал до нас не дошел. Ф. Б.»

[55](#) <Точнее: между 1177 и 1180 гг. См. ниже, стр. 2602. Ф. Б.>

[56\)](#) См. объяснение к этому месту у Маурера, Ueber die Ausdrücke, стр. 608 сл.

[57](#) <Здесь перед нами недоразумение. В сагах упоминается не Михаил Калафат, а Mikael kátalaktus (= χαταλλαχτής), т. е. совершенно правильно — Михаил IV Пафлагонянин. Ф. В.>

58) «Разбираемый в шестой главе вопрос об отношении саги, как литературного памятника, к устному преданию и степени зависимости первой от последнего является кардинальным для всей работы В. Г. Васильевского. Аргументация автора, блестящая по своей стройной логичности и очень остроумная в частности, дает кое-какие новые соображения, оригинально освещающие этот труднейший в истории исландской литературы вопрос. Тем не менее, нельзя сказать, чтобы этими соображениями он решался удовлетворительно; к тому же он поставлен автором несколько односторонне и к решению привлечен далеко не весь имеющийся в настоящее время материал. Едва ли полное отрицание, к которому в данном случае склоняется В. Г., может считаться вполне обоснованным, хотя его здравый скептицизм и не мог не подметить слабых сторон в легковерии датских и норвежских ученых. Отдавая полную дань справедливости остроумию автора, сумевшего, не будучи начитанным специалистом в этой области, своеобразно осветить этот сложный вопрос и высказать ряд новых и весьма ценных замечаний, я все же думаю, что зависимость саги от предания гораздо больше, чем полагал В. Г. В одном пункте, во всяком случае, наш исследователь ошибается: Снорре не был первым исландцем, который «взял на себя труд представить связную историю норвежских королей в целом ряде саг, начав от самой глубокой древности» (см. выше стр. 252), и далеко не все сборники в роде *Morkinskinna* и проч. «представляют только позднейшую редакцию саг, составленных Снорре Стурлесоном» (стр. 257). У Снорре были предшественники в этой области; 'Agrim, *Morkinskinna*, а может быть и *Fagrskinna* независимы от *Heimskringla* и древнее последней, как оказалось теперь. Если б В. Г. это знал, то он, конечно, изменил бы свой взгляд на Снорре и его приемы собирания и проверки материала. Ф. Б.»

[59\)](#) «Это неточно: в Heimskringla и других редакциях борьба с Сарацинами и взятие 80 городов предшествуют походу на Сицилию. Ф. Б.»

[60](#)) [Monumenta historica Norvegiae latine conscripta. Ed. G. Storm. Kristiania 1880, p. 57. По Шторму, введ. VIII, Теодорик писал между 1177 и 1180 гг.]

[61\)](#) Síðan háðhiat hildir hvert ár, sem sjálfir vildudh (прозаическая конструкция).

[62\)](#) «В. Г., по-видимому, не заметил, что его догадка подтверждается самой сагой о Гарадьде (Heimskr. сар. 3), в которой говорится об участии норвежского принца в плавании греческого флота по «греческому», т. е. Эгейскому морю «вокруг «греческих островов» и в борьбе его с морскими разбойниками. Начальником флота, впрочем, является и тут Георгий Маниак, очевидно заменивший в саге Никифора Карантина. Ф. Б.»

[63](#) ‹Совершенно невозможная конъектура. Предлога stund в др. — исл. языке не существует, а есть только наречие (вин. пад. ед. ч. от суц. stund), которое в предполагаемом обороте немислимо. Ф. Б.›

64) «Переводя «более высокая», «верхняя» страна, автор введен в заблуждение произвольным переводом в *Antiquites Russes* II, 48: *regio superior*. В оригинале стоит *fold*, т. е. просто «страна, земля». Ф. Б.»

[65](#)) [Cp. Martinov, Annus eccles. Graeco-slavicus, p. 298.]

[66](#)) См. Freeman, The Norman Conquest I, 473; II, 187.

[67\)](#) Например, в истории осады 597 года той же Солуни Аварами: Ἄνδρα πυρράχην καὶ λαμπρὸν, ἵππῳ λευχῷ ἐφεζόμενον καὶ ἱμάτιον φοροῦντα λευχόν. Tougard, De l'histoire profane dans les actes grecs des Bollandistes, Paris 1874, p. 116.

68) В саге св. Олафа, дополненной чудесами: *halft fimta hundradh*. Другое чтение «*fimm hundradh manna*» (500 человек), очевидно, произошло из первого. См *Antiquites Russes* I, 469. *Scripta Islandor.* Т, 148. Ср. *Radius* (Heisli) стихотворение, написанное в честь Олафа около половины XII-го века, *Scripta* V, 342. В нем читается также *halft fimta*, но в латинском переводе ошибочно поставлено «*quingenti quadraginta*». Ср. Лексикон Клизби-Вигфуссона, стр. 242. О сочинении Эйнара Скуласона (Heisli) см. Maurer, «*Ueber die Ausdrücke*» стр. 553. У Кедрина (II, 523) начальник отряда (τοῦ τάγματος) Армян имеет под командой 500 пехотинцев.

[69\)](#) «Пирейская надпись так плохо сохранилась, и чтение и толкование ее настолько гадательны, что трудно строить на ней какие-либо выводы. В данном случае, впрочем, выводы Василья Григорьевича достаточно хорошо обоснованы и без привлечения к делу надписи. Ф. Б.»

[70](#)) Нельзя ли думать, что: *Hafi: uf* есть рунически написанное (με-)
)γαθου? После слова *Harad*, совершенно ясного, в обеих надписях
следуют знаки неполные и неясные.

[71](#)) τόν λεγόμενον Καυχάνον, а по другому чтению — χαυχάρον: итак кавкан не имя, а титул, что заслуживает внимания.

72) Восстание фемы Никопольской и поход Анфима в Элладу у Кедрина (II, 529–531) почти непосредственно предшествуют Солунской осаде, которая у него относится к сентябрю 1040 года. Наши замечания по поводу пирейской надписи направлены против статьи Г. С. Дестуниса, помещенной на французском языке в Бюллетене Академии Наук (t. I, p. 393–399 = *Mel russes* IV 88–98), а на русском в Известиях Археологического Общества 1867 года «т. I стр. 70–74», и отвечающей на вопрос: «подтверждает ли византийская история содержание Пирейской греческой надписи?» Почтенный автор статьи отвечает отрицательно, упирая главным образом на Никопольскую тему и доказывая, что Эллада не входила в ее состав, и что, следовательно, восстание в теме Никопольской не предполагает восстания в Афинах. По нашему мнению, больше внимания при этом заслуживал бы поход Анфима в Элладу и победа его над правительственными войсками при Фивах, Сагой о Гаральде и, в частности, Пирейской надписью занимается и английский ученый Фримэн (Freeman) в своем превосходном сочинении «The history of the Norman Conquest of England»; см. особенно том II, стр. 75–78 и 578 второго издания, 1870 года; но его замечания по этому частному и в сущности постороннему для него вопросу не представляют ничего нового и важного. См. нерешительные замечания в III томе при сопоставлении чисто исторических известий с сагами (стр. 328 сл., прим. 710 сл.).

73) Мы знали, что труды Паспати по средневековой эпиграфике Константинополя помещаются в константинопольском периодическом (двухмесячном) издании греческого филологического общества, носящем заглавие: Ὁ ἐν Χωνσταντινουπόλει Ἑλληνικός Φιλολογικός Σύλλογος, и употребили немало стараний, чтобы получить возможность воспользоваться исследованиями ученых этого общества. Благодаря любезному участию и посредству Л. Н. Майкова, мы получили несколько номеров издания из Константинополя; Г. С. Дестунис отыскал другие тетради у здешних ученых Греков; в библиотеке И. В. Помяловского нашелся также один год греческого Σύλλογος: но все-таки мы имели в руках не цельное издание и, что особенно жаль, не видали последних новейших выпусков. — Обращаем внимание русских ученых исследователей и ученых обществ на этот интересный журнал. В одном из выпусков, которые были у нас в руках, помещена большая статья о Διπλοχίονιον — о памятнике, воздвигнутом, как предполагают, в память победы Греков над Игорем; по некоторым указаниям нам известно, что на стенах Константинополя недавно открыта надпись, имеющая отношение к походу Олега. Быть может, знакомство с этой надписью было бы полезно как для тех, которые считают поход Олега сказкою, так и для тех, которые негодуют на такое посягательство против русской летописи.

[74](#)) Psell. hist. p. 26.

75) В самом деле, построение вышеприведенного периода совершенно ясно. При глаголе ἠδύναντο стоят два субъекта; первый: союзники и наемники, под которыми разумеются Русские; второй: всякие другие люди, то есть, не наемники и не союзники, и не Русские. Впрочем, некоторая неловкость слов: ἕτεροι τινες не может быть отрицаема: не следует ли читать вместо ἕτερον τίνες (= ἕτερ τινετ), как стоит в рукописи, ἑταιρίας или ἑταιρίαν?

[76](#)) Ἐξχούβιτον, ἐχσχούβιτον, ἐσχούβιτον (varie enim haec vox scribitur) significat interdum cohortes praetorias, seu excubitores qui ad palatium excubabant, interdum locum ipsum circa palatium, ubi stationes agebant и т. д. Ducange sub v.

Σχουβίτορες, in Glossis Basil, οἰωνεὶ φύλαχες ἄγρυπνοι, οὓς πρῶτον χατὰ Ῥωμόλου Τιβέριος χαῖσαρ ἐξεῦρε. Ibid.

Замечательно, что в самом рассказе византийцев о нападении бунтующей толпы на дворец говорится, что одна из трех частей, на которые толпа разделилась, бросилась именно на караульную часть дворца — χατὰ τὰ ἐξχούβιτα: Cedren. II, 538.

[77](#)) Amari, Storia dei Musulmani di Sicilia, II 375 след. Это превосходное сочинение итальянского ученого, а также сочинение de Blasiis (La insurrezione Pugliese) служили для нас важным пособием в этой главе. Нужно упомянуть, кроме того, о критическом исследовании Гирша, посвященном хронике Амата Монтекассинского (Forschungen zur Deutschen Geschichte, VIII Band). Мы старались, по возможности, обходить посторонние для нас вопросы и пункты и не всегда приводим основания, почему в такого рода подробностях принимаем известие того или другого источника. Для проверки и для дополнения того, что нами опущено, просим обращаться к указанным сочинениям, [а также к Jahrbucher des deutschen Reiches unter Heinrich II, von S. Hirsch und H. Breslau. Bd. III (1875)].

[78\)](#) С Вильгельмом Готвилем отождествляет Гаральда Муральт, а с Ардуином — Гопф. Как это неосновательно, доказывается целым рядом мест, где он именуется то министриалом, то служебником (servicial) св. Амвросия Медиоланского. Места собраны у Гирша и других.

79) [В житии св. Илии Нового (AA. SS. 17 Aug., III, 490), конца IX века, говорится о castrum Sanctae Mariae, внутри острова. В грамоте 1243 г. (Trincherà, Syllabus Graecarum membranarum, № 293, p. 403) упоминается ἐπίσκοπος τοῦ χαταντζαρίου καὶ τοῦ γυνεχοχάστρου. По этому поводу Trincherà, p. 574, в указателе, объясняет: Catacium, Χαταντζάριον, ital. Catanzaro, Calabriae civitas. В греческом житии св. Варфоломея (AA. SS. Septembr., VIII, 818), произведении конца XII в., упоминается ὁ μαχάριος Πολυχρόνιος ὁ τότε τῆς Γυν αἰχολόλεως ἐπίσκοπος, а также в булле папы Калликста II, 28 декабря 1121 г.- Polychronius éveque de Genicocastro (Batiffol, La chronique de Taverna et les fausses décrétales de Catanzaro, a propos du registre de Callixte II, в Revue des questions historiques, 1892, Janvier, p. 238)].

[80](#)) [Обсеквианцы = Славяне, в числе 30000 поселенцы τῆς τοῦ Ὀψιχίου χώρας. См. Nicerph. ed. de Boor. p. 36, 20–23. 37, 6].

[81\)](#) С. А. Гедеонов, «Отрывки» <Прилож. ко II-му тому Записок Имп. Ак. Наук. № 3> XIII, стр. 132 сл. Сверх мест, собранных здесь, и кроме вышеприведенного дополнения, мы можем указать на три юридические памятника, в которых упоминается о федератах. Это суть Прόχειρον, шестикнижник Арменопула (*Manuale legum sive Hexabiblos* ed. Heimbach, p. 586) и схолии к Василикам (*Basilica* ed. Heimbach, t. II, p. 463). [Ср. еще новеллу императора Юстина, I, 38: *Zachariae, Ius Graecorum*. III, 4. *Const. Porphyrog. De cerim.* I, 734].

[82](#)) [Cm. Georgii Abulpharagii sive Bar-Hebraei Chron. Syriacum ed. Bruns et Kirsch, p. 244 sq.].

[83\)](#) В подлиннике читается: ὁ το εὐγενές χράτος ἀπεληλυθώς — слова совершенно непонятные для нас. Мы восстанавливаем смысл на основании подобных мест у Пселла (р. 29. 96. 112) и предполагаем: ὁ τοῦ ἐχείνου γαμβρὸς τὸ χράτος ἀπελέληφε, — чего требует смысл.

84) [О том, что русские во время Константина Мономаха жили в Цареграде, свидетельствует сказание о двух чудесах Николая Чудотворца (о ковре и об оправдании невинно обвиняемого), сочиненное очевидно в Константинополе Русским, бывшим тогда там. В первом сказании говорится «мне же хоудому хотящю начати писати чюдо стаго Николы створившееся при моей худости тгда в Цриграде». Во втором сказании говорится о царе Константине: «от цря Константина тогда соушаго». См. Андр. Попова «Описание рукопис. библиот. А. И. Хлудова», стр. 451. 453. Ср. «Москвитянин» 1845 г., ч. VI, № 12, стр. 140–142. В Минее за декабрь, рукопись Троицкой Лавры № 90, лист 223 гесто, прямо говорится о купцах русских в Константинополе: «идеже Русстии купци приходяще челядь продают»].

[85\)](#) [Очевидно, Броссе не понимал подлинника и здесь ошибается].
«См. Прибавление в конце этой главы».

[86](#)) Histoire de la Géorgie, traduite du géorgien par M. Brosset, I, p. 321. Почтенный переводчик относительно последней части отрывка замечает: Il faut que cette phrase ait paru bien extraordinaire, à, d'autres qu'à moi, puisque dans mon manuscrit on lit ici en note: «Ceci est écrit dans trois exemplaires». Признаемся, что мы все-таки не понимаем, зачем тут явились решета. <См. Прибавление на следующей странице>.

[87](#) «Ср. Прибавление».

[88\)](#) «Абхазо-грузинского царства».

[89\)](#) «Давид, царь армянского царства в Ташире в южной Карталинии».

[90\)](#) «Т. е., и на востоке, и на западе, где действовал сам Липарит».

[91\)](#) «Вм. «Баша» в версии царицы Марии: «Шуа», что на грузинском имеет и нарицательное значение «середина»».

[92\)](#) «В подлиннике ошибочное чтение, описка «ашит варангита» вм. «амат варангта»».

[93\)](#) «В этот момент Месхи были союзниками Липарита. Ацкурский владетель прибыл с Месхами на помощь сначала к Баграту, но вскоре бежал от него и вошел в соглашение с Липаритом, как рассказано раньше в тех же Груз. Лет. (225, 4–7, Brosset, 321, 1–3)».

[94\)](#) «Буквально: «готовили хлеб»».

95) <Буквально по идиотизму грузинской речи: «так перешли потеху». Потеха по-грузински «лхин-и». В версии ц. Марии по описке вм. «лхин-и» стоит «лих-и». Случайно так называется одна горная цепь, и потому чтение версии ц. Марии можно понять так; «так перешли через (гору) Лих»>.

96) Небесполезно будет сопоставить слова Кедрина: «собрав в одно место все союзные силы, я разумею Франков и Варангов», с приведенной уже раз фразой Пселла: «союзные силы, которые к ним пришли от (иноплеменных) народов: Италийцы и Тавроскифы». Италийцы (Ἰταλοῖ) соответствуют Франкам, потому что под Франками обыкновенно понимаются южно-итальянские Норманны. Кому же соответствуют Тавроскифы? Несомненно — Варягам. Слова Кедрина и слова Пселла относятся к одному и тому же времени. Можно даже предполагать, что Кедрин написал свое: «я разумею Франков и Варангов» под влиянием знакомства с сочинением Пселла, несколько переиначивая его фразу. Именно Кедрину принадлежат, по-видимому, эти четыре слова. Их нет в том латинском Скилице, о котором сейчас нам придется говорить. Там (ум. 121 г.) читается просто: *coactis in unum sociis omnibus (et accersitis equitibus a Teluch)*. Впрочем, нельзя поручиться за точность латинского перевода Скилицы и нельзя сказать, чтобы принадлежность этих слов Кедрину много изменяла положение дела.

[97\)](#) В более древнее время секира, как известно, была также национальным оружием и у Франков: множество мест, в которых она упоминается, нет нужды приводить. Но все заставляет думать, что в то время, которым мы занимаемся, Франки оставили уже топоры. Иначе зачем же было англо-норманнским писателям, близко знакомым с французским военным бытом, так настойчиво твердить о *securis Danica*, как об особенности Англо-Саксов? См. об этом ниже.

[98\)](#) Сравни об этом XI главу Girardi Cambrensis, *Descriptio Cambriae* (ed. Dimock, London, 1868), VI t. (сочинений Гирарда), p. 185.

[99\)](#) Ср. Lup. Protospath. sab anno 1066. MG. SS. V, 59. Здесь назван quidam dux Graecorum nomine Mambrita. Dux, вероятно, перевод слова ἄχολουθος. Mabrīca Анонима несомненно Маврикий, как nabalī exercitus (под 1071 г.) есть navalī exercitus.

[100](#)) Это место сообщено нам, так же, как и другое, которым мы воспользовались прежде, бароном В. Р. Розеном, профессором арабского языка в С.-Петербургском университете. Он взял на себя даже труд поверить печатный текст Ибн-эль-Аттра, изданный Торнбергом, с лучшей рукописью этого писателя, которая принадлежит библиотеке университета, так как у Торнберга некоторые имена переданы совсем неисправно и непонятно (Грб — на месте Арабов). Слово Курчь объяснил нам П. И. Лерх. Приносим глубокую благодарность обоим ученым. (См. теперь Зап. Вост. Отд. И. Р. Археол. О., т. I, стр. 19 и сл., 189 и сл., 243 и сл.)

[101](#)) Niceph Bryenn. p. 58, 22 sq.: ὁ Φράγγος Οὐρσελιος, τῆς ἐταιρίας ὧν τοῦ Χριστανου χαὶ τῆς ἐχείνου χαταρχων φάλαγγοσ, ἄτε ἐχείνου τὸ χρεῶν ἀποτίσαντοσ.

[102](#)) Aimé, Ystoire de li Normant I, 9 p. 14 éd. Delarc: Mes pour lo juste jugement de Dieu, li Turc orent la victoire et fu grant mortalite de Chrestiens. Et Auguste et Urselle furent prison, et ensi ces II o tout lor chevaliers furent menez en prison.

[103](#)) Дюканж объясняет ἀλλαγία как *stationes, diversoria militum, quae subinde mutantur*, и прибавляет, что это *vox tacticorum recentiorum*. Он приводит только один пример употребления этого термина — из Пахимера (IV, с. 27). Едва ли ἀλλάγιον имеет что-либо общее с ἀλλαχτὸν — μαυχλάβιον, хотя сближение представляет большую заманчивость.

[104](#) Это замечено Фримэном (The History of the Norman Conquest of England, IV, 628).

[105](#)) χαὶ ξενιχῶν τίνων εὐαρίθμητων βαρβάρων τῶν ἐπὶ τοῦ δεξιοῦ εἰωθότων χραδαίνειν ὦμου τὸ ξίφος.

[106\)](#) См. выше, стр. 271 и 275–277.

[107](#) <Новгор. летоп. по Синод, сп., г. 6712; изд. Археогр. Ком. 1888 г., стр. 185 и 187.>

[\[A.V.1\]](#) Аланы — это овсы, осетины, ясв, асы.

[\[A.V.2\]](#) Мстислав Черниговский!!! В союзе с императором «Священной Римской империи». Взял столицу Польши — Гнезно — и посадил там из своих рук короля Бесприма.